

Виталий Чамагуа

**Эпоха Владислава.
Хроники**

Сухум – 2013 г.

Виталий Чамагуа

Эпоха Владислава. Хроники. Сухум: РУП «Дом печати», – 2013 г.
– 316 с.: илл.

В книге очерков (хроник) журналиста и публициста В. Чамагуа освещаются события и факты, связанные с деятельностью основателя современного Абхазского государства, Первого Президента Абхазии В. Г. Ардзинба. Она состоит из 3-х глав, повествующих о некоторых «белых пятнах» новейшей истории Абхазии на основе свидетельств и воспоминаний Владислава Ардзинба. Ее временные рамки охватывают предвоенный, военный и блокадный периоды. Отдельный раздел отведен очеркам российского писателя и публициста Николая Абина, посвященным В. Ардзинба.

Книга может быть полезна историкам и политологам, всем, кто интересуется событиями и свершениями нашей судьбоносной эпохи, названной, по историческому праву, эпохой Владислава.

ПРАВДА ФАКТА – ЭТО ПРАВДА О ВЛАДИСЛАВЕ

О жизни и деятельности Владислава Ардзинба, о его выдающемся вкладе в национально-освободительную борьбу абхазского народа, в Победу над агрессором, в послевоенное строительство новой абхазской государственности повествуют книги, альбомы, буклеты, кинофильмы. О Первом Президенте рассказывают политики, дипломаты, историки, писатели, журналисты. Делятся воспоминаниями соратники, друзья, сослуживцы.

Как человек и политик, находившийся в течение десяти лет рядом с выдающимся сыном абхазского народа, я каждодневно, близко и изнутри, видел и ощущал ту колоссальную энергию, недюжинную работоспособность и сильные волевые качества Владислава Ардзинба, без чего невозможно было выстоять и войну, и блокаду, и борьбу с недругами и оппонентами абхазской независимости. С какими бы, на первый взгляд даже неразрешимыми, проблемами и трудностями он не сталкивался – все они были подвластны его непреклонной воле,

глубокому интеллекту и широчайшей эрудиции. Потому-то столь судьбоносными и масштабными были свершения Владислава Григорьевича. И надо полагать, что есть еще много неизведанных пластов его разнообразной титанической деятельности в борьбе за свободу и независимость Аpsны, укрепление ее государственности, развитие демократических процессов в Абхазском обществе. Все это, разумеется, происходило далеко не в спокойной атмосфере, а, наоборот, на острие интересов, порой, вопреки воле «сильных мира сего» – стран Запада и Ельцинской России. Эти моменты – важные в освещении нашей современной истории – ждут дальнейшего скрупулезного исследования и обнародования учеными, писателями, журналистами.

Полагаю, что такая попытка сделана журналистом и публицистом В.Чамагуа в книге «Эпоха Ардзинба. Хроники», недавно представленной им на суд читателей. Я, как очевидец, могу засвидетельствовать, что, начиная с 1989 года прошлого века, Виталий Зиевич – один из ближайших сотрудников и соратников Владислава Ардзинба. Тесные и доверительные отношения меж ними, затем переросшие в товарищеские, как я представляю, сложились на основе общности их убеждений по основополагающим проблемам, целям и задачам абхазского общества.

Со времени основания газеты Верховного Совета «Республика Абхазия» – В.Чамагуа ее главный редактор в течение 20-ти лет. Газета, созданная В.Г.Ардзинба в 1991году, являлась тогда одним из основных каналов, формировавших идейно-духовную составляющую абхазского национально-освободительного движения. Эту «составляющую» определял глава Абхазии, а направлял – гл.редактор. С 2000 года Владислав Григорьевич, наряду с газетой, поручил В. Чамагуа руководство деятельностью всех идеологических учреждений в стране, куда входили также газеты, телевидение и радио.

Этими примерами из нашего недавнего прошлого хочу подчеркнуть такой аспект, как доверие Владислава Ардзинба к своему сотруднику и соратнику. И, естественно, что Владислав, часто общаясь по служебным вопросам со «своим» идеологом, также делился с ним неизвестными широкой аудитории, а иной раз и соратникам, фактами и событиями, имевшими место в его многогранной и судьбоносной деятельности. Я думаю, что он делал это неспроста: прекрасно осозна-

вал, что его внимательно слушает журналист, и в последующем, в том или ином формате, все рассказанное им, увидит, как говорится, свет.

Такова, полагаю, одна сторона вопроса. Другая – это то, что немало моментов эпохи Владислава наблюдал сам автор книги. И опять-таки с ведома и согласия Владислава Григорьевича. А иной раз по его прямой инициативе.

Я помню и такие случаи, когда Владиславу предстоял тяжелый и нелицеприятный разговор с тем или иным проштрафившимся соратником, он призывал гл. редактора к себе и в его присутствии отчитывал провинившегося. И порой это завершалось отстранением последнего от работы.

Журналистов в Абхазии немало. Владислав Григорьевич со многими из них часто общался: давал интервью, пресс-конференции, о нем они писали очерки и рассказы. Но приватно, как видим, он общался не со всеми из них. Свидетельством тому книга «Эпоха Владислава. Хроники.»

Владислав всецело доверял собеседнику и в том, что тот раньше того или иного срока (а это особенно важно было в блокадное время) не будет злоупотреблять сенсационной составляющей некоторых «Хроник». Я, кстати, поинтересовался у автора – почему «Хроники», а не очерки или рассказы? Ответ был лаконичен: чтобы зримее и явственнее выделялся образ Владислава.

Всем известно, что Владислав Ардзинба выдающийся политический и государственный деятель, организатор Победы, основатель государства. Автор «Хроник», как мне видится, поставил задачу показать каким был путь лидера – тяжелым, драматичным, тернистым – к тому, что выше отмечено. Потому каждое повествование книги зиждется на «правде факта». То есть каждая «хроника» – это сообщение о событии или факте, как пишет автор, ограниченном во времени, в небольшом его отрезке, с происходящими в этих рамках коллизиями. А они, эти коллизии, непросты, иной раз и трагичны. Глава Абхазии нередко оказывается «в тисках жесточайших обстоятельств». И от правильного выбора лидера в тот момент зависела судьба Абхазии и жизнь народа. И он с честью выходил из них, отдав в борьбе с ними много сил, энергии и здоровья.

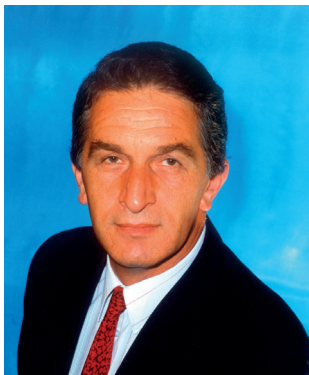
Автор, это видно по хроникам, достаточно объективно излагает картину минувших реалий и событий. Пытаясь иной раз, «художественным» способом преодолеть некие «табу» национального менталитета на истину и достоверность в исторических коллизиях недавнего прошлого.

И все же в некоторых случаях бросается в глаза определенная недосказанность, есть ощущения неполноты картины. Причина, на мой взгляд – это все те же особенности упомянутого менталитета, то есть нашего традиционного «пхашьяроуп». Из-за этого, видимо, автор изменил имена некоторых героев. В будущем, в следующих очерках, а я знаю, что они планируются, автору надо бы преодолевать «слабые места» нашего менталитета в освещении сложных проблем минувшего времени.

Тем не менее, книга «Хроник» убедительно показывает единство и сплоченность народных масс в противостоянии с агрессором. При этом не лакируется, замечу, т.н. «единство» в верхних эшелонах власти, как во время войны, так и в мирный период. Не все здесь было однозначно. Имели место, как известно, мнения и позиции влиятельных политиков, существенно отличавшиеся от планов и устремлений лидера. О том свидетельствуют рассказы и комментарии Владислава Григорьевича, отраженные затем в виде «Хроник».

В этом как раз ценность книги «Эпоха Владислава. Хроники». И ее отличительная особенность от других, так же весьма интересных и познавательных изданий, повествующих о Владиславе, о его судьбоносной эпохе.

Валерий АРШБА,
Вице-президент в 1995–2005 гг.

– Ты знаешь, какие интересные тайны храню в своей памяти, – не раз отмечал Владислав в ответ на мои просьбы рассказать о «белых пятнах» военной или мирной поры. – Вот уйду на отдых, начну писать мемуары. Это будет, даю слово, бестселлер века, – со значением приговаривал он.

Владислав АРДЗИНБА

О РОЛИ ЛИЧНОСТИ В ИСТОРИИ

Вместо предисловия

В истории человечества, которое насчитывает не одно тысячелетие, не мало личностей, оставивших глубокий след в памяти потомков. Многие народы прославлены своими великими представителями. Другое дело – в какой ипостаси. Одни лидеры были известными завоевателями, иные – устроителями жизни своих народов и государств.

Бесспорно то, что эпоха великих личностей длилась до тех пор, пока существовало материальное и духовное наследие их выдающихся свершений. История абхазов – тому убедительное свидетельство.

Эпоха Леонидов просуществовала около двухсот лет. Достаточно солидный срок даже по историческим меркам. В рамках того времени завоевательные устремления этой абхазской династии завершились созданием мощной империи в Закавказском регионе, с охватом части территории Северного Кавказа.

Весьма значительным было влияние Абхазского Княжества в Кавказском регионе с конца XVIII до первой половины XIX века. Это была эпоха умного, решительного и харизматического правителя Абхазии Келешбея Чачба, контролировавшего побережье Черного моря от Батума до Анапы. Имевшего, к тому же, значительный флот и достаточно большое войско, насчитывавшее до 25-ти тысяч воинов. Эта эпоха завершилась после отмены автономии Абхазского Княжества в 1864 году, в связи с победой Российской империи в Кавказской войне.

И только в 1921 году, с основанием ССР Абхазии, была возрождена абхазская государственность в форме советской республики. Это случилось в эпоху выдающегося политического и государственного деятеля Нестора Лакоба. Просуществовала независимая СС РА недолго – до 1931 года. А эпоха Нестора Апполоновича завершилась в результате его вероломного убийства в 1936 году политическими оппонентами – Сталиным и Берия. После этого наступило время колониального нахождения Абхазии в составе грузинской метрополии. После десятилетия бесправного существования в грузинской «малой» империи, Абхазия в 1993 году, в результате кровопролитной освободительной войны, обретает независимость. Это свершается под руководством Владислава Ардзинба. Приходит новая эпоха, под крылом которой рождается абхазская государственность – Республика Абхазия.

Таким образом, из сказанного следует, что личность и народ творят историю. И очень весома при этом, если не первична, роль личности в истории. Когда у народа нет достойных лидеров, нет и судьбоносных событий и позитивного движения вперед. Все происходит инерционно, народ переживает безликий, застойный период. В такие исторические моменты происходит размывание и разрушение великих достижений предыдущего периода. Народ, в таком случае, прозябает, и, в основном, может рассчитывать только на собственные силы и возможности, или же на провидение. Если в эту пору случатся катаклизмы или трагические коллизии, массы вполне могут пойти не по спасительному, а по гибельному пути. Свидетельством тому трагедия махаджирства в прошлом, усилившаяся после смерти Келешбея и ослабления, в связи с этим, «центра силы» в абхазском обществе того периода. По той же причине, и из-за отсутствия единства в абхазском обществе, была оккупирована грузинскими меньшевиками Абхазия с 1918 по 1921 годы.

С началом грузинской агрессии против Абхазии в 1992 году встал вопрос: быть или не быть народу. Тогда Всевышний предопределил судьбу абхазов – идти им путем, указанным Владиславом. Лидер и народ, преодолев неимоверные лишения и трудности, добились того, что абхазы издревле ценили превыше всего – независимости и свободы.

И все же, позволим себе риторический вопрос: окажись, что тот же Всевышний, оберегающий абхазов издавна, со времени зарождения человечества, лишил наш народ лидера в столь трагический момент, что бы стало с нами? Слава Богу, этого не произошло. Возглавив абхазов, Владислав привел их к победе и свободе. Заслуги Владислава Ардзинба, Первого Президента Абхазии, широко известны. Но есть события и факты, штрихи и эпизоды его обширной биографии, оставшиеся втуне. Стремительная и драматичная эпоха свершений лидера не все позволяла фиксировать, отразить документально. В этом плане считаю важным попытаться осветить некоторые «белые пятна» в жизни и деятельности Владислава в форме «Хроник». Эти факты и отдельные штрихи минувшего, надо думать, являются как раз теми, иной раз, невидимыми «кирпичиками», которыми, вполне возможно, выложена выстроенная лидером эпоха.

Почему «Хроники», а не очерки или рассказы? – задастся вопросом, ознакомившийся с книгой читатель. Ответу сразу: обычно в жанре «Хроник» больше документальных свидетельств, нежели суждений и размышлений, как, скажем, в очерке или рассказе. Под словами «документальные свидетельства» подразумеваю события и факты, рассказанные мне Владиславом Григорьевичем, а затем изложенные мной в «Хрониках». Поскольку все это связано с выдающимся государственным и политическим деятелем, то книгу «Хроник» можно воспринимать как литературное произведение, содержащее историю политических и общественных событий. Некоторые из них я наблюдал самолично, другие – почерпнуты из источников, заслуживающих доверия.

О Владиславе Григорьевиче много написано и рассказано в кинофильмах, книгах и воспоминаниях. Там говорят о нем заслуженные люди: политики, общественные деятели, военные, просто граждане.

В «Хрониках», повествующих о том или ином эпизоде из жизни Владислава, причем с его слов и свидетельств, заложена иная задача: на фоне фактов и эпизодов, связанных с деятельностью Ардзинба, по-

казать, в первую очередь, те обстоятельства и коллизии, неизвестные широкой аудитории, которые могли бы еще раз высветить характерные черты нашего лидера: его силу воли в экстремальной обстановке, решительность и твердость в отстаивании прав и свобод народа, мудрость и прозорливость в постановке задач государственного строительства. И все же, главная задача «Хроник» – показать лидера в свете времени, в ее небольшом отрезке, в тисках обстоятельств, а иной раз, в военный период, и в трагической обстановке. В то время трудно было всем: решалась судьба народа. И вовсе тяжкой, можно сказать драматичной, оказалась в первые дни войны ситуация для главы Абхазии. С одной стороны, грозное нашествие, с другой – созданная внутренними оппонентами Владислава дилемма для народа: сопротивляться агрессии или сдаться на «милость» врага.

Сегодня очевидно, что сила воли и решительность Владислава, проявленные в первые дни войны, спасли абхазов от грузинского рабства. Тогда, местечковый партийный «вождь» Рубен Рубенович (обобщенный образ оппонентов национального лидера), обвинив Владислава в провоцировании войны, выдвинул ему ультиматум:

– Ты много на себя берешь, решая за народ, – упрекал он Ардзинба, – уезжай в Москву, а мы здесь как-нибудь без тебя разберемся. Вернемся к конституции автономной Абхазии и будем нормально жить с грузинами. – Таким смелым был он оттого, что имел союзников из числа себе подобных.

Владислав не дрогнул. Собрав народный сход, он, напрямую обращаясь к народу, спросил:

– Воевать будем или сдаваться? Иного выбора у нас нет. – Нависла тишина. И затем, после паузы, прогремело:

– Будем воевать до победного конца. – Таким образом, поддерживав лидера нации, пассионарии из народа победили карьеристов – партократов, не мысливших существования Абхазии вне грузинской метрополии.

В мире представляют Владислава Григорьевича волевым и твердым политиком. Но не все знают, особенно за пределами Абхазии, что он не являлся твердокаменным по своей сущности. Ничто человеческое ему не было чуждо. И сомнения посещали его, сочувствие

и жалость к ближнему, соплеменникам, согражданам. И все это было искренне, без личностных пристрастий. Им не управляли амбиция и гордыня.

Вот, скажем, сочувствие к ближнему. Не каждый политический деятель обладает этим самым человеческим качеством. У Владислава, в чем я не раз убеждался, оно было в избытке. Как-то в разговоре с ним заметил, что сильно болеет дочь жреца святилища Дыдрыпшь-ныха. А наши врачи ничем не могут помочь. Владислав в тот момент промолчал. Мы обсуждали очередное решение Совета глав государств СНГ по ужесточению блокадных санкции. И думали: как подать информацию о том в печати, чтобы успокоить народ, не дав ему пасть духом.

Позже, случайно встретив Заура Чичба, узнаю, что его дочь выздоровела. С благодарностью так же говорил он о том, как ему помог Владислав Григорьевич, изыскавший средства для лечения в Московской клинике. Факт этот, разумеется, не государственной важности, но за ним – судьба человека. Или такой случай. Только-только завершилась война. Кругом разруха. Люди живут без зарплаты, пенсии мизерные. В редакции, помнится, вместо денег получали гуманитарку и хлеб.

После обсуждения очередной газетной проблемы, Владислав, обращаясь ко мне, говорит:

– В последнее время я думаю о том, как найти средства, чтобы посадить всех наших инвалидов войны на автомобиль «Ока». Наше государство, за которое они проливали кровь, обязано сделать это, чтобы дать им возможность передвигаться.

Увидев изумление на моем лице, и решив, что я его не понял, разъяснил:

– Есть такие специальные машины с ручным управлением для инвалидов...

Но я думал в тот момент не о том. Мне почему –то вспомнился писатель Герберт Уэлс и его «Кремлевский мечтатель». Здесь, у нас, как и в России времен гражданской войны, разрушенная Абхазия, мертвая экономика, полное безденежье, жесточайшая блокада, угроза повторной агрессии... А вот «Сухумский мечтатель» Владислав Ардзинба в это время размышляет о том, как обеспечить машинами искалеченных

войной инвалидов. Приходит ли такое в головы нынешних правителей, коих дружественная держава заваливает миллиардными суммами? Вряд ли. Но это, к слову.

События и эпизоды, факты и случаи – непростые, сложные, судьбоносные – сопутствовали Владиславу на протяжении всех лет его правления, как в лихолетье, так и в мирное время. Некоторые из них он поведал мне, о других, полагаю, рассказал еще кому-то. Конечно, все это должно увидеть свет. Нельзя ни один штрих, имеющий отношение к лидеру нации, оставлять в забвении. Это как раз я считаю своим долгом. Но, думаю, основное, более существенное, значимое, и еще не обнародованное, Владислав оставил на потом, для своих мемуаров, которые, как он не раз говорил, собирался писать на отдыхе. Успел ли?

Читатель может спросить – а почему Владислав Григорьевич на тему «Хроник» общался именно с их автором? Ответу и на этот вопрос, не отодвигая его в долгий ящик.

...Двадцать лет я возглавлял государственную газету, созданную Владиславом Ардзинба в 1991 году, в тот самый переломный момент. Мы вместе дали газете название: я предложил первое слово «Республика», а он прозорливо добавил – «Абхазия». И тогда получилось: «Республика Абхазия». Это был прообраз названия нашей страны – Республики Абхазия. В ту пору, как, впрочем, и в последующем, он нередко делился со мной планами на будущее. Речь шла о народе, о нашей государственности, о перспективах свободы и независимости. В то сложное время, иной раз, мне чудилось, что планы эти – всего – навсегда мечты. Не так легко исполнимые. Но Владислав обладал харизмой, логикой и даром убеждения – и приходила уверенность в успех правого дела абхазов. Его единомышленникам очень хотелось, повторяюсь, верить в то, в чем был убежден лидер: что народ добьется своего, что свободу и независимость обретают те, кто самозабвенно этого желает.

Этот настрой Владислава я почувствовал с первых дней знакомства с ним. И тогда, по его первой просьбе в 1989 году, оставив работу в обкоме партии, перешел в качестве первого зам. главного редактора в газету «Абхазия», чтобы, как обосновывал эту необходимость Владислав, обеспечить нужную политическую направленность издания Верховного Совета Республики. Он в ту пору являлся народным депутатом СССР и директором Абхазского Научно-Исследовательского Института.

Этот случай скрепил наши дальнейшие отношения. Владислав Григорьевич позже вспоминал, что он ждал моего отказа на предложение перейти в газету. Да я и сам не сразу понял, как все это быстро произошло. Так, видимо, случается, когда общаешься с неординарной личностью. Оттого и принимаешь неординарные решения. Так случилось и в 2000 году, когда он предложил мне занять должность руководителя отдела Администрации президента, где я проработал около четырех лет, одновременно возглавляя газету «Республика Абхазия».

Словом, почти 15 лет работал с ним, можно сказать, в унисон. Он – глава Республики, я – главный редактор официальной государственной газеты страны. Мне, журналисту, было очень легко, а вместе с тем и весьма ответственно, общаться с ним. Владислав был высокообразованным руководителем. В этом плане мог легко подметить насколько компетентен руководитель, сколько бы тот не рядился в профессионалы и ученые мужи. Мне же больше всего импонировало, что он, будучи главой государства, прекрасно знал и высоко ценил значение печатного слова. Я видел разных секретарей обкома и президентов в работе, но все они к печати относились по остаточному принципу. У Владислава контакт со СМИ сложился тесный, а с «Республикой Абхазия» – и подавно. Не было недели, чтобы я не побывал у него, если такое случалось, он сам звонил и, призвав меня к совести, предлагал явиться к нему. Десятки писем, справок, отчетов и прочих документов с его личным «автографом» адресовались мне для работы над ними и последующей публикации в газете. Эти документы и поныне хранятся в моем архиве.

В этой связи вспоминаются некоторые высокопоставленные чиновники, не обладавшие не только знанием значения газеты, но и элементарной политкорректностью. Иногда, пересылая в газету документ или письмо, какой-нибудь министр или вице-премьер мог на нем начертать: «опубликовать немедленно»! Не понимая при этом, что сие прерогатива редактора и редколлегии. Владислав же, глава государства, в таких случаях писал: «Тов. В. Чамагуа! Может стоит опубликовать?» Или: «На ваше усмотрение». Вот это и есть пример высокой духовности и культуры, глубокого интеллекта.

Общаясь с ним, я убеждался, что он видит во мне не только руководителя газеты, но также журналиста и творческую личность. Я это

очень ценил и старался как можно лучше выполнить ту или иную его просьбу. Они все тогда были связаны с публикациями на тему грузино-абхазских отношений. И чтобы как-то скрасить это муторное однообразие, он часто беседовал со мной на разные темы, рассказывал немало историй, фактов и случаев, имевших место в его обширной практической деятельности. Владислав, считаю, делал это неспроста. Он доверял мне. И потому, рассказав о том или ином факте, подчеркивал: это не для печати. По крайней мере до поры до времени. Мы тогда были в блокаде, и любое неосторожное слово, особенно в государственной газете, было чревато неприятностями. Но в душе, в чем я не сомневаюсь, он был не против, чтобы многое из рассказанного им, увидело свет. Он, в свое время, предлагал мне сотрудничество в подготовке его мемуаров: мне и своему помощнику Астамуру Тания. Но тогда это дело не склеилось. Владислав был перегружен работой. Затем пришла коварная болезнь.

Владислав Григорьевич знал, что у меня есть наброски очерков предвоенного и военного периодов. Я ему говорил, что дальше почему-то не пишется, наверное оттого, что газетная публицистика мешает сосредоточиться. Он в ответ дал, как всегда, дельный совет: «Собирай и копи материал. И знай – придет время и все получится». Видимо, это время пришло. Свидетельством тому книга «Хроник» на тему о Владиславе. А как это получилось, надеюсь, оценит читатель. Полагаю, что это первая часть. Думаю, через год-два смогу подготовить и вторую книгу. Верю в то, как иногда говаривал Владислав, что дорогу осилит идущий. Дай – то Бог!

Послесловие. В конце книги даются пять очерков публициста и писателя, давнего друга Абхазии Николая Абина. Мы с ним – старые приятели. Когда я, некоторое время тому назад, поделился с Николаем своими планами по поводу издания «Хроник», он горячо поддержал мою идею. Вместе с тем попросил разместить в будущей книге свои очерки, посвященные Владиславу Григорьевичу. Я любезно согласился. Потому они там и находятся. Думаю, взгляд русского писателя и оценка им личности Владислава Ардзинба, будут небезынтересны абхазскому читателю.

Автор

ГЛАВА 1. НАКАНУНЕ АГРЕССИИ

ТАКОЕ БЫЛО ВРЕМЯ

На дворе – ноябрь 1989 года. Погода стоит по-осеннему теплая. Ласковое полуденное солнце скрашивает довольно муторное и прившееся партийное мероприятие – возложение цветов к памятнику вождя трудящихся на одноименной в ту пору площади. После завершения церемонии группа партийных и советских работников пешком, не торопясь, направляется в сторону Абхазского драмтеатра. Впереди всех – первый секретарь Республиканского комитета партии Владимир Хишба и Председатель Президиума Верховного Совета Абхазии Валерьян Кобахия. За ними потянулся, как тогда обозначали, партийно – советский актив. Сразу за Хишба и Кобахия шли и мы: Отар Осия – помощник секретаря Рескома, Валерий Аршба – зав.лекторской группой и я – инструктор идеологического отдела, курировавший в то время сферу культуры и СМИ. Шли мы и говорили о текущей ситуации в республике, в стране, которая тогда называлась Советский Союз. Помнится, проводились параллели, что нынешний год, – это время смуты в обществе, выплеснувшейся в Абхазии межнациональными столкновениями 15-16 июля. В стране и в обществе неопределенность в мыслях и действиях как власть предержащих, так и простого народа. Многие процессы совершаются по инерции. Что-то там производит, дышащая на ладан, экономика. Не в пример ей, бурлит, грозя смести советские скрепы и устои, политическая сфера. И все же соблюдались, правда, без особого рвения, ритуалы и традиции, наработанные в течение десятилетий советским обществом и государством. Свидетельством тому и наше мероприятие. Так, делясь мыслями и говоря о том, о сем, подошли мы к театру. Здесь, как это повелось издавна, должно было состояться собрание – опять-таки того самого партийного и советского актива.

Замечу так же, что даже мы, работники партийных органов, за редким исключением, с большой неохотой присутствовали на подобного рода казенных мероприятиях. Но это был, для того времени, обязательный ритуал. Кроме того, каждый из нас за что-то был ответственным. Так что партиец мог отсутствовать на подобном мероприятии лишь по причине болезни, или же, не дай Бог, по случаю собственной кончины и прочих подобных напастях.

Все это, однако, предыстория, которой я пытаюсь показать картинку того периода. А сама история случилась уже подле театра, где меня решительно и быстро «сосватали» в газету «Абхазия». Но, давайте, я все же изложу происшедшее по порядку.

Когда мы подошли к театру, заметили там народного депутата СССР Владислава Ардзинба. Ни я, ни Аршба и Осия, его близко не знали. До этого я встречался с ним пару раз после событий 1989г. Один раз, помнится, мы вместе были у секретаря Рескома партии. Решался вопрос создания, если не ошибаюсь, Абхазского исторического общества. Владислав Григорьевич, чувствовалось, был лоббистом абхазских историков и весьма настойчиво ставил вопрос об ускорении сроков создания этой организации. Его энергия, напористость, убедительная аргументация сделали свое дело – «Общество историков» родилось в течение недели. При этом мне любопытно и познавательно было наблюдать как высокопоставленные руководители, обычно непривычные скоро решать проблемы, в случае же с Владиславом Григорьевичем старались не затягивать с теми или иными вопросами, которые он ставил перед ними. Впрочем, это к слову.

В нашем случае, у театра, мы двинулись к входу и здесь Ардзинба подошел к нам решительным шагом и, оглядывая нас улыбчивым взглядом, произнес: «Привет, ребята». Затем, поздоровавшись с каждым за руку и коротко поговорив с нами, он предложил мне отойти в сторону на пару слов.

– Послушай, Виталий, – начал со мной разговор Владислав, – я договорился с Валерьяном Османовичем по поводу тебя, то есть о твоём назначении первым заместителем главного редактора газеты «Абхазия». – Я был огорочен его словами и не знал что сказать. А он продолжил: – Ты пойми, дело это очень нужное, мы живем в слож-

ное время, нам предстоит еще решительнее отстаивать свои права. Обстановку и задачи наши необходимо правдиво и своевременно доводить до народа. К сожалению, как ты видишь, у нас нет печатных органов, которым можно было бы доверить это дело. Для этого мы договорились создать новую газету, солидную, боевую. Нужны журналисты – профессионалы, и не только. Нужны, при этом патриотично настроенные. Думаю, ты понимаешь, о чем я говорю, – заметил он, посмотрев мне в глаза.

– Где же взять этих профессионалов, к тому же патриотов? – ответил с явной досадой я, вступив в диалог с видимым настроением не соглашаться на предложение Владислава. О моем настроении он, понятно, сразу догадался.

– Не спеши отказываться, – быстро среагировал он, – будут кадры и актив подберется. – У нас ведь не мало ученых, писателей, их просто не публикуют. Да и вся республика под колпаком. Нам надо выбираться из этой ситуации. Для этого следует начинать с идеи. Нашей идеи, национальной, патриотичной. Нужно поддержать веру людей в успех...

Я понял, что, как тонкий психолог, Владислав Григорьевич давит на меня самым действенным способом: какой абхаз мог отказаться от предложения послужить своему народу? Так мыслили мы тогда в своем кругу.

– Что касается должности гл. редактора – дожимал меня Владислав, – поверь мне, не успел. – Руководители Республики остановились на кандидатуре Т. Аршба. Тогда я настоял, что ты будешь первым заместителем с широкими полномочиями в подборе кадров, в проведении газетной политики и прочих вопросах. Словом, будет паритет в правах с главным редактором. Тут он, увидев, что я улыбнулся, вопросительно посмотрел на меня.

– Главный – есть главный, – с заметным сарказмом в голосе произнес я, – захочет – согласится, не захочет ...

– Ну нет, такого не должно быть и не будет, – решительно и уверенно заявил Ардзинба. – У нас с Кобахия есть договоренность по этому вопросу. Все условия будут записаны в решении Верховного Совета. И вообще скажу тебе откровенно, у нас большие надежды и на

газету и на предстоящее время. Но пока об этом говорить рано. Прежде надо укрепляться. О чем мы и ведем разговор.

После этих слов возникла пауза. Владислав, глядя чуть в сторону, ждал моей окончательной реакции. Я, размышляя над его словами, в то же время внимательно смотрел на человека, который в течение десятка минут почти убедил меня сменить работу. Причем, по тогдашним меркам, не на совсем удачных условиях. Ведь в то время еще никто не представлял себе крушения великой страны, а работа в Рескоме была весьма престижной. Но не это все же было главным, а то, что не очень-то мне знакомый человек, правда, уже достаточно известный в Республике, столь решительно пытается убедить меня пойти на очень сложную и ответственную работу, причем, по сути дела, на «голое место», где все надо было начинать с нуля. В то же время ощущаю каким-то чутьем, что этот мужчина – выше среднего роста, крепко сбитый, с живыми, чуть прищуренными глазами – стоящий теперь напротив меня и ожидающий моего ответа, знает: отказаться от его предложения мне будет трудно, скорее всего просто невозможно. Я так и не успел ответить. Заметив Владислава, к нам подошли Кобахия и Хишба.

– Валерьян Османович, – здороваясь с обоими, – обратился к Кобахия Владислав, – оказывается вы еще не говорили Чамагуа о нашем предложении.

– Да, да, Владислав Григорьевич, – я скажу ему об этом после торжественного заседания, – быстро отреагировал Кобахия. – И, посмотрев на меня, заметил: – Прошу тебя сразу прийти ко мне для беседы.

Так, на театральной площади, был решен вопрос моего назначения в газету «Абхазия». Хотя вслух я так и не произнес ни слова, что согласен на это.

Такое было время.

ЗА НИМИ НУЖЕН ГЛАЗ...

С конца 1990-го года – Владислав Ардзинба Председатель Верховного Совета Абхазии. Менее двух лет оставалось до вероломной агрессии Грузии против Абхазской Республики. За это время на планете Земля произошли перемены глобального значения: рухнула доселе казавшаяся вечной и нерушимой страна Советов, не стало и социалистического лагеря, мир стал однополярным. Словом, Запад торжествовал победу.

Коснулись эти перемены и Абхазии – маленькой страны на Северо-Восточном побережье Черного моря. Канувшая в лету Советская империя в наследство своим народам оставила, наряду с многочисленными другими проблемами, острые неразрешенные вопросы межнациональных отношений. В том числе между Абхазией и Грузией. Метрополия и автономия в полном объеме представляли как раз ту самую «матрешечную» систему национально-государственного устройства. Потому и возникла, как и следовало ожидать, взрывоопасная ситуация: большая империя рухнула, но осталась «малая» – Грузия, считавшая своими подопечными территориями Абхазию, Южную Осетию и Аджарию.

За отсутствием верховного «арбитра» и руководящего центра, народы «малых» империй и автономий получили шанс, сообразно собственным целям и интересам, улучшить свое положение. В Тбилиси полагали, что у автономии слишком широкие права, и что они обременительны для Грузии, руководство и элита которой склонялись к моноэтническому государственному устройству.

Куда рулить и с кем рулить?

Абхазия, в свою очередь, вынужденно защищаясь от подобных поползновений со стороны метрополии, так же стремилась к вековой мечте – восстановлению своих утерянных прав и свобод, вплоть до независимости.

...Я, в свое время, спрашивал Владислава Григорьевича: если бы состоялся новый союзный договор, могли бы, скажем, автономные республики его подписать?

– Все шло к этому, – отвечал он, – если бы не ГК ЧП (государственный комитет по чрезвычайному положению – **авт.**) – За несколько лет до того была создана правовая база. Это – десятки законов по договору, в котором были отражены и права автономных образований. Союз мог состояться, исходя из той формулы, о которой говорил А. Д. Сахаров: союзные республики, за исключением стран Балтии, и плюс все бывшие автономий. Все они в качестве суверенных республик подписали бы Договор. Наш подкомитет в Верховном совете СССР много поработал в этом направлении. Я руководил его деятельностью. Большую помощь всегда ощущал от депутатов: Кугультинова, Рахимова, Шаймиева, Николаева, Федорова и других. Но обновление Союза в такой форме, по всему, не воспринимали как в руководстве СССР, так и соперничавшие между собой команды Ельцина и Горбачева. Вот и «родился» на свет пресловутый ГК ЧП. И более решительный Борис Николаевич, провозгласив лозунг, «Берите суверенитета столько, сколько освоите», использовал ситуацию в собственных политических устремлениях. А мы в Абхазии – еще на один шаг приблизились к войне с Грузией.

Эти слова Владислава Григорьевича напомнили мне предвоенную ситуацию, то время, когда глава Абхазии, оказался перед дилеммой: как решать проблему грузино-абхазских полуколониальных взаимоотношений. Рубить с плеча сей «гордиев узел», то есть объявлять о независимости – как раз то, что позволило бы Грузии применить силу. Или распутывать тугой узел противоречий принятием законов, реформирующих отношения Абхазии и Грузии. Это, безусловно, был сложный процесс, но в то время для нас, абхазов, более предпочтительный.

Так, наверное, рассуждал тогда Владислав. Об этом свидетельствуют и те цели, которые он ставил в «узком» кругу в ту пору: вначале укрепиться, затем уже, осторожно, мирными способами, поэтапно отделяться от метрополии.

Для этого нужны были преобразования во всех сферах: в политико-правовой, экономической, кадровой. Много зависело от единомышленников, способных грамотно и верно служить делу восстановления абхазской независимости. Недаром говорят: кадры решают все. Это, заметим, извечная проблема. Без этого, что четко понимал Владислав, было бы невозможно сдвинуть с «мертвой» точки процесс суверенизации Абхазии. Он постепенно находит союзников, и не только в среде абхазов. С абхазами дело обстояло проще: народ десятилетиями был в пассионарном состоянии. Здесь изначально образовалась прослойка подвижников, возглавлявших, более чем полвека, сопротивление целям метрополии по интегрированию абхазов в грузинское общество и свертыванию абхазской государственности. Если взять в целом 70 лет Советской власти, то надо отметить, что Грузия все же добилась значительных успехов в продвижении своих планов. Абхазский этнос на своей территории оказался в меньшинстве. Абхазский народ, после гибели Нестора Лакоба, уже не контролировал политические и экономические процессы в своей республике. Все решалось в Тбилиси. Высшие партийные и советские чиновники из числа абхазов были лишь номинальными руководителями, принимавшими решения только с одобрения вышестоящего грузинского центра. Абхазские руководящие кадры испытывали не только политический и экономический диктат, но, что еще более усугубляло положение, они подвергались духовному и психологическому воздействию метрополии. Это делалось под маркой обмена кадрами: в Сухум, на ответственную работу, присылали своих осведомителей, а в Тбилиси забирали «перспективных» абхазов, которые, затем, после соответствующей «обкатки», должны были, как задумывалось, верой и правдой служить грузинским интересам в Абхазии. И это, нередко, у них получалось.

Вот такое «кадровое наследство» получил Владислав, став у руля маломощного и бесправного абхазского государственного образования. С одной стороны, рядом с ним были представители национально-

освободительного движения, но без опыта политической и государственной работы, с другой – «обкатанные» метрополией партийные и советские работники.

Куда рулить и с кем рулить? И как с подобной пестрой командой управлять Абхазией – этим хилым суденышком в бурном море эпохи перемен? – задавался вопросом вначале своей деятельности глава Верховного Совета.

– Как думаешь, – спросил он меня однажды, – сможем переселить в Абхазию хотя бы несколько тысяч потомков махаджиров?

– Куда их поселим? – не задумываясь, задаю риторический вопрос. Ведь у нас вся территория забита. Очень большая плотность населения.

– Найдем, например, вокруг озера Скурча. – Если построить там, скажем, «финские» домики, – делится планами Владислав, – в этом районе, со временем, можно создать свободную экономическую зону. Это было бы хорошим подспорьем и для переселенцев и для Абхазии. Очень надеюсь на помощь Игоря Киртбая. Талантливый организатор, большой патриот, крупный специалист–энергетик, работает на Севере. С ним можно горы свернуть! – восторженно восклицает Ардзинба.

Прошло несколько месяцев. В одно утро звонит Владислав, и, убитым голосом, говорит:

– Зайди, старик, случилось большое горе...

В течении минут, встревоженный, захожу в кабинет Владислава. Он встает, черный как туча, и тоскливо, с придыханием сообщает:

– Игорь умер, сердце не выдержало, ты не представляешь, какая это потеря для нас – абхазов.

Я сразу вспомнил разговоры о Скурче, о махаджирах, о планах создания свободной экономической зоны. Тут до меня дошло: это же крушение задуманной Владиславом программы экономической и демографической подпитки Абхазии. Ее целью было создание базиса, на котором должна была основываться последующая деятельность по суверенизации Абхазии, обретению ею экономической и политической независимости.

После смерти Игоря Киртбая, – некоронованного короля Тюмени, крупнейшего специалиста в области энергетической промышленности и состоятельного человека даже по российским меркам, Владислав

Григорьевич, как я представлял себе, больше внимания стал уделять политико-правовой сфере и кадровым вопросам. Обстановка в Абхазии и за ее пределами не оставляла времени на долгосрочные проекты, нужно было, оптимизируя имеющиеся ресурсы, организовать защиту интересов абхазского народа от набирающего силу агрессивного национализма грузинской метрополии.

В преддверии войны

Владислав, как глубокий аналитик, осознавал, что, рано или поздно, как только в Тбилиси завершится борьба за власть, настанет черед Абхазии держать ответ перед метрополией. Уже второй год Абхазия – де-факто самостоятельна. Сама решает экономические, кадровые и иные вопросы. В значительной мере, это результат того, что грузинские лидеры в Тбилиси заняты внутренними разборками. А коли завершится все это, что тогда?

Весной 1992 года я пришел в очередной раз к Владиславу Григорьевичу со своими редакционными проблемами. Уже собирался уйти, как он, вдруг неожиданно, спрашивает меня:

– Бывает ли независимость без крови, и что я думаю по этому поводу?

Я был удивлен: говорили об одном, а вопрос совершенно на иную тему. И что ответить? История свидетельствует, что подобные явления и действия – бескровно не проходят. Взять хотя бы нынешнего мирового гегемона – США. Много крови было пролито за независимость Соединенных Штатов. Да и только ли американцы. И другие народы прошли через подобное. Впрочем, это прекрасно известно доктору исторических наук Владиславу Ардзинба. Что я могу добавить к багажу его знаний?

Он, тем временем, сидел напротив, и о чем-то думал. Я, полагая, что Владислав ждет моего ответа, после продолжительной заминки, сказал:

– Если где-то и «отвоевали» независимость без крови, то в наших условиях, с учетом нашей малочисленности, бескровная свобода и независимость от грузинской метрополии вряд ли возможна.

Но Владислав Григорьевич так и не среагировал на мои слова. Он, кивнув головой, заговорил на другую тему. Тогда я не придавал большого значения этому случаю. Но по прошествии времени, когда многое прояснилось, стало понятным, что тот вопрос, я думаю, Владислав задавал не столько мне, сколько самому себе. И, видимо, подобное приходило ему в голову не раз.

До начала войны оставалось всего ничего: несколько предвоенных месяцев. Полагаю, что в этот период Владислав уже отчетливо ощущал угрозу грузинской экспансии, поэтому энергичная деятельность главы Парламента Абхазии была сконцентрирована в то короткое время на собирании имеющихся ресурсов, сил и средств небольшого народа и его союзников. Тогда были национализированы промышленные и хозяйственные предприятия союзного и республиканского (грузинского) подчинения. Все воинские части, находившиеся на территории Абхазии, были подчинены Верховному Совету. Так создавалась основа экономического суверенитета Абхазии и ее оборонительная составляющая. Парламент также принял Конституцию ССР Абхазии 1925 года, по которой Абхазия являлась суверенным государством. В июле была провозглашена Республика Абхазия, утверждены ее Герб и Государственный Флаг. Этим самым закладывался политический суверенитет Абхазской Республики.

Следовательно, уже в ту пору деятельность Владислава Ардзинба на посту Председателя Верховного Совета не только способствовала мобилизации ресурсов на оборону от возможной агрессии, но и каждодневно продвигала Абхазию к постепенной политической, экономической и правовой независимости от Грузии. Хотя, на официальном уровне, это не озвучивалось. Но все вышеуказанные действия и решения Верховного Совета были направлены на преодоление мирными средствами колониальной зависимости от Грузии. Словом, в политическом и государственно-правовом аспекте Абхазия постепенно отходила от грузинской метрополии.

Грузины, безусловно, однозначно отрицательно воспринимали любой акт, направленный на повышение самостоятельности Абхазии, не говоря уже о ее независимости от Грузии. Немало было и абхазов, в том числе в Верховном Совете, не разделявших «радикализма» главы

Парламента в вопросе независимого статуса Абхазии. Правда, и те, и другие, могли только догадываться о планах и намерениях Владислава Григорьевича. К тому же, вслух, учитывая ситуацию, он озвучивал формулу «договорных» отношении Абхазии и Грузии.

Это не просто слова. Могу привести такой пример. Всем известен проект Тараса Мироновича Шамба о государственно –правовых отношениях Абхазии и Грузии. Он был привезен из Москвы в Абхазию незадолго до войны.

По поводу его публикации в газете у нас с Владиславом состоялся следующий разговор. Он вначале спросил:

– Что думаешь по поводу документа – согласишься с ним Тбилиси, или же там продолжают политику давления на Абхазию?

Я, нисколько не сомневаясь, ответил:

– Вряд ли Шеварднадзе согласится на расширение прав абхазского народа. Он ныне на коне: известен на весь мир, за ним стоит Запад, его поддерживает Ельцин. Самое большее на что он пойдет– это местное самоуправление и культурная автономия, наподобие испанских «автономий».

– Значит, говоришь сомнения одолевают, – заметил Владислав в ответ на мои слова. – Что ж, это вполне понятно. Так, я вижу, что не желаешь печатать проект в «Республике Абхазия». Или я не прав?

Я, откровенно говоря, к такому повороту в разговоре не был готов. После небольшой заминки, отвечаю:

– Особой охоты публиковать этот документ нет. Такой союз с грузинами мы уже проходили. И договорную республику в 20-ых годах, и, теперь, автономию. Ничего хорошего из того не вышло. И разграничение полномочий между Грузией и Абхазией ничего не даст. Не может быть равноправных отношений между народами, численно неравными. Большой всегда будет давить меньшего.

Владислав Григорьевич, улынувшись, заметил:

– Хорошо, на нет и суда нет. Опубликуем проект в газете «Абхазия»– тоже солидный республиканский печатный орган. Если редактор государственной газеты воздерживается от публикации такого важного документа, я не настаиваю...

Вначале эти слова председателя Верховного Совета меня удивили: я, всего – на всего, редактор, он – учредитель. И последнее слово за ним.

Откуда такая «покладистость»? – подумалось мне в тот момент. Но затем, поразмыслив, я догадался в чем все-таки секрет «сговорчивости» Владислава: он уже в то время не разделял мнение значительной части абхазской элиты, что Абхазия могла бы удовлетвориться уровнем «договорных» отношений с Грузией. Ибо известно, чем заканчиваются подобные «договоры» с такими «цивилизованными» странами, как Грузия. Ему, однако, нужно было время для политического маневра. Потому, разумеется, проект был опубликован не в государственной газете, а в общественно-политической – «Абхазии». Этого как раз не один аналитик до сего времени не заметил. А ведь этот факт о многом говорит. Хотя бы о том, что Владислав Григорьевич, еще в начале 90-ых, до войны с грузинами, не исключал создания, путем постепенного продвижения к этой цели, независимой от грузинской метрополии, абхазской государственности.

За ними нужен глаз...

В тоже время его сдерживало серьезное обстоятельство. Союзников, даже среди абхазов, идущих до конца, то есть до полной независимости Абхазии, в Верховном Совете было не так уж много. Ситуация в Парламенте, да и в республике в целом, складывалась весьма драматичная. Грузинские депутаты, понятное дело, отвергали любые инициативы, выходившие за рамки абхазской автономии. Немало, кстати, было абхазских депутатов, склонявшихся к сожительству с Грузией в той или иной форме, или же (что в ту пору было и вовсе проблематичным) к вхождению Абхазии в состав Российской Федерации.

Депутаты-абхазы, вышедшие из недр партийно-советской элиты, составляли значительную часть Верховного Совета. Почти все они, за редким исключением, опасались «радикализма» Владислава в решении «абхазского вопроса»: «Народ наш уничтожат, раздавят нас грузины», – так говорили они в своем кругу. Я знал среди них и таких, кто не мыслил существования Абхазии вне грузинского государства. С одним из них не раз беседовал на эту тему. Он явно догадывался о далеко идущих намерениях председателя парламента и считал их ошибочными. Абхазия должна ориентироваться на Грузию, а не на Россию, – таково

было его мнение. Втайне многие депутаты, руководящие работники из числа бывшей партийно-советской номенклатуры, разделяли эту позицию. Основной их лейтмотив – схожесть наших менталитетов, обычаев, история многовекового сосуществования и т.д.

Владислав, как я знал, был осведомлен о таких настроениях коллег. Он же, в пику им, приводил среди «своих» такие аргументы: «Грузия, как это водится, будет всегда стремиться к насильственной ассимиляции в Абхазии. А с Россией (не в составе, а в союзе) Абхазия будет иметь неплохие шансы для сохранения своей государственности и национальной идентичности. Мы можем, в более спокойной обстановке, выстроить собственные защитные механизмы. К тому же, весьма существенным, если не основным, является и фактор Северо-Кавказских братьев».

Я, конечно, был всецело на стороне Владислава. И, когда пришла в наш дом война, 15 или 16 августа, встретил в Верховном Совете своего вышеупомянутого оппонента, не мыслившего жизни для абхазов без грузин. Мы и в такой обстановке продолжили наш спор:

– Вот, видишь, к чему привел радикализм твоего Владислава, – бросился сразу в атаку тот абхазский депутат.

– Да, вижу, что грузины приступили к давно спланированной операции по свертыванию абхазской государственности. – Еще Сталин и Берия начинали ее, а теперь Шеварднадзе – продолжатель этих планов. Что ж, выход всегда есть. Например, можно сдаться... – И посмотрел при этом прямо в лицо оппоненту.

– Но нет, – к его чести, тотчас выговорил он, – теперь надо во-евать. Другого пути у нас нет. Нас грузины уже не простят. – На том мы разошлись тогда.

...В так называемом «золотом» Парламенте союзников Владислава, с которыми он, более или менее чувствовал себя уверенно, было не много. Когда ныне кое-кто, как говорится, чохом впихивает туда всех без исключения депутатов, за вычетом грузинской части – это, замечу, просто нечестно и несправедливо. Я делаю эти выводы на основе собственных наблюдений и по рассказам Владислава Григорьевича за долгое время наших контактов. Если говорить о предвоенном и военном периодах, могу отметить, что большую поддержку Владиславу

Григорьевичу в это судьбоносное время оказало его ближайшее влияние: Сергей Шамба, Станислав Лакоба, Альберт Тополан, Юрий Воронов и другие. Значительным было влияние в обществе таких крупных руководителей, как К. К. Озган, Э. Э. Капба, С. В. Багапш, З. А. Лабахуа.

Рядом находились те из 28-ми абхазских депутатов, кто считал, что Владислав чуть ли не виновник трагических событий, что он поспорил два братских народа, что с грузинами можно было договариваться. Так думали не только некоторые депутаты, но и определенная часть представителей абхазской элиты.

Как рассказывал мне однажды Владислав Григорьевич, один высокопоставленный работник, говоривший по его поручению с Китовани по телефону, сообщал последнему: «Этот сумасшедший хочет, чтобы мы в вас стреляли... Ха-ха-ха... Возможно ли такое?!». Этот чиновник имел ввиду лидера нации Владислава Ардзинба, его обращение к народу Абхазии с призывом оказать сопротивление агрессорам.

После войны Владислав поведал, что Шеварднадзе планировал, после захвата Абхазии и разгона законных органов власти, посадить в руководящие кресла будущей автономии несколько именно таких абхазов, занимавших, кстати, в то время высокие посты. Эти его бывшие питомцы, затем, уже в свободной Абхазии, сделали солидную карьеру. Престарелый Шеварднадзе, ныне пребывающий в своей резиденции «Крцаниси», может от души порадоваться за них.

Но это было после. А тогда, когда решалась судьба Абхазии, Владислав опирался на костяк Парламента и лучшую часть народа – пассивистов, откликнувшихся на его призыв защитить Родину.

В такие судьбоносные времена проверяются не только народы, но и отдельные личности. Случается ведь, что человек в мирное время выглядит орлом, а в тяжелое лихолетье – смотрится как побитая собака. Иной раз, перетрусив, и вовсе исчезает. Но лучше все же такие, чем те, кто в самый сложный период плели интриги за спиной лидера, настроившая против него расстроенное и возбужденное общество.

Именно в подобные условия был поставлен в начале войны Владислав Григорьевич некоторыми своими «сподвижниками». Он, кстати, не держал обиды на тех, кто явился тогда в Гудауте, в первые дни

войны, к нему с просьбой оставить Абхазию и вернуться в Москву. Не порицал их за это. Поскольку старейшины, как он отмечал, переживали за судьбу народа.

– Но вот те, кто скрывался за ними, опасные люди. Это те, кто замыслив сдать на «милость» Тбилиси, делали это руками старейшин. – Таких «соратников» во всякие периоды у меня было не мало, не меньше чем единоверных сподвижников, – вспоминал Ардзинба. – За ними нужен был, как говорится, глаз да глаз, иначе жди неприятностей.

...И в дальнейшем, после войны, подобные «попутчики» сопровождали Владислава во все годы его правления. Правда, наиболее одиозных он освободил от властных полномочий, других не выпускал из поля зрения, иных перемещал на менее значимые посты. Но избавиться от них, пока они сами не переметнулись к новым властям, так и не получилось. Вот тогда эти «соратники» выместили всю затаенную до поры до времени злобу против лидера нации. Одни из них пописывали пасквильные статейки и подписывали разные клеветнические обращения и заявления, как, скажем, многие титулованные представители абхазской элиты в дни выборных коллизий. Другие – пытаются, ничтоже сумняшеся, «разместить» эпоху Владислава в узких рамках военной поры, искусственно создавая «новую эпоху» послевоенных «победителей». Но эти потуги, в лучшем случае, только смешны...

...Человеку, наверно, свойственно всегда быть в поиске «места под солнцем». Но, думается, делать это надо не за счет грязных технологий и предательства. А в случае с Владиславом, многие политики не чурались именно подобных способов самосохранения во власти. Впрочем, Владислав Григорьевич сам говорил об этом в своих публикациях. Такова, видимо, судьба личности, на которую, как говорится, обратит свой взор Всевышний.

КРАСИВОЕ СЛОВО «РЕСПУБЛИКА»

Только что провалился незадачливый мятеж во главе с вице-президентом СССР Янаевым. Власть самого президента Союза ССР М. Горбачева, судя по бурлящей от негодования Ельцинской Россия, висела на волоске.

Тем временем на всем пространстве советской страны занялись перераспределением собственности: союзной, республиканской, партийной. Власть свою партия (КПСС), увязнув в «чрезвычайке» и затем, оказавшись под запретом, окончательно утеряла. Вместе с нею и собственность в виде зданий, имущества, транспорта и прочих материальных ценностей. Подлежали также ликвидации партийные издания, поддерживавшие ГК ЧП. В Абхазии проистекали те же процессы.

...На излете августа 1991года в кабинете Председателя Верховного Совета Абхазии собрались руководители правительства, редакторы газет и журналов, представители общественно – политических организаций.

Владислав Григорьевич, коротко ознакомив присутствующих с обстановкой в республике, сказал:

– Я собрал вас, чтобы обсудить положение, сложившееся в СМИ. Вы знаете, что наши ведущие партийные газеты опубликовали документы ГК ЧП (Государственный Комитет по Чрезвычайному Положению – **авт.**). В связи с этим есть директива Москвы о запрете выпуска этих газет. Аналогичные распоряжения получили все республики Союза ССР. Я хотел бы вместе с вами найти выход из этой ситуации. Ведь без газет современное общество обойтись никак не может. Да и журналисты не должны остаться без работы. У меня есть соображение по этому вопросу, но вначале хотел бы выслушать вас. – Так завершив свою речь, он выжидающе смотрел на всех нас.

Молчание присутствующих затягивалось. Никто не проявлял инициативу. Я сидел и думал: «Что тут можно предложить? – Речь идет о ликвидации газет, о жестком решении центральных властей, которое коснулось судеб многих журналистов, технических работников редакций только в нашей маленькой республике».

Такие, наверное, мысли приходили в голову всем участникам совещания. И они не спешили с советами.

Первым нарушил воцарившуюся тишину Сергей Шамба, в то время руководитель Народного Форума «Аидгылара».

– Владислав Григорьевич, – сказал он, – у нас не все газеты выступили в защиту ГК ЧП. – Как я знаю, в этом замешаны партийные газеты, «Советская Абхазия» и другие. И, полагаю, поспешившие с публикациями.

– Нас подставил Абхазский Реском партии, – ответил репликой на слова Шамба редактор «Советской Абхазии» Юрий Гавва, – оттуда получали и указания, и документы, – заметил он.

– Но вот газета Верховного Совета «Абхазия» сумела сориентироваться и не подставилась, – парировал тотчас Сергей Миронович, посмотрев в мою сторону, как бы приглашая к разговору.

– Да, Виталий, поясни нам, как вы в газете избежали участи ваших коллег, – обратился ко мне Владислав Григорьевич.

Я вынужден был вкратце поведать историю тех недавних событий в увязке с газетой «Абхазия».

А случилось вот что. Как только разразилась ситуация с ГК ЧП, сотрудники нашей газеты получили указание редактора подготовить отклики труженников Абхазской республики в поддержку чрезвычайного положения. Когда я ознакомился с ними, был, конечно, встревожен их содержанием. Смысл всех откликов, сочиненных словно под копирку и подписанных реальными лицами, сводился к следующему: пора, мол, навести в стране порядок, а всякого рода провокаторов привлечь к ответственности, как врагов советского строя.

В это время, кстати, Председатель Верховного Совета находился в Москве. С его заместителем Колбая я контактов не имел, да и что мог посоветовать бывший партработник. Следует отметить, что в газете «Абхазия» я был первым замом гл. редактора, правда, при моем назначении В. Ардзинба и В. Кобахия, бывший в то время Предсе-

дателем Президиума ВС, обговорили такую формулу: «первый зам. гл.редактора с особыми правами». А в устной форме отметили, что сие означает право зама влиять на подбор кадров, содержание и тематику издания, то есть на текущую политику газеты.

Но гл.редактор, что ни говори, есть главный. Поэтому, собрав коллектив, жестко поставил вопрос: отклики «тружеников» надо изъять из номера. Я это аргументировал тем, что нас никто не принуждает на подобное, есть и лимит времени.

Большинство сотрудников меня поддержало. И, буквально через пару дней, все убедились, что мы избежали большой беды. Это, кстати, смягчило напряженность, возникшую тогда между мной и первым лицом редакции.

– Ты скажи о том, что было дальше с вашими откликами, – с улыбкой обратился ко мне В. Ардзинба, – товарищи посмеются над вашей журналистской находчивостью.

Я понял, что Ардзинба был в курсе всех наших «тайн». Мне ничего не оставалось, как выдать наш редакционный «секрет»: злополучные отклики все же были опубликованы, но в ином ракурсе, уже против ГК ЧП. Подписи тружеников оставались прежними. Но жалоб и возмущений от авторов по этому поводу, слава Богу, не поступило.

После этой короткой разрядки В. Ардзинба, возвращаясь к теме совещания, сказал:

– Поскольку рекомендаций по газетам я не услышал, давайте рассмотрим мое предложение. – Заключается оно в создании на базе двух редакций газет – «Абхазии» и «Советской Абхазии» – новой газеты. – Сделав паузу, он продолжил: – «Абхазия» – очень нужная газета, за короткий период хорошо зарекомендовала себя в кругах нашей общест-венности. Думаю, она должна и дальше издаваться, но уже в качестве общественно – политической газеты, а из числа части ее сотрудников и работников «Советской Абхазии» целесообразно учредить печатный орган Верховного Совета. Что думаете по этому поводу? – спросил он, обращаясь к присутствующим.

– Вряд ли журналисты двух изданий смогут работать в одной государственной газете, – сразу отреагировал редактор «Советской Аб-хазии» Ю. Гавва.

– Вы имеете ввиду число работников или же политику издания, спросил его Ардзинба. – И не дожидаясь ответа, развил свою мысль: – Может вы и правы, не все, наверное, захотят работать в одном издании, а, впрочем, на базе «Советской Абхазии» можно выпускать еще одну газету, скажем еженедельную, не так ли? – обратился он к присутствующим, приглашая к разговору участников совещания.

– Думаю это вполне резонно, – поддержал идею зампред. Совмина В. Т. Миканба. – И добавил: – Газета имеет большую историю, и правильно было бы, чтобы у нее появился правопреемник.

Никто не возражал. Гавва продолжал хранить молчание. Он, видимо, все еще надеялся, что «Советскую Абхазию» каким-то чудом удастся спасти. Однако, все, в том числе и редактор «Советской», понимали, что ликвидация газеты рескома партии – вопрос времени. Ибо попадала она под общесоюзный пресс, имя которому – «дело ГК ЧП».

– Значит, товарищи, решение проблемы в основном наметили, – произнес В. Ардзинба, – остальное доведем в рабочем порядке, – заключил он.

Затем, когда все начали покидать кабинет, он, кивнув мне, негромко по-абхазски сказал:

– Уара уаангыл, то есть ты задержись.

Я остался сидеть на своем месте, но, когда кабинет опустел, поднялся и подошел к рабочему столу В.Ардзинба. Он, встав, прошел к журнальному столику, махнув и мне рукой.

– Как ты понял наше совещание? – спросил меня Владислав Григорьевич. Я не успел ответить. Пока усаживался в небольшое кресло напротив председателя ВС, он продолжил:

– Речь, конечно, не столько о судьбе партийных газет, их эпоха проходит. Нам нужна истинно народная печать, посредством которой мы могли бы защищать интересы республики, отстаивать право абхазов на свою землю, свободу. Что ты думаешь об этом?

– Полагаю, что для проведения подобной политической линии газете необходимы профессиональные и, к тому же, разделяющие наши идеи журналисты, – отвечаю ему.

– Вот этим и займешься, – ты работал в обкоме по части СМИ, знаешь журналистов, кто на что способен. Можешь часть взять из «Аб-

хазии», некоторых из «Советской Абхазии». В общем, сам смотри по кадрам. Теперь поговорим о названии газеты. Я просил тебя подумать об этом на прошлой неделе. Надумал что-либо?

Я, припомнив недавний разговор в т.н. узком кругу, невольно вздрогнул от чувства обиды. Это, наверно, отразилось на моем лице.

– Что-то случилось, у тебя появились сомнения? – спросил Ардзинба, заметив мое состояние.

– Я, кажется, не давал согласия на редакторство, тем более, после той встречи, неделю тому назад. Мы договорились, что подумаю над логотипом газеты – вот и все. Что же касается работы, меня устраивает должность первого зама гл. редактора в газете «Абхазия». – Зачем менять эту работу? Чтобы стать замом у Гаввы, как настаивали на той встрече некоторые? Это было бы глупо и не логично – завершил я, наконец, свой эмоциональный монолог.

Владислав Григорьевич все это время слушал, давая мне, как я понял потом, выговориться.

– Обиделся, значит, – тихо сказал он. – Основание, конечно, есть для обиды. Правда, не настолько серьезное, чтобы отказаться от предложения возглавить новую государственную газету. Вот это было бы непростительно и несерьезно в столь сложное для нас время, – твердо произнес Ардзинба последние слова.

Я молчал, видимо, основательно выговорившись.

– А ты, оказывается, не очень-то хорошо знаешь своих партийных коллег, – с иронией подначил Владислав меня, тех, кто предложил тебе пойти замом к Гавве. К тому, кто закрыл для абхазов газету «Советская Абхазия». Мне же интересно было их послушать, ведь они не ведали, а я не сказал им, о нашем с тобой предварительном разговоре. А как я еще могу узнать нутро тех, с кем мне приходится работать? – задал, скорее себе, отчасти и мне, вопрос Председатель Верховного Совета.

То, о чем говорил выше Ардзинба, произошло, как я уже сказал, за неделю до нынешнего совещания. В узком кругу лиц, вроде бы единомышленников. За исключением разве Ю. В. Гавва – редактора газеты «Советская Абхазия». При нем некоторые «единомышленники» на-

стойчиво рекомендовали Владиславу редактором вновь создаваемой газеты назначить Гавву. А меня – ему в замы. Дошло до того, что я не выдержав, вспылil:

– Оставьте меня в покое, – повышенным тоном сказал я, – моя работа в качестве первого зама гл.редактора газеты «Абхазия» меня вполне удовлетворяет.

– Разговор на том завершаем, – прервал нас тогда Ардзинба, до того молча слушавший и предложения «соратников», и мою эмоциональную отповедь. Меня же, оставив после совещания, попросил подумать о названии будущей газеты и готовиться возглавить коллектив редакции.

Теперь он, когда мы объяснились, опять настойчиво спрашивал, что я надумал по поводу названия газеты.

Отбросив эмоции и обиду, я произнес то слово, которое пришло мне в голову через несколько дней размышлений. В нем не было ничего необычного, но оно, как я мыслил, соответствовало нашим задачам на длительную перспективу.

– Назвать газету можно словом «Республика», – медленно произнес я, глядя прямо в лицо Ардзинба. Хотел сразу убедиться: понравилось или нет ему мое предложение.

– Хорошее название, – чуть подумав, сказал Владислав Григорьевич – Звучит хлестко, как выстрел, четко и ясно. Ты же знаешь, есть такая газета – итальянская «Република». Эрудицией, ясное дело, он обладал отменной.

И затем, чуть откинувшись в кресле, призадумался. Помнится, даже глаза прикрыл.

Я ждал, размышляя: «Если нравится название, звучащее как выстрел, то чего уж дальше тянуть».

– Если добавить к этому слову «Абхазия», то получится совсем замечательно – «Республика Абхазия», тотчас в унисон моим мыслям, заметил В.Ардзинба.– Что скажешь на это? – подняв взгляд на меня, спрашивает он.

Я замешкался с ответом. Ардзинба опередил меня:

– Понимаешь, старик, заголовок «Республика Абхазия» тем хорош, что он вначале невольно приучит многих наших граждан воспри-

нимать не совсем приятное для их уха словосочетание, а затем, попри-
выкнув, они усвоят и его смысловое содержание.

Против этого мог возразить лишь тот, кто был далек от процес-
сов, происходивших в то время в республике. Покоренной безупреч-
ной логикой Ардзинба, я согласился с его вариантом заголовка газеты,
как нельзя лучше соответствующего реалиям.

И, затем, на прощание, быть может, чтобы потешить мое самолю-
бие, Владислав Григорьевич сказал:

– Имей в виду, придет время, когда мы вернемся к твоему перво-
начальному предложению. Мне нравится, повторяюсь, слово «Респу-
блика»: звучит оно хлестко, как выстрел, четко и ясно.

ЭТО У НИХ НЕ ПРОЙДЕТ...

Истекало лето 91года – время создания газеты «Республика Абхазия». Согласившись с предложением В. Ардзинба возглавить вновь создаваемый печатный орган Верховного Совета, я приступил к формированию редакции: отделов, секретариата, редактората.

В «Республику» пришла молодежь из газеты «Абхазия», где я более года работал в качестве первого зам.гл. редактора. Согласились сотрудничать в газете и многие журналисты из «Советской Абхазии».

Таким образом, родился коллектив газеты «Республика Абхазия». Помещение редакции выделили, по протекции Владислава Григорьевича, в здании, где ранее располагался горком партии. Думаю, что абхазские журналисты вряд ли когда-либо имели столь комфортные условия работы.

Стало быть, для меня дело осталось за «малым»: пройти процедуру утверждения на должность главного редактора. А это было прерогативой Верховного Совета Абхазии. И это-то как раз было делом не простым. Особенно тогда, когда речь заходила об абхазских кадрах. Выискивались причины и создавались препоны, по которым получалось, что абхаз, вроде и специалист, и неплохой работник, почему – то не подходит для той или иной должности. Параметры пригодности, как правило, определялись метрополией, т.е. в Тбилиси.

Я это знал не понаслышке, а по личному опыту работы в Абхазском областном комитете КП Грузии. Осведомлен был об этом, разумеется, и В. Г. Ардзинба, не столь давно избранный Председателем Верховного Совета Абхазии.

Накануне сессии, в повестке дня которой значилось мое утверждение на должность гл. редактора, Владислав Григорьевич, пригласив меня к себе, предупредил:

– Самое главное будь спокоен, отвечай, если надо будет на все вопросы без эмоций. Я думаю, – заметил он, – кое-кто попытается вытащить старые приемы, но это у них не пройдет. – Затем он пояснил мне, что по его информации, некоторые депутаты договорились провести главным редактором в новую газету Ю.В. Гавву или другого, но только не абхаза.

– Но их же много, на что нам надеяться? – спросил я, поняв, что на сессии предстоит борьба, и что в нее, понятно, будет вовлечен Председатель Верховного Совета.

– А ты не сомневайся, все будет в порядке. – Не видеть им своего редактора, как собственных ушей без зеркала, – задорно ответил Ардзинба.

«Отчего такая уверенность в успехе, – подумалось мне. – Не оттого ли, что он не столь сведущ о приемах подковерной борьбы, в которой партийные и советские работники большие спецы».

Зная обстановку и повадки местных чиновников, в большинстве своем занимавших, как правило, позицию флюгера, я еще больше дивился оптимизму Председателя Верховного Совета.

«Что это, наивность крупного ученого, оторванного на протяжении долгих лет от партийно-советских реалий, или же, наоборот, уверенность политического и государственного деятеля, просчитывающего наперед результаты своих действий?» – такие сомнения и размышления приходили мне в голову.

Это и понятно. В начальный период нашего знакомства и сотрудничества, я не всегда сразу улавливал основную мысль, главную идею в размышлениях Владислава о судьбе народа, о перспективах на будущее. Видимо сказывалось то обстоятельство, что ранее я имел дело с партийными и советскими работниками. То есть людьми, за редким исключением, мыслившими и говорившими на языке шаблона и штампа, не допускавшими раскованности в мыслях и суждениях.

Иное дело Ардзинба. Чтобы ни говорил или мыслил он – все было направлено на пользу народа и страны. А польза эта могла стать реальностью лишь в канве национально – освободительной борьбы. Это-то и было заложено в его действиях и рассуждениях. И потому осторож-

ные партийные и советские чиновники, коих было большинство, ша-рахались со страху от них, словно черт от ладана.

Всегда была в нем уверенность, что идеи свободы реальны, что положение народа можно изменить к лучшему. Не многие из элиты тогда в это верили. Это были, разумеется, глобальные для народа проблемы. Он их, конечно, просчитывал. И дальнейшее наше общение показало, что он просчитывал и локальные ситуации. Мне иногда казалось, что он порой увлекается экспромтом. Наподобие, скажем, наполеоновско-го: главное ввязаться в сражение, а там, мол, звезда удачи выручит.

Оказалось – ничего подобного. Экспромтом, конечно, Ардзинба пользовался, но в меру. И всегда, при этом, ему здорово помогала харизма. Его всегда внимательно слушали. Даже те, кто страстно ненавидел его речи и мысли. Но основу его успешности определял симбиоз: сплав железной воли и обаяния, харизмы и логики, эрудиции и ораторского таланта. В этом я впервые убедился на сессии Верховного Совета летом 1991 г.

Сегодня мало кто знает, что депутатами в ту пору являлись номенклатурные работники: секретари, работники обкома партии, Совета Министров, Президиума Верховного Совета, министры, директора крупных предприятий и т.д.

Депутаты – абхазы в Верховном Совете не составляли большинства и не определяли политику, необходимую для поступательного развития абхазского народа и его страны. Грузинская линия, выработанная в недрах метрополии, подавляла любую инициативу, проявляемую в интересах абхазского народа. Местные власти были фактически бесправны. Центральные – как это повелось со времен Сталина и Берия – всегда держали сторону грузин, отписывая им же жалобы абхазов.

... Войдя в зал заседаний, расположенный в сгоревшем в конце войны Доме Правительства, я увидел знакомые лица. Многих я знал по партийно-советской работе, других – по журналистской. Среди депутатов доминировали грузины и абхазы, меж ними находилось небольшое число их русскоязычных коллег. Таким запомнился мне последний советский номенклатурный парламент Абхазии, куда избирали обычно больших начальников на безальтернативной основе.

В повестке дня сессии значилось больше десятка вопросов. И один кадровый: мое назначение на должность главного редактора газеты Верховного Совета «Республика Абхазия».

«Долго же мне придется ждать», – с сожалением, что раньше времени зашел в зал, размышлял я, взирая на разношерстную толпу, рассаживающуюся по своим местам.

Владислав Григорьевич запланировал вынести мой вопрос в конце заседания: «Может они устанут и проголодаются, и нам будет легче уломать их», – пошутил он, судя по всему, поддерживая мой дух.

И тут до меня дошло: «А ведь это проба сил нового Председателя Верховного Совета и депутатов на предмет того, чья возьмет. А я – субъект этой борьбы».

Пробило одиннадцать часов. Вступительным словом открыл заседание сессии Верховного Совета его Председатель В.Ардзинба. Он же ознакомил депутатов с повесткой дня, коротко охарактеризовав содержание вопросов. Поинтересовался у коллег-депутатов по поводу замечаний и дополнений к повестке. В зале раздалось: «Замечаний и дополнений нет!»

– Что ж, – улыбнувшись, громко заметил Ардзинба, – на нет и суда нет. Значит, приступаем к работе.

Делал он все это впопад и безупречно. Опыт работы в Верховном Совете СССР, безусловно, сильно сказался на его практике в Абхазии.

Несмотря на мою нелюбовь к рутинному процессу депутатских заседаний, я все же увлекся им, т.е. этим самым процессом, наблюдая, как Ардзинба, моментами энергично, и, вместе с тем, гибко обходя спорные проблемы, весьма скоро продвигает повестку дня сессии.

Некоторые из вопросов выносил на той сессии сам председатель ВС. Видимо, те из них, которые считал важными. Здесь он применял следующую технологию. Вначале – небольшой экскурс в проблематику вопроса, затем – обоснование значения и необходимость, естественно, его принятия. Не забывал отметить там же тот аспект, что присутствующие имели возможность изучить проекты представленных решений заблаговременно. После этого он ставил вопросы на голосование. И механизм харизмы, логики и ораторского искусства срабатывал в ос-

новном безотказно. В моем присутствии, менее чем за пару часов, вся повестка дня была исчерпана. За исключением, разумеется, моего вопроса.

И вот подошел тот момент, когда, и я это видел, многие депутаты, отложив в сторону папки с рабочими документами, устремили свои взгляды в мою сторону. Оно и понятно: все ведь знали, что предстоит утверждение главного редактора русскоязычной государственной газеты. Причем, знали и то, что редактором намечено назначить «лицо абхазской национальности». Налицо, как рассуждали меж собой грузинские депутаты и те, кто их поддерживал (а парадокс еще в том, что и некоторые абхазы считали этот вопрос несвоевременным), ущемление грузинских интересов. Вслух же они говорили о нарушении кадрового паритета, сложившегося в СМИ Абхазии. Замалчивая при этом, что сей паритет – детище метрополии и колониальной системы.

Я еще явственнее убеждался, что мое назначение просто так не пройдет. Что-то подобное ощущал и Владислав, который, словно затягивая создавшуюся паузу, долго рассматривал какую-то бумагу на столе. Затем, пообеда взглядом сидевших в зале, будто только вспомнив, сказал:

– Да, товарищи, у нас остался еще один вопрос, снимем его с повестки дня и тогда разойдемся с чувством выполненного долга.

Возникла пауза. У Ардзинба – естественная: он готовился поставить вопрос на голосование. В зале – растерянность: «Как так? Еще не обсудили, а уже вопрос снимается», – так восприняли, наверное, многие депутаты смысл фразы Председателя Верховного Совета.

Уловив, что его поняли превратно, Владислав, улыбнувшись, заметил:

– Сказав, снимем с повестки, я имел ввиду, что мы решим вопрос, конечно, положительно. В этом, я уверен, вы со мной согласны. Прошу извинения у тех, кого огорчил нечаянно. – И затем продолжил: – Что касается вопроса создания новой газеты Верховного Совета – мера эта вынужденная, связанная с ГК ЧП. Наши некоторые издания попали тогда в неприятную ситуацию, этим продиктована реорганизация СМИ. В том числе, создание газеты «Республика Абхазия» на базе двух газет: «Советской Абхазии» и «Абхазии». Но никто из журналистов не

должен остаться без работы. Планируется также выпуск еженедельника Верховного Совета «Панорама Абхазии». Возглавит редакцию Гавва, опытный и профессиональный журналист.

– А теперь конкретно о «Республике Абхазия», – быстро перешел к повестке дня Владислав Григорьевич, – предлагается кандидатура Чамагуа Виталия Зиевича на должность главного редактора. Хотя вы его знаете, тем не менее, считаю полезным ознакомиться с биографическими данными, потом послушаем и самого кандидата.

Зачли справку: родился, учился, трудился. В зале царила тишина: кто-то воспринимал послужной путь, наверное, без эмоций, а кто-то со скепсисом, вперемешку с неприязнью. Что поделать, это жизнь. Но прицепиться вроде не к чему: окончил факультет журналистики МГУ, Высшую партийную школу, десять лет проработал в обкоме партии, курировал СМИ, был на журналистской работе: корреспондент, и.о.завотдела газеты «Советская Абхазия», первый заместитель гл.редактора газеты «Абхазия».

– Ну что ж, товарищи, на бумаге все вроде неплохо, давайте теперь дадим слово самому кандидату, пусть расскажет о том, как будет строить работу редакции, если утвердим его, – предложил Ардзинба.

– Владислав Григорьевич, я хотел бы сказать несколько слов в виде ремарки, – встав с места, громко произнес бывший секретарь Абхазского обкома партии Москаленко.

– Слушаем Вас, – коротко сказал Ардзинба, бросив явно недовольный взгляд на экс– секретаря обкома.

«Ну вот началось, – как, кстати, я и ожидал, – подумалось. – Понятно, что грузины бросили в драку Москаленко, как русского. Я хорошо знал его по работе в обкоме партии. Русского в нем было, как говорится, с гулькин нос: внешность разве, да и выпивка. Остальное – дух, мировоззрение, язык – все грузинское. Кстати, Москаленко, как знали все в обкоме, до приезда в Абхазию на ответственную работу, возглавлял свиноферму в одном из районов западной Грузии. Однако, он был не один такой русский формально, а на самом деле грузин внутренне. Не уступали ему в этом и первый секретарь Сухумского райкома партии Каденец, секретарь Гагрского горкома Воронов, который-то и по русский говорил с грузинским акцентом, тот же Ю.Гавва и другие.

Особыми знаниями и деловыми способностями эти личности не отличались. Зато всегда энергично, со знанием дела, проводили грузинскую линию, исполняя приватные заказы метрополии. Как и в данном случае».

– У нас, в Абхазии, существует добрая традиция, – продолжал, тем временем, заготовленную речь Москаленко, – придерживаться паритета в кадровых вопросах, в том числе и в газетах.

Я посмотрел на Ардзинба. Он слушал не перебивая. На его лице едва была заметна то ли улыбка, то ли ирония. Я сразу понял, что она не предвещает ничего хорошего для его оппонента.

Москаленко, выдержав небольшую паузу, продолжил:

– У нас три главные газеты: абхазская, грузинская и русская. В русской – всегда был русскоязычный редактор. Такой практики, по сути интернациональной, придерживался Реском партии, – завершил этими словами он свое выступление.

В зале стало тихо. Владислав Григорьевич спокойно рассматривал ряды депутатов, переводя свой взгляд от одних, на других. Как-будто видит их первый раз. На Масколенко, уже занявшего свое место, он не обращал внимания. Тем временем, в задних рядах раздавались негромкие голоса, реплики на грузинском, явно одобрявшие речь только что выступившего оратора.

Прервала эту атмосферу приглушенного оптимизма неожиданная фраза Председателя Верховного Совета:

– Я ставлю вопрос назначения тов. Чамагуа главным редактором газеты «Республика Абхазия» на утверждение Верховного Совета, – уверено, с нотками металла в голосе, произнес Ардзинба. – Но в начале я хотел бы ответить на реплику депутата Москаленко, – продолжил он. – Всем нам, и товарищу Москаленко, в частности, известно, что и реском, и партийная организация Абхазии – составная часть компартии Грузии. Составная часть, как ей и подобает, всегда заверяет, что равняется во всех вопросах, в том числе и кадровых, на вышестоящий центр. И даже интернациональные традиции, товарищ Москаленко, не могут оправдывать иной раз нарушение субординации, – с иронией произнес оратор. – Вот мы с вами и призваны исправить это положение.

И затем, обеда взглядом зал, четким, уверенным голосом произнес:

– Обратите внимание, товарищи, в Грузии, к примеру, главным редактором государственной русскоязычной газеты «Заря Востока» по традиции назначается не русскоязычный, а грузин по национальности. Интернационализма в Грузии, как вы знаете, от этого не убавилось. Так давайте и в этом будем равняться на них.

– Но, товарищ Москаленко, снова обратился Ардзинба в его сторону, – может вы думаете, что Чамагуа не потянет как редактор и журналист? – Да, кстати, он работал долгое время в рескоме, рядом с вами. И возможно, плохо себя зарекомендовал? Тогда другое дело. Мы готовы выслушать вас еще раз, – настойчиво проговорил эти слова Председатель ВС.

Я обернулся в сторону Москаленко. Мне было любопытно видеть, как чувствует себя угодливый грузинский наемник, которого блистательный оратор Ардзинба, шаг за шагом загонял в угол, а вместе с ним и его поделщиков – грузинскую шовинистическую бюрократию. Видно было, что Москаленко сбит с толку, союзники же, растерявшись, хранили молчание. Он покраснел, на лысине, венчавшей его дородное, секретарское тело, проступили капельки пота. Привстав с места, вытирая лоб платком, он негромко заметил:

– Нет, нет, Владислав Григорьевич, он дело знает, здесь у меня никаких замечаний нет.

Моментально оценив создавшуюся обстановку, Владислав призвал депутатов:

– Что ж, товарищи, тогда проголосуем. Кто за то, чтобы...

Вот таким образом, усилиями Владислава Ардзинба, впервые за многие десятилетия, главным редактором русскоязычной государственной газеты «Республика Абхазия» стал абхаз по национальности.

ИЗ ВСЕХ МАШИН-СОБЕРЕШЬ ОДНУ

Сентябрь 1991 года – очень волнительный, а вместе с тем и хлопотный отрезок времени для меня – главного редактора газеты Верховного Совета «Республика Абхазия». С чего бы я все-таки тогда волновался и переживал? Вроде все обстояло нормально: мне было сорок лет, имел опыт партийной и журналистской работы, накопленный на разных должностях. Что касается печати, то прошел путь от корреспондента до первого заместителя главного редактора солидной газеты. К тому же, что немаловажно, был в хороших отношениях с Председателем Верховного Совета Владиславом Григорьевичем Ардзинба – фактическим главой республики.

В то же время как не переживать, если на 15 сентября того же года, что совсем скоро, намечался выпуск первого номера газеты. Проблем еще не мало: не завершено формирование отделов, не согласован окончательный график выхода издания, ощутим недостаток оргтехники... Впрочем, по другому, наверное, не бывает, коли печатное издание республиканского масштаба создается практически заново, с нуля.

А тут еще неприятность. Некоторые полиграфисты заартачились: мы-де не будем выпускать газету с редактором-абхазом. Вот так, не больше и не меньше. Понятно было с чего голоса «поют» рабочие. И все равно обидно: в своем отчем доме выслушивать такое. Словно по абхазской поговорке о диком петухе, прогонявшем домашнего... Но это к слову. Проблему все-таки решили: нашлись полиграфисты, менее придирчивые к пятой графе. И слава Богу, тогда нам всем было не до разборок.

Замечу также, что, к радости коллектива, нам выделили прекрасное помещение. По протекции нашего учредителя В. Ардзинба, мы стали обладателями двух этажей в здании бывшего городского комитета

партии. Оставалось только побыстрее завершить подготовительную работу и приступить к выпуску печатного органа Верховного Совета.

Но до этого, помимо текущих дел, меня нередко приглашал к себе Владислав Григорьевич. Спрашивал: как идут дела, в чем нуждаемся, справимся ли сами с проблемами и т.д. Иной раз, неожиданно для нас, сам заходил в редакцию посмотреть, как мы управляемся с делами.

Помню его первый такой визит к нам. Прошелся по всем комнатам сотрудников, осмотрел внимательным, цепким взглядом мебель: столы, стулья, шкафы. И заметил сразу:

– Ничего, годик поработаете с этим наследством, потом приобретем вам новое, более удобное, современное.

Затем, обратившись ко мне, говорит:

– Так, теперь показывай свой кабинет и учти, если твои условия хуже, чем у подчиненных, значит еще не дорабатываешь как руководитель.

Я, усмехнувшись в ответ, повел его в свой кабинет. Открыл дверь и пропустил его вперед, оставшись в ожидании, пока он минует массивные двустворчатые двери. Я видел, что Ардзинба, не пройдя и шага, остановился, более не двигаясь. Я прошел внутрь и посмотрел на него. Вид у него, право слово, был достаточно изумленный. Впрочем, это и понятно. Партийные боссы могли позволить себе впечатляющие апартаменты. Одним из таких как раз был мой предшественник. Кстати, с ним у меня случилась такая история.

Принимая ключи от кабинета из рук бывшего хозяина – первого секретаря горкома партии П. Хвичия, мегрела по национальности, я заметил, что он, при этом, здорово удручен. Выдавало лицо его, сильно покрасневшее, с богрово – синюшным оттенком. Я, конечно, поспешил немного сгладить обстановку, чтобы, не дай Бог, Хвичия не хватил удар. И потому говорю:

– Уважаемый товарищ секретарь, даю вам слово, тоже коммуниста, (он меня, разумеется, знал), что по возвращении прежней власти, я верну вам все в целостности и сохранности. Вам же должно быть много спокойнее, что уступаете место коллеге-коммунисту, а не какому – нибудь демократу-горлопану. – И вижу, о чудо, успокоился вроде тов. Хвичия, цвет лица его стал слегка бледнеть, на нем появилась, хоть и

невеселая, все же улыбка. Прощаясь со мной за руку, он припомнил как ставил меня на партийный учет в горкоме. И сказал напоследок, что уходит более умиротворенным, чем тогда, когда шел сюда. Все – таки ключи отдал человеку партийному, а не кому-нибудь с улицы, успокаивал он себя. Так с ним мы и разошлись.

Когда я рассказал об этом Ардзинба, он, улыбнувшись, заметил:

– А как ты думал, легко ли расставаться с властью, с теми благами, что она приносила не только этому секретарю, но и многим ему подобным. – Ты посмотри только, – сделав жест рукой, он указал мне глазами на помещение, в котором мы находились, то есть на мой новый кабинет. – Ты хоть обратил внимание, в каком роскошном помещении обретаешься. Я вижу, что ты еще ничего не заметил. Да твой кабинет, мне кажется, больше моего. Как думаешь, такое могло быть при коммунистах? – смеется Владислав. – Я ведь сижу на месте первого секретаря обкома, а он рангом выше, чем твой секретарь, – уже вовсю шутит он.

– Владислав, – ты историк (тогда мы были на «ты»). – И должен знать, что при Сталине и Берия в одно время, совместили в одном лице, естественно, грузинском, две должности: секретаря обкома и горкома партии, – отвечаю ему. – Коль один человек на две должности, значит и кабинеты полагались одинакового размера, что в горкоме, что в обкоме, похожие как, скажем, сиамские близнецы.

– Смотри ты, не историк, а соображаешь, кстати, вполне нормально для журналиста, и логика присутствует, – все еще изумляясь привалившим редакции апартаментам, – похваливает меня Ардзинба.

Обозрев зорким взглядом батарею телефонов, в которых я так до конца и не разобрался, громадный массивный стол на слоноподобных подставках и прочую мебель, и длинную, метров в десять, ковровую дорожку посреди кабинета, Владислав с иронией заметил:

– Кто мог подумать в советское время, что под одного человека, правда, крупного партийного чиновника, под его должность и квадратуру соответствующую подгоняли. А «нашим» двуликим янусам бериевским, если можно так выразиться, и того уже не хватало, по два кабинета им преподносили.

– Что ж, повезло редакции, – переходя на другую тему, произносит Ардзинба. – Ты же знаешь, теперь все это – здание, имущество, техника – собственность абхазской республики, как и все остальное, бывшее в подчинении министерств и ведомств Грузии. – Моя просьба – берегите народное добро, – говорит он.

– Беречь, конечно, будем, но мысль есть у меня по поводу этого громадного помещения, – обращаюсь я к Владиславу. – Смотрим же иногда западное кино, там журналисты обитают в одном помещении, разделенном легкой конструкцией на секторы. Вот бы и нам так, да и я оказался в более привычных условиях. Разве нет? – спрашиваю его.

Владислав, вначале с неподдельным удивлением глядит на меня, а затем говорит:

– Когда я сказал, что твой кабинет не должен уступать в чем-либо помещениям твоих сотрудников, я не просто шутил. Я очень рад, что у абхазского редактора столь солидный кабинет. Твой же проект, ты, наверное, считаешь, что это очень демократично, превратит это помещение, в чем я не сомневаюсь, в маленький сельский вокзал, причем, в самом неприглядном состоянии. Если есть такое желание, пожалуйста, делайте. Но это будет, повторяю, ошибкой. Кстати, где собираешься проводить планерки и летучки, как вы называете свои собрания? Здесь, конечно. Куда, в ином варианте, усадишь 30-40 человек. А разве неприятно в комфортных условиях принимать гостей, скажем, делегации журналистов из других республик? Они же, потом, расскажут у себя, на родине, как живут и работают абхазские коллеги. Это и есть пропаганда нашей культуры и наших возможностей. Ее, брат, не солидно, а еще столько лет в обкоме оттрубил, откуда такие мысли у тебя, – язвительно заметил он.

– Хорошо, понял, отменяется проект, – согласился я с доводами Владислава. На том тогда мы и расстались.

ПОСТФАКТУМ. Через некоторое время Владислав Григорьевич приглашает меня к себе и спрашивает:

– Почему не берешь из гаража автомашину для редакции. Когда все распределят, где я тебе найду транспорт.

– Показали мне старую колымагу, – объясняю, – полагаю, постарше чем я возрастом. И на спущенных скатах обретается, а у нас нет денег на ее восстановление. Да и много других проблем.

Тут же Ардзинба вызывает начхоза и говорит:

– Слушай, а ты знаешь кто тебя рекомендовал на твою должность? Когда я его спросил о тебе, – показывает глазами на меня Владислав, – он сказал, что ты нормальный и приличный работник. Но теперь я стал сомневаться: может мы оба в тебе ошиблись?

– Вот, что я тебе скажу, – строгим голосом приказывает Владислав, – откроешь все боксы, покажешь все машины, если они не понравятся, из всех соберешь одну машину для редакции. Не выполнишь мое задание – пеняй на себя, – заключил Ардзинба. – Начхоз опрометью выскочил из кабинета.

Когда я с товарищем, директором автотранспортного предприятия Анзором Джугелия, через час– два явился в гараж, не смог удержаться от смеха: двери всех боксов настежь открыты, автомашины, как на выставке –продаже, выставлены наружу. Работники гаража с тряпками и ведрами носятся вокруг транспортных средств, смывая с них многодневную грязь и пыль.

Мой приятель, быстро и профессионально разобравшись в ситуации, указал мне на черную «Волгу» ГАЗ-3110, которую закрепили за редакцией. Потом мне поведали приватно, что ее держали для высокопоставленного чиновника. Это был, оказывается, автомобиль первого секретаря обкома партии, собранный на Горьковском автозаводе по спецзаказу.

Я об этом, конечно, Владиславу ничего не сказал. А зачем?

Я ТЕБЯ О ТОМ И НЕ ПРОСИЛ...

Как-то осенью 91-го, после распада Советской страны, Владислав Григорьевич говорит мне:

– Рухнула великая страна, на то есть много причин, но имей в виду, что это случилось не по воле народа, а скорее оттого что верхи не способны стали управлять огромной страной. В той, распавшейся стране, долгое время правила партия. Правила с помощью большого числа партработников– специалистов широкого спектра. Абхазия была составной частью этого организма. Многие управленцы теперь остались здесь без работы. Они же не виноваты, что система скоропостижно, по вине бездарного руководства, канула в вечность. Хотя, повторяю, этого можно было избежать, если бы власть, проявив политическую волю и мудрость, произвела модернизацию и структурное обновление Союза. Но эта тема другого разговора. Тебя же прошу набросать мне списки тех, кто работал в обкоме и горкоме партии. Ты трудился долгое время там, так что, как говорится, тебе и карты в руки: хорошо представляешь, кто на что способен, их профессиональные и человеческие качества. А специалисты сейчас нам очень нужны: мы ведь подчинили Абхазии свыше двухсот объектов народного хозяйства, находившихся ранее в союзно-республиканском ведомстве. – Вот и наступило время известного в прошлом лозунга: «Кадры решают все». – Тебе знаком он, не так ли? – обращаясь ко мне, усмехается Ардзинба.

– Да, слышал о нем, старый, и даже очень, лозунг. Впрочем, и в мою бытность в партийных органах не чурались его. Правда, авторство многие приписывают Иосифу Виссарионовичу. Не знаю, однако, так это или нет. Я знаю другое изречение: «Лес рубят – щепки летят». Так о людях, попадавших к нему, Иосифу Виссарионовичу, в немильность, говорят, рассуждал «отец народов».

– Но если вдуматься в суть, то действительно от кадров много зависит, в том и есть рациональное зерно, – замечает Владислав. – Кадры, согласись, они при любом режиме нужны. Ведь так?

– Согласен, но лишь добавлю, что словосочетание это, если внимательно посмотреть, несет в себе не только положительную нагрузку. Если скажем, кадры, в одном случае здорово и энергично справляются с поставленной задачей, в другом – способны не менее «энергично» завалить любое, даже превосходное начинание. СССР – разве не пример тому? В том случае как раз девальвировались кадры, особенно в высшем эшелоне власти. Кстати, о кадрах приснопамятного времени. Ты, как историк, конечно, слышал о том, (то ли байка это, то ли, действительно, реальный факт-того не знаю) о разговоре Сталина с своим близким окружением...

– Ну-ну, Расскажи, – поощряет меня Владислав, – я занимался историей совершенно иного рода, весьма далекой от партистории.

– Как-то «отец народов», к концу своего правления, – начал я, – собрал на даче членов политбюро, и, напоив их, говорит: «Послушайте, я сделал все, возможное и невозможное, чтобы великий Советский Союз никогда не мог быть разрушен с низов, а вот, что касается верхов, я не очень уверен. Смотрю я на вас, говнюков, и думаю: вас, после меня, капиталисты точно прижмут к ногтю. И все мои труды пойдут прахом...»

– Это ты к чему, – спрашивает Владислав. – Затем, после некоторого раздумья, продолжает: – Я примерно понял, к чему эта байка или быль. Но ты же хорошо осведомлен о способностях наших партработников, о их отношении, наконец, к нашим, абхазским проблемам.

– Хорошо, я сделаю списки. Там будут отмечены имя, фамилия, и место прошлой работы, – разъясняю Владиславу. – А что касается подробной характеристики этих людей, на то есть специальная форма.

– Это какая такая форма? – переспрашивает удивленно Владислав.

– Автобиография и личный лист по учету кадров, – там все будет расписано: образование, семейное положение, где работал, какие должности занимал и прочее. Словом, оттуда уже можно будет почерпнуть элементарные сведения о человеке, – отвечаю на вопрос Ардзинба.

– Это что же, – эмоционально реагирует он, – опять как в обкоме партии все будет, но время – то на дворе другое. Пора заканчивать эти бумажные игры. Я же тебе говорю о наших, местных людях, зачем им еще анкеты заполнять. Мы, что, не знаем своих: о чем они думают, какими мыслями и идеями живут...

Я не сдержался и рассмеялся. Владислав, с удивлением посмотрев на меня, оборвал свой монолог.

– Не надо, – говорю, – Владислав оболящаться, не все те, кто будет в списках – сплошные патриоты. Люди они разные, их диапазон интересов весьма широк: от пламенного патриота – до законченного карьериста. Таким, как говорится, до лампочки проблемы Абхазии, станет туго, так сразу и отвалят в сторону. Я, конечно, не могу, и совесть не позволит, каждому в отдельности давать характеристику. Но если процентов 20-30 из всего списочного состава партработников честно и по совести потрутся на благо Абхазии – это будет совсем даже не плохо.

– Не ценишь, вижу, ты своих бывших коллег по – достоинству, не всем, чувствую, и доверяешь, – язвительно заметил Владислав Григорьевич.

– Что ж, время покажет, – отвечаю. – Буду очень рад, если ошибусь. Но ведь с этими людьми, образно говоря, если даже не пуд, то все же не мало соли потребил. Десять лет в партийных органах – срок достаточный, чтобы рассмотреть кое-что, и в людях тоже.

– Понял тебя, – заключил Владислав. – Ты все же положи мне на стол списки тех, кого считаешь нужным туда включить. А там посмотрим.

Я долго думал: как же быть? Почему я должен делать выбор, даже если глава Абхазии дает такое задание. Я же не судья. И все же нашел выход: включил в список всех сотрудников обкома и горкома партии, кроме, естественно, партработников-грузин. А их и включить туда невозможно было. Они все, до единого, оказались на другой, антиабхазской стороне. Так что список –то по форме получился выборочный. Когда я его вручил Ардзинба, он, вспомнив наш недавний разговор, спросил:

– Интересно, однако, кого ты не включил в список. Выборочный он, не так ли?

– Точно так, – отвечаю, – как мне было сказано, выборочный, на мое усмотрение. – И, сделав паузу, добавил: – Не включил туда бывших коллег-грузин.

Ардзинба какое-то время удивленно смотрел на меня, а затем, от души посмеявшись, заметил:

– Я тебя о том и не просил.

ФЛАКОН ВАЛЕРЬЯНЫ

Весенним утром, часам к 10-ти, я оказался в кабинете Владислава Ардзинба. Такие посещения случались нередко. То он звал меня к себе, или я сам приходил туда. Мы обменивались информацией: я сообщал ему, что важное пойдет в номер газеты, а он подбрасывал ту или иную злободневную тему. Могли просто поговорить накоротке о политической ситуации и прочих проблемах.

В то утро должна была состояться сессия Верховного Совета. До начала заседания оставался час времени. Владислав, судя по всему, был настроен по-боевому: шутил, говорил о том, о сем, спрашивал о редакционных проблемах. При этом, приговаривая с юмором, отмечал, что если у журналиста все хорошо, это не совсем даже нормально для творчества, тогда, мол, лень-матушка будет докучать. Я, в свою очередь, пояснял, что нам это вряд ли грозит, поскольку у нас немало проблем, в том числе с финансами, техническим обеспечением и т.д.. Он согласно кивал головой, обещая: «Потерпите немного, скоро все будет».

Беседуя со мной, Владислав в тоже время пробегал глазами бумаги. Видно, что готовился к сессии. Я уже было собрался уходить, как он заметил:

– Подожди меня, я сейчас на минутку отлучусь. – Сказав это, открыл смежную дверь и прошел внутрь.

Через несколько секунд мне послышалось характерное бульканье. Дверь в «комнату отдыха», как тогда именовали эти помещения, оставалась полуоткрытой. Я встал и, сделав два шага, тихо и ненавязчиво вроде, заглянул туда. И тотчас встретился с взглядом Ардзинба. На лице его светилось лукавая улыбка.

– Что, любопытство замучило, – такие вы журналисты, – незлобиво корил он меня, – заходи, чего уж стоять на пороге, а то еще подумаешь, что я поддаю здесь в одиночестве, – добавил он шутливо.

Я зашел и был поражен увиденным. Перед Владиславом стоял двухсотграммовый стакан, тот самый хрущевский, как его называли в ту пору, наполовину заполненный водой. Туда же он плеснул флакон валерьянового настоя.

– Неужели сердце, – посочувствовал я.

– Нет, нет, ничего подобного, – смеясь, отвечал Владислав. – Дело совсем в другом. А ты представь, каких трудов мне стоит держать себя в руках, в рамках, так сказать, приличий, не сорваться, не поддаваться на всевозможные провокации грузинских депутатов. Ради дела терпеть их выпады, оскорбительные речи, циничные и неуважительные по отношению к абхазам и Абхазии. Поэтому, как видишь, я ограничиваю свои эмоции и желание резко ответить оппонентам, заглушая естественные чувства, ответную реакцию, вот этим самым способом.

Вот, оказывается, в чем «секрет» терпения и выдержки главы Верховного Совета, – подумалось мне. Недаром говорят, все простое – гениально. Так и здесь: испил валерьяны и несет он неподъемный груз ответственности, из человека эмоционального и взрывного – превращается в политика, дипломатично и ненавязчиво проводящего свою линию. При всем этом, конечно, требовалось огромная сила воли, ее председателю Парламента нового, так называемого, демократического созыва, было не занимать. Направлял он эту силу воли и энергию умно и гибко – на пользу абхазской государственности. И появлялись, один за одним, законы, защищавшие свободу и независимость народа и государства.

Со стороны, конечно, физические и психологические нагрузки, не очень-то были заметны. Да и Председатель Верховного Совета был молод, полон сил и энергии. Но если посмотреть изнутри, как, скажем, довелось мне, сразу чувствуешь его ответственность и за ситуацию в абхазском Парламенте, и за судьбу в целом народа и страны.

А как иначе, если обстановка в Верховном Совете, как, впрочем, и в республике, была перманентно экстремальной. Абхазская и грузинская фракции и примыкавшие к тем и другим русскоязычные депутаты, занимали диаметрально противоположные позиции. Заседания сессии почти всегда проходили бурно, с резкими выпадами, в обстановке чрезмерно эмоционального накала страстей. Словом, иной раз, зал заседаний, образно говоря, напоминал средневековую арену. Раз-

ве лишь вместо идущих на смерть гладиаторов, в нашем случае, можно было узреть разгневанные лица грузинских депутатов, отчаянно жестикулировавших по любому случаю. Говорят же, что от гнева до смешного – дистанция небольшая. Слепленные шовинистической злобой, грузинские депутаты частенько попадали в неловкое положение из-за постоянных демаршей, коллективных уходов с сессии, других неразумных поступков. Кстати, даже у грузинского населения, за редким исключением, свои депутаты особым уважением не пользовались.

Не было у них, как у абхазов, ярко выраженного лидера, с умом и харизмой. К тому же, по квотному соглашению Ардзинба с грузинским руководством в лице президента Гамсахурдия, они оказались в меньшинстве: 26 депутатов-грузин против 28 абхазов. А подтянуть к себе в союзники все 11 русскоязычных депутатов, чтобы составить большинство, они оказались не в состоянии. И потому позитива в их деятельности практически не было, зато негатива – хоть отбавляй. Главным для них стало саботировать все то, что предлагали абхазы.

То, о чем я рассказываю, под впечатлением того, как Владислав, готовясь к сессии, пробавлялся стаканом воды с валерьяной, известно не многим. Но еще более загадочным оставалось одно обстоятельство: каким все же образом состоялось соглашение по квотам? Меня интересовали подробности этих договоренностей, давших абхазскому меньшинству большинство мест в Верховном Совете.

...Когда мы возвратились в рабочий кабинет Ардзинба, я спросил его:

– Представим, что договора о квотах нет, выборы прошли в соответствии с существовавшими реалиями. Каков был бы в таком случае депутатский расклад и как развивалась бы ситуация?

Ардзинба сидел и о чем-то думал. Я посмотрел на часы. Скоро 11, успеет ли он ответить мне? Хотелось узнать из первых уст, как он провел квотное соглашение с Гамсахурдия. Что они смогут договориться – и самому большому оптимисту тогда в голову не могло прийти. Совсем недавно Гамсахурдия угрожал нам, воевать с нами собирался...

Прервав мои мысли, Ардзинба говорит:

– Не будь той удачной поездки в Тбилиси, и как результат – того квотного соглашения, мы составляли бы меньшинство, причем, до-

вольно значительное. А с меньшинством, известное дело, не всякий депутат пошел бы в союзники. Могло быть и другое. Допустим, не состоялись бы выборы: абхазы, почувствовав свое проигрышное положение, могли сорваться. Тогда не миновать всем беды. Мы же знаем свой народ. Чтобы защитить свое, он не перед чем не остановится. Этого удалось избежать и квоты нам помогли в том.

– Как же удалось убедить Гамсахурдия в необходимости столь болезненного для грузин компромисса, – снова задаю я вопрос, на который давно хотел услышать ответ. – Говорят некоторые, что якобы в Тбилиси главу Абхазии приняли высокомерно, вроде даже обыскали в приемной грузинского президента. Насколько это соответствует правде, – пытался я таким набором слухов подстегнуть красноречие Владислава.

Он, посмотрев пристально на меня, а затем, бросив взгляд на часы, заметил:

– Вот и ты повторяешь небылицы, досужие вымыслы наших оппонентов. Тебе простительно, как журналисту, заикленному на сенсации. Чувствую, что хочешь вытянуть из меня историю с квотами. Что ж, время есть, еще минут десять до сессии, давай поговорим, – сказал Ардзинба.

... Летом 1991 года Владислав Григорьевич неожиданно для всех, как в Грузии, так и в Абхазии, с однодневным визитом побывал в Тбилиси. В то время под президентом З. Гамсахурдия уже начиналась колебаться почва. Ему нужны были союзники. Не раз угрожавший абхазам расправой, он принял абхазского лидера весьма благосклонно. Регламент встречи заранее обговаривался, никаких обысков и изъятия личного оружия не проводилось. Да его, этого оружия, не могло быть у Ардзинба в момент встречи с президентом Грузии. Это вымыслы тех, отмечал Владислав, кто, разумеется, не хотел этой встречи, опасаясь ее положительного исхода, к чему она и привела. Были таковые и в Грузии, и в Абхазии, и за рубежом.

Гамсахурдия, по словам Владислава, разговорился не на шутку. Особенно тогда, когда они остались одни. Не преминул, в частности, отметить, что эпоха советской власти канула в вечность, а вместе с нею и время коммунистических руководителей Грузии и Абхазии. И

что теперь к власти пришли люди иной формации. Себя он, понятно, причислял к элите борцов против советской системы. Этой борьбе, как он возбужденно заметил, всегда отдавал все свои силы, знания и энергию. И в результате он и подобные ему борцы с системой, дескать, пожинают лавры победы, и что это справедливый акт истории, протекающий в русле цивилизационных процессов. Сказал он и комплиментарные слова в адрес абхазского лидера, подчеркнув, что Ардзинба в Грузии знают как крупного ученого и высокоинтеллигентного человека, мудрого и серьезного политика. И ему, Гамсахурдия, особенно импонирует то, что абхазский лидер никогда не был партийным и советским функционером. Это как раз и нужно многонациональному населению Абхазии, это так же соответствует интересам Грузии. Примерно так говорил тогда президент Грузии.

Ардзинба сидел напротив и молча слушал Гамсахурдия, не поддерживая и не отрицая того, что высказывал последний. Слушал, причем, вполуха, а сам думал: чем бы пронять этого почти самовлюбленного нарцисса, какими словами склонить его к согласию на избирательную квоту с преимуществом для абхазов. И Владислава осенило: его, Звиада, не нужно перебивать, лучше дать выговориться, а как будет момент – непременно похвалить за что-то такое, которым он внутренне особенно гордится.

В политике, безусловно, много значит умение, распознав внутреннюю сущность оппонента, расположить его к себе хотя бы в отдельно взятом аспекте. И Ардзинба смог, нашел именно те слова, которые действовали на доселе упертого ненавистника абхазского народа, который, кстати, в свое время в известном письме, озаглавленном «Жителям Северо-Западной Грузии» (т.е. Абхазии-авт.) инструктировал грузин о том, какими методами и способами вести борьбу с абхазами. У Ардзинба не было, к тому же, другого выхода – очень высока была цена вопроса, решение которого тогда зависело от президента Грузии.

Словом, когда высказавшийся вдоволь по поводу коммунистов Звиад, наконец, замолк, Ардзинба произнес именно ту реплику, которая, несомненно, произвела эффектное впечатление на собеседника.

– Выслушав вас, – начал Владислав, – я вспомнил Константина Гамсахурдия. – Вы реализовали в жизнь все то, что взяли от отца–

видного писателя и общественного деятеля. Он и вы – непримиримые борцы с советским строем. Он – зачинатель, вы – продолжатель этой миссии. И вы, как я понимаю, справились успешно с этой задачей. Вы сегодня во главе Грузии, а ее, надо полагать, вместе с вами, ожидает достойное будущее.

В таком, примерно, ракурсе выдал Владислав Григорьевич свой экспромт, не надеясь пока еще на уступчивость грузинского лидера.

После этих слов главы Парламента Абхазии, лицо грузинского президента зарделось, заблестев, ожили глаза, и, встав из-за стола, он пожал руку собеседника. Затем, поблагодарив за теплые слова об отце, выходяще обратился свой взор на Ардзинба.

После вынужденной хвалебной реплики Владислав перешел к теме выборов в Абхазии, посетовав на то обстоятельство, что в силу своей малочисленности, абхазы могут оказаться в подавляющем меньшинстве в Верховном Совете. Что может привести к усилению конфронтации в республике, где и без этого уже напряженная обстановка на национальной почве.

– Владислав Григорьевич, я обстановку знаю. – Мне ее докладывают две Службы Безопасности – Грузинская и Абхазская, – усмехнувшись, отреагировал Гамсахурдия. – Что касается выборов, то есть, с предлагаемой вами формулой: 28, 26,11, наверное, соглашусь. Хотя представляю, что не всем это понравится. Мне уже говорили некоторые, что мы чуть ли не сдаем Абхазию. Особенно те грузинские деятели, которые живут с вами, в Абхазии. Но я, уверен, что никуда Абхазия не денется, что мы родственный народ, что нас объединяет не только территория, но, даже в большей степени, наши обычаи и традиции. Вот вы, Владислав Григорьевич, только что вспоминали моего отца. В его книге «Похищение луны» лучшие герои – это представители абхазского народа, братья грузин и мегрелов. К сожалению, пока еще не все грузины это понимают, думаю также, что и не все абхазы. Нам, грузинам и абхазам, вы, уверен, согласитесь, надо искать те факторы, которые не разделяют, а объединяют нас. И та проблема, которую мы с вами здесь решаем, как раз и есть тот самый объединяющий фактор.

Приняв молчание Владислава как знак согласия Звиад продолжил:

– Единственное мое замечание – что, конечно, на будущее, сейчас, я вас понимаю, еще не пришло время – надо делить все места между абхазами и грузинами. Одиннадцать мест для русскоязычных – лишнее. У них есть своя родина, где они могли бы, при желании, проявить свои политические и иные способности. У нас же не экспериментальная площадка для возвращения идей социалистического и коммунистического интернационализма. Эти времена, как мы с вами уже отметили, канули в лету. Пусть другие экспериментируют на здоровье. Грузинам и абхазам сие, кроме вреда, ничего не принесло.

Поговорив еще некоторое время на отвлеченные темы, он заверил Ардзинба, что еще сегодня даст указание по поводу обговоренных квот по выборам. И добавил, что глава Абхазии может ехать с твердой уверенностью, что договоренности будут неукоснительно исполнены.

– Я прекрасно понимаю, что от этого во многом зависит, и ныне и в будущем, мир и спокойствие в абхазском регионе, – так закруглился тогда Гамсахурдия.

ПОСТСКРИПТУМ. От себя замечу, что грузино-абхазские отношения того периода – это неравный поединок грузинских и абхазских политиков и лидеров. Одни, как правило, при этом, опирались на силу и численное превосходство своего этноса. Другие, как Ардзинба, – на ум, сообразительность и, разумеется, мужество своего малочисленного народа.

В нашем случае, в Тбилиси, сыграв на тщеславии и амбициозном характере собеседника, он смог развернуть Гамсахурдия, убежденного абхазофоба, лицом к абхазским проблемам и добиться согласия грузинского лидера на квоты с преимуществом для абхазов. Так, проявив дипломатический талант и политическую гибкость, Владислав Григорьевич компенсировал малое число своего этноса.

ОН ЕЩЕ ПОЖАЛЕЕТ ОБ ЭТОМ...

На дворе стояла весна трагического для абхазов 1992года. Я, только что завершив редакционную планерку, собирался приступить к редакторской читке полос номера, идущего в печать. Было часов 10 утра. В это время раздался звонок правительственного телефона:

– Послушай, старик, зайди на минуту, есть интересный материал для газеты, – раздался знакомый голос из трубки. Это был Председатель Верховного Совета Абхазии Владислав Ардзинба.

Буквально через две-три минуты я был в кабинете Владислава Григорьевича. Кстати, замечу, что Владислав, о чем я тогда не подумал, оказался весьма предусмотрительным. Зная, что ему придется часто приглашать меня к себе, экономии времени ради, дал распоряжение охране выдать мне ключ от смежных дверей, разделявших бывшие горком и обком партии. В описываемое время в первом здании находилась редакция газеты Верховного Совета «Республика Абхазия», во втором – Верховный Совет и его председатель. Так что быстро пройти туда мне особых трудов не составляло.

Агент СГБ сообщал...

...Поздоровавшись, Владислав и я присаживаемся за журнальный столик. Коротко спросив о редакционных делах, он дает мне в руки несколько страниц машинописного, причем, убористо набранного текста и говорит:

– Прочитай внимательно и выскажи свое мнение: как поступить с этим материалом?

Читал текст, все больше и больше изумляясь тому, о чем повествовал неизвестный автор, или, вернее, судя по подписи, просто

«источник». Одним словом, впервые в руках я держал агентурные сведения Службы Государственной Безопасности. Было неожиданным и то обстоятельство, что речь в донесении агента СГБ шла о весьма неблагоприятных делах министра внутренних дел Абхазии Гиви Ломинадзе.

Я, конечно, знал, что Ломинадзе – один из лидеров грузинской «пятой колонны» в Абхазии. Но, чтобы глава МВД собирал, словно тать, ночью «надежных» грузин, распределял роли и обязанности для ведения борьбы с абхазами – это был нонсенс. Согласно сведениям «источника» сообщалось, где и когда проводились эти антиабхазские тайные «вечери», фамилии участников, адреса их проживания. И, что особенно удивило меня: подробно, с учетом деталей, характеризовались речи самого Ломинадзе, его наставления и призывы дать отпор абхазам. Я убеждался, что «источник» – не абхаз, скорее грузин, который непосредственно наблюдал за отмеченной деятельностью главы МВД Абхазии.

Завершив чтение, я вопросительно взглянул на Владислава Григорьевича. Тот, угадав на моем лице печать удивления, спросил:

– Что скажешь, интересный материал для газеты, как думаешь?

– А кто будет автор? – машинально вырвалось у меня.

В ответ Владислав Григорьевич, рассмеявшись над моим, ясное дело, наивным восклицанием, то ли вопросительно, то ли в виде предложения, заметил:

– Может дать как передовицу в газете? Пусть люди знают, чем занимается министр внутренних дел, что вместо наведения правопорядка, подбивает соплеменников на конфронтацию с абхазами. Это же чистой воды разжигание межнациональных распрей. За это и статья есть в кодексе.

– Можно, конечно, дать в печать. Хотя бы под моим псевдонимом «Карба», – отвечаю. – Когда стоит под текстом фамилия, люди больше верят в правдивость информации, – пытаюсь обосновать свое предложение.

– Ни в коем случае, – быстро реагирует на мои слова Ардзинба. – Ты, я вижу, все еще плохо представляешь, что за человек Гиви Ломинадзе. Он готов пойти на любую провокацию. Так что, предупреждаю

тебя – никаких фамилий и псевдонимов. Текст дай как передовицу. Пусть знает, что информация идет не от редакции, а оттуда ... Впрочем, сам догадается откуда.

Так тогда решил Владислав Григорьевич. И эта публикация получила большой резонанс в обществе, даже в среде грузин. Ведь были среди них и те, которые, зная характер абхазов, остерегались обострения отношений. Правда, такие в республике были в подавляющем меньшинстве. И все же, после публикации в газете ряда подобных информации о Ломинадзе, ко мне, как к гл.редактору «Республики Абхазия», пришла группа грузинских железнодорожников. Они с возмущением говорили, что некоторые известные политики и руководители пытаются стравить народы, ведут агрессивную национальную политику. И что это может вылиться в межнациональные столкновения.

В тот момент я, честно говоря, ожидал, что сейчас они начнут поминать «во всех грехах» абхазскую сторону. Но тут я как раз и ошибся: главной мишенью их обвинения стал не кто иной, как Гиви Ломинадзе. Они просили передать Владиславу Ардзинба, что этот человек всех – и абхазов и грузин – до добра не доведет. Надо найти на него управу, чем скорее, тем лучше, уходя, напутствовали они меня, удивленного, вконец. Я попросил их выступить в газете, но они отказались, заявив, что им могут отомстить за это. К тому же у них есть семьи.

О разговоре с железнодорожниками я рассказал Владиславу Григорьевичу. Он, выслушав меня, заметил:

– Если уже к нам пришли грузинские рабочие жаловаться на одного из лидеров «пятой колонны», значит, объем его подрывной деятельности против абхазов гораздо масштабней, чем это мы себе представляем. Получается, что мы о нем всего не знаем. Это еще одно свидетельство того, что он очень опасен для Абхазии: может столкнуть людей. Допустить такое нельзя...

Так рассуждал о Ломинадзе в тот момент Владислав. Возможно он уже тогда пришел к мысли о необходимости нейтрализации министра- авантюриста. По крайней мере все действия главы Абхазии, как мне виделось, были в этом направлении.

Он еще пожалеет об этом...

Как я уже отметил, в газете мы прописывали Ломинадзе достаточно регулярно, по мере поступления конфиденциальной информации: раз, два в месяц. Он, конечно, понимал, что к этим публикациям редакция имеет лишь косвенное отношение. Действительно, материалы подвергались небольшой правке, чтобы опубликованные в газете заметки не смахивали на рапорт оперативного работника своему начальнику. Материалы, надо думать, все же донимали министра. Видимо, Ардзинба кое-что знал на этот счет. У него, разумеется, был свой канал информации. Однажды, после очередного выступления газеты на эту тему, он, пригласив меня к себе, задал мне неожиданный вопрос: в котором часу заканчиваю работу и где бываю после этого?

Я был удивлен: в голову пришла мысль, что кто-то на меня жалует, правда, не догадывался – за что?

– Завершаю работу по-разному, – отвечаю. – Когда в двенадцать, а то, и в два-три часа ночи. Как запустит типография номер газеты в печать, так и ухожу домой, в основном это уже ночь, – разъясняю Владиславу нашу кухню.

– И так каждый день? – удивляется он, – это тяжелый труд, так долго не потянешь, – озабоченно замечает Владислав. – Нужно что-то придумать...

– По-другому не получается, такова технология нашей печати. К тому же у нас два дня выходных, пока хватает для отдыха, а дальше посмотрим, – успокаиваю его.

– Я к тому спрашиваю, – внимательно глядя на меня, говорит он, – чтобы ты был поосторожнее, на всякий случай, не ходил один... – Затем, сделав небольшую паузу, добавил:

– Может тебе табельное оружие выписать? Я напишу официальное письмо министру.

Я, засмеявшись, отвечаю:

– Что, тому самому, о котором столько негатива дали в газете. А почему бы и нет, как любой абхазец, от оружия не откажусь. И добавляю: – У нас в Абхазии известен каламбур: что, мол, за начальник без секретаря в приемной, минералки в холодильнике и пистолета за рем-

нем. У меня, как раз, нет последнего атрибута. Имел когда-то, в школьные годы, старенький «Вальтер», и тот мать в речку Адзлагарку выбросила, так там и пропал с концами.

Владислав, улыбнувшись, тут же дал задание составить официальную бумагу в МВД на предмет моего вооружения табельным оружием. Я все это всерьез не воспринимал: видел, что Ардзинба хочет каким-то образом проявить заботу о моей безопасности.

Так, посмеиваясь, рассуждали мы с Владиславом о способах моего вооружения. Но от души я смеялся тогда, когда министр прислал официальный ответ на письмо главы Верховного Совета. Ломинадзе отреагировал оперативно, на следующий день. Владислав позвал меня и зачитал бумагу, в которой, примерно, отмечалось: на основе существующего законодательства можем выделить тов. Чамагуа В.З. охотничье ружье.

Я все еще смеялся над текстом письма, но враз осекся, когда услышал слова, сказанные Владиславом со сдержанной злостью и негодованием: «Он еще пожалеет об этом...» Тут я понял, что Ломинадзе допустил большой промах. Не учел характер Ардзинба: такие, как он, не прощают насмешливого высокомерия. Ведь мог просто отказать на основе, скажем, законодательства. А вот упоминание об охотничьем ружье – это уже со стороны министра оскорбительная бравада. Дескать, я «суверенный» министр, нахожусь под «крышей» Тбилиси. И поступаю так, как считаю нужным.

Этот поступок умным ходом вряд ли можно назвать. Дерзким – да, но не больше того. Хотя Ломинадзе был хитер, знал толк в интриге, словом, был непрост, иначе не пробился в министры. Аведь тогда это стало неожиданностью для всех.

По служебной лестнице его вели грузины... и абхазы

А дело было так. После освобождения Бориса Адлейба 1989 году от должности первого секретаря абхазской партийной организации за поддержку Лыхненского обращения, на его место прислали Владимира Хишба. Министр внутренних дел Абхазии Чулков тоже оказался в немилости, и вместо него из Тбилиси направили, вместе с Хишба,

полковника Ломинейшвили, махрового грузинского шовиниста. Но его назначение вскоре застопорилось. Я сам, работая в то время в рескоме партии, был свидетелем того, как шла борьба за министерское кресло. Из Тбилиси также объявился крупный милицейский чиновник абхазской национальности, имевший виды на то же самое кресло. Они оба попеременно заходили к Владимиру Филипповичу Хишба, чтобы тот замолвил слово в высоких Тбилисских сферах. Но все было не так просто. Ломинейшвили, присланного грузинским МВД, похоже и вовсе «позабыли». У абхаза же оказались серьезные минусы: в одном случае – это «пятая графа», в другом – его патрон, создававший ему «зеленую» дорогу для карьерного роста, пребывал в высоких московских коридорах, и, видимо, подобными «мелочами» тогда не занимался. Пока шла схватка конкурентов, Ломинейшвили, приехавшего занять высший милицейский пост в Абхазии, с одной стороны, и пробивным абхазским чином из Тбилиси – с другой, Ломинадзе, оказалось, тоже не дремал. Путем интриг и хитроумных комбинаций, расположив к своей персоне главу МВД Грузии Ш.Горгодзе (это было не трудно, обладая мафиозными средствами: он имел тогда прозвище «Гиви – пять процентов», – идущие от мандаринового бизнеса), Ломинадзе наголову разгромил соперников. Того самого «пробивного» абхаза и незадачливого тбилисского Ломинейшвили. Таким образом, усевшись в самое влиятельное министерское кресло в Абхазии, Гиви исправно служил, как агонизировавшей советской власти (объявлял режим ГК ЧП в Абхазии), так и первому президенту демократической Грузии Звиаду Гамсахурдия. И всюду, заметим, приходился к месту. Режимы сменяли друг друга, а Ломинадзе оставался на своем посту. Он умел приспособливаться к обстановке. Вообще питомцы «абхазской» карьерной школы могли переплюнуть своими «достижениями» даже тбилисских коллег. Настолько все здесь было своеобразно и необычно. Вот, скажем, тот же Ломинадзе. Курьез в том, что Гиви «создали» и «вели» по служебной лестнице не только грузины, но и абхазы. Среди тех, кто опекал этого зловещего министра в ранние годы, есть даже один наш генерал, не мало других высокопоставленных работников прокуратуры и суда. Один из таких его приятелей (бывший высокопоставленный прокурорский руководитель при Ардзинба) как-то на

телеканале «Абаза» ставил себе в заслугу, что он, дескать, с помощью Ломинадзе продвинул при Гамсахурдия спасительный для абхазов закон о выборах по формуле: 28-26-11. Ардзинба же мне говорил совсем иное. Кстати, и сам Ломинадзе называл тот закон о выборах не иначе как «в традициях апартеида».

Гиви, однако, скоро переплюнул всех своих опекунов, стал генералом, а в дальнейшем одним из лидеров грузинской «пятой колонны», исправно боровшейся с абхазским народом. Затем он, как это водится, стал примериваться к государственной и политической деятельности. В среде грузинской верхушки в Абхазии, Ломинадзе, как человек дела, для Тбилиси был более предпочтительным, нежели кто другой. Шеварднадзе всегда отличал своей милостью «ментов» и комсомольцев. Кстати, и абхазские кадры он подбирал по этим параметрам. Посмотрит на молодого и ретивого работника, и, вспомнив себя в молодости, сразу определится: этот годится, можно не сомневаться, что мать родную продаст за карьерный рост. Если речь об абхазце, то мысленно добавит: хоть и сукин сын, зато наш сукин сын, будет служить нам верой и правдой. Говорят, что это изречение Шеви, затем американцы подхватили и, чуть подкорректировав, использовали по отношению к своим креатурам. Но это к слову.

В Грузии, после захвата власти, Шеварднадзе, по мере возможности подыскивал верные ему кадры. Тоже самое и в Абхазии. Здесь, ему было потруднее, особенно с абхазцами. Элита, практически вся, за редким исключением, было под контролем Владислава Ардзинба. Даже те, кто раньше был в обойме Эдуарда Амвросиевича, затаились: не знали, чья возьмет. Другие – вели двойную игру, но втихую. Боялись гнева народного. Поскольку Шеварднадзе с абхазами всегда было нелегко разобратся, он решил пока сделать ставку на грузинскую «пятую колону». А абхазскую креатуру оставить про запас. И вот тогда Эдуарду понадобился, как уже отмечалось, «хитрый и дерзкий» Ломинадзе: ничего, что он исправно служил Гамсахурдия. Будет стараться и ради новой грузинской власти.

В этом «белый лис» нисколько не сомневался. Ломинадзе, как всегда, не ударил лицом в грязь: хорошо справлялся с частными поручениями из Тбилиси. Организовал с помощью своего заместителя

Ламинейшвили в Сухуме партию прогрессивно – демократического союза, объединив, тем самым, разношерстную грузинскую элиту Абхазии. И, что самое важное, целенаправленно и методично создавал ударные отряды из местных грузин с целью вооруженного сопротивления «абхазскому сепаратизму». А что нужно, в первую очередь, «ударным отрядам»? Правильно: необходимо вооружение, и в достаточном количестве. Им, этим оружием, щедро снабжал он сванское население Абхазии, большей частью проживавшее в Дале и Цабале. Хитрый Ломинадзе еще до войны пообещал, ограниченной в умственном плане, сванской верхушке в лице Гасвиани, Мибчуани, Мешвелиани, что Тбилиси, при его содействии, выделит в «распоряжение» сванов весь Гулрипшский район Абхазии. За верную службу «единой и неделимой» Грузии, разумеется. Это инициатива со сванским населением понравилась Шеварднадзе: он еще раз убедился, что поступил правильно, сделав ставку на «абхазского» министра внутренних дел. И тайно поручил грузинским силовикам из Минобороны и МВД определить вместе с Гиви Ломинадзе канал по переброске оружия в Абхазию. Так, с весны 1992 года, Ломинадзе начал вооружать боевиков «пятой колонны», чтобы затем, в час икс, они нанесли смертельный удар в спину абхазам. Для иллюстрации образа одного из лидеров враждебной нам грузинской элиты, приведу сведения очевидца, проживавшего в свое время среди сванов.

Пособник войны

Ущелье, обрамленное горами. Невдалеке видны дома. День клонится к вечеру: скоро набегут сумерки, затем все покроется кромешной июньской тьмой. На небольшой поляне, окруженной со всех сторон густым лесом, в кругу бородатых мужчин – упитанный бык. Немолодой, сухощавый человек вынимает из ножен сверкнувший широким белым лезвием нож. Мгновение – и бычья голова, дернувшись, заваливается набок. Кровь хлещет из разверстой раны, собираясь красным озерком на зеленой траве.

Присутствующие на этом действе сваны глазят не столько на процедуру жертвоприношения, сколько на невысокого субъекта до-

вольно плотного телосложения, на котором, в отличие от других, темный костюм, белая рубашка, галстук строгих тонов. Взгляд его высокомерен, поза – вальяжная: он стоит, широко расставив ноги, заложив руки за спину.

Сваны знают: это Гиви Ломинадзе, друг и благодетель, в руках которого большая власть. Ему они сегодня (летом 1992 года) и приносят в жертву быка – красавца.

Тем временем старик сван, обмакнув палец в загустевшую кровь и, сказав что-то по-своему, наносит на чело шефа МВД Абхазии кроваво-красную полосу. Это – обряд единения, кульминационный момент, после чего наступает время пиршества с поеданием жертвенного мяса, запиванием сего аракой, русской водкой и грузинскими марочными коньяками.

Несколькими часами раньше жертвоприношения здесь проходило еще одно беспрецедентное событие.

...В полдень в ущелье залетают два грузинских вертолета. Покружив над поляной и получив условное «добро» с земли, они приземляются и оказываются под опекой того же Гиви Ломинадзе и его подручных. У сванов алчно загораются глаза, когда они видят в чреве вертолетов гору оружия – автоматы Калашникова, в смазке, новенькие – ровно 900 единиц.

Поднялось, разумеется, настроение и у Ломинадзе. Ему, вероятно, подумалось в тот момент: «Мы их мать заставим плакать» (имея в виду абхазов). Ведь так заверяли его тбилисские подельники, снабжавшие Ломинадзе оружием. Там, наверху, верили в способность Ломинадзе сплотить «пятую колонну», объединив разношерстные партии и движения под антиабхазской эгидой.

И министр весьма энергично раскручивал маховик войны, тайно вооружая отряды грузин к началу военных действий. В этом деле он был хитер и осторожен. Ответственные операции, особенно по переброске оружия из Грузии в Абхазию, не доверял даже ближайшим помощникам. В них он принимал личное участие.

Например, в вышеупомянутой акции – переброске крупной партии автоматов в Кодорское ущелье – Ломинадзе выждал все время, пока оружие выгружали из вертолетов, сносили в автомашину и свезли затем до объекта хранения.

Характерная деталь: при переноске из вертолетов на машину автоматы нанизывались на жердины, срубленные из росшего здесь же молодого граба. Причем на каждую жердину навешивали, пропустив через ремень, 20 – 30 автоматов, чтобы легче было вести контроль и счет. Несли каждую жердину по два человека.

Такова была техническая часть операции. Ее отлаженность – доказательство того, что поставки оружия в республику носили далеко не единичный характер. Сегодня уже ясно, что скорее всего это был своеобразный конвейер, снабжавший грузинские отряды в Абхазии на день «икс». И главным диспетчером, принимавшим и распределявшим средства войны, разумеется, был глава правопорядка в Абхазии Гиви Ломинадзе.

Кто-то, вероятно, задастся вопросом: как же так, ведь Ломинадзе работал, общался, делал деньги, наконец, не в безвоздушном пространстве, и не только среди грузин, а так же в кругу абхазов, армян, русских. Кто-то должен был бы забить тревогу?

Ответим сразу: об указанной переброске автоматов, как нам стало известно, один из патриотов доложил довольно высокопоставленному чину – абхазцу. Результата, однако, не было.

Эти зловещие факты стали известны после войны, но полагаю, что Владислав Григорьевич в общих чертах знал о роли Ломинадзе в такого рода делах. И потому, как я понимал, он давно пришел к решению освободить эту одиозную личность от должности главы МВД. Но сначала надо было убедить общество в необходимости такого шага. И главной ударной силой по его дискредитации, то есть разоблачению деструктивной деятельности министра, стала наша газета. Помню как-то, накануне освобождения Ломинадзе, в мой кабинет входит депутат Верховного Совета Александр Анкваб. Поздоровавшись, садится напротив меня. После нескольких фраз о делах, спрашивает: почему давно нет в газете материалов о Ломинадзе? Я удивился: откуда такой интерес? Он, конечно, был в неведении, что информацию предоставляет мне Ардзинба. Это потом я понял, что напрасно подозревал Анкваба в «нездоровом» любопытстве: тогда еще не знал, что он уже, видимо, намеревался идти в преемники Ломинадзе. В тот момент я, быть может, в чересчур раздраженной форме, заметил, что редакция, дескать,

не орган МВД, чтобы постоянно писать о министре. Когда надо будет, тогда и появятся публикации. После этих слов, он встал и молча вышел из кабинета.

Это потом, после войны, Ардзинба пояснил мне по случаю – каким образом он определил Анкваба в преемники Ломинадзе. Об этом Владислав Григорьевич говорил в одном из своих интервью, опубликованном в книге «Мы шли на смерть, чтобы жить».

Как снимали Ломинадзе

В конце – концов, Владислав Григорьевич приступил к подготовке сценария по освобождению главы МВД на сессии Верховного Совета. Перед тем как Ардзинба поставит вопрос об освобождении, должны были состояться выступления депутатов с критическим анализом отчетного доклада Ломинадзе о работе МВД. Здесь, слава Богу, было что сказать. И массовой критикой – создать соответствующие моменту психологические условия. Для снижения накала страстей в Республике следовало показать, особенно грузинскому населению, что милицкий «король» на поверку оказался «голым». Не было секретом, что и некоторые грузины недолюбливали Ломинадзе.

Так ставил задачу Владислав Григорьевич перед теми, кто должен был выступить на сессии по этому вопросу. И, полагаю, он разъяснил им суть дела. В начале взял слово депутат Владимир Гурджуа, председатель комиссии по законодательству, затем – депутат Ренат Карчава, помощник председателя Верховного Совета. Мы, присутствовавшие на сессии, внимательно, а вместе с тем, и с волнением выслушали выступавших. И, как нам показалось, критический анализ деятельности МВД, сделанный Гурджуа, министра особо не огорчил. Ломинадзе, безусловно, разволновался и обиделся, но присутствие духа явно не терял. В этом я убедился во время перерыва, который Ардзинба объявил не на 10-15 минут, как обычно, а на 40 минут. Но об этом позже.

Итак, во время перерыва, я подошел к урне, стоявший у входа в зал заседаний, на втором этаже, и закурил, пряча в руке не престижную, но крепкую «Приму». Повсюду сновали депутаты и приглашенные на сессию: прохаживались, разговаривали вполголоса, курили.

Осмотревшись, вижу, что метрах в 5-6 от меня, так же как и я, пристроившись к урне, затягивается фирменной сигаретой, сосредоточенный на чем-то Гиви Ломинадзе.

Замечаю в тот момент, что из зала заседаний выходит в коридор наш молодой депутат, только что критиковавший министра. Приметив возле урны Ломинадзе, он, широко улыбнувшись, с протянутой рукой, видимо, чтобы поздороваться, быстро направляется в его сторону. Я говорю про себя: парень, совершаешь большую глупость, остановись... Но не мог же я сказать этого вслух. И, когда оставалось пару шагов, Ломинадзе, резко двинувшись вперед, энергичным шагом прошел мимо депутата, «не замечая» его протянутой руки. Еще мгновение и министр, поравнявшись со мной, вдруг, совершенно неожиданно, протягивает мне свою руку. Я машинально ее пожимаю, приветствуя значит его. И только потом, когда он удалился, я начинаю осознавать весь комизм происшедшего. Столько негатива о нем в газете выдали, и ведь заслужил, ничего не придумали. И вот тебе – получается, благодарен нам за это. Непростой все-таки человек – Ломинадзе. Той критикой, что прозвучала на сессии, я окончательно убедился, его не перешибить. Она ему, выходит, что слону – дробинки.

И потому, как я понял чуть позже, Владислав объявил столь долгий перерыв: решил подготовиться к выступлению за это время. Понимал он, что ему надо самому вступать в схватку – выступить на сессии. И оно, это выступление, по большому счету, сделало свое дело. Ардзинба, убедительными фактами, железной логикой, безупречной аргументацией, даром что не юрист, продемонстрировал несостоятельность министра, как организатора борьбы с криминалом. Привел факты, связанные с его политизированностью, стремлением вовлечь силовую структуру в политические игры и межнациональные разборки. Это все соответствовало реалиям. И, по итогам голосования, Ломинадзе был снят с должности министра внутренних дел Абхазии. Речь Владислава была столь убедительной, что даже грузинские экстремисты не смогли спровоцировать население на протестные действия в защиту «обиженного» министра.

Как увещевали Ломинадзе

Но он не терял надежды. Все-таки думал, что «пятая колонна», в создании которой вложил не мало усилий, рано или поздно, поднимется в его защиту. И поэтому, по подсказке из Тбилиси, не уходил со своего поста.

Владислав Ардзинба, представляя неоднозначность ситуации, поручил Зурабу Лабахуа, вице-премьеру правительства, провести коллегию МВД и, с помощью ее членов, многие из которых были абхазы, уговорить Ломинадзе образумиться, то есть подчиниться решению Верховного Совета Абхазии. Но все прошло по иному сценарию, так, как угодно было Ломинадзе. Сам он заявил, что без соответствующего приказа министра внутренних дел Грузии, с поста не уйдет. Члены коллегии в основном поддерживали своего бывшего министра, в том числе и абхазы. Исключение составил первый замминистра Александр Аршба, который призвал Ломинадзе выполнить решение Верховного Совета. О перипетиях этого сложного периода рассказывают интересные документы – материалы расширенного заседания МВД РА, переданные мне Владиславом Ардзинба после войны. Приведу эти сведения в сокращенном варианте, без изменения стиля и орфографии оригинала.

Председатель коллегии – министр Ломинадзе Г. Н., члены коллегии: Адлейба К. М., Агрба М. К., Берулава Ю. М., Сагинадзе Б. В., Кобахия Ю. М., Гамзардия М. В., Аршба А. И., Ануашвили У. И., Начкебия Л. Ш.

Присутствовали: зам.председателя Совета Министров Абхазии Лабахуа З. А.

Приглашены: начальник ГОР(РО)ВД; начальники служб центрального аппарата(отсутствовали: Беришвили Ш. М., Авидзба А. Е.).

Зачитано распоряжение председателя Верховного Совета Абхазской ССР от 11.05.1992 года. Выступили:

Начкебия Л. Ш. – начальник УВД г.Сухум. Хочу высказать свое мнение и мнение коллектива УВД. Сотрудники крайне озабочены решением парламента в отношении Ломинадзе Г.М. и может возникнуть раскол в среде сотрудников на национальной почве в связи с отстранением его от должности министра... Прошу вопрос назначения министра согласовать с правительством Грузии...

Адлейба К. М. – начальник штаба. Я думаю, что МВД находится в подчиненном состоянии... К сегодняшней ситуации надо было подойти более трезво. Не дать возможности развалить работу милиции. Я думаю, что надо приостановить этот процесс, мы работаем не на Ломинадзе и не на Анкваб, мы работаем на закон. И надо стабилизировать ситуацию...

Библая В. С. – начальник Гальского РОВД. Коллектив Гальского РОВД крайне возмущен решением парламента об отстранении от должности министра Ломинадзе Г.Н.. Если не будет найдено компромиссное решение этого вопроса, то последствия могут быть непредсказуемыми не только среди сотрудников ВД, а в большей степени среди населения...

Гогия Р. А. – начальник Гагрского ГОВД. Вы знаете, какие акции уже были предприняты населением зоны Гагра в ответ на решение парламента об отстранении Ломинадзе Г.Н. ...Большая часть жителей грузинской национальности видит в этом ущемление своих прав...

Гамзардия М. В. – замминистра. Я не согласен с решением парламента в отношении отстранения Ломинадзе Г.Н. от должности министра ... Необходимо было согласие министра ВД Грузии, а это нарушение конституционных прав...

Ткебучава Е. А. – начальник Сухумского РОВД. Решение парламента в отношении Ломинадзе Г.Н. может привести к расколу коллектива по национальному признаку...

Адлейба Р. А. – замначальника ОУР. Я считаю, что надо назначить временно исполняющим обязанности министра 1-го замминистра ВД, пока не будет приказа министра ВД Республики Грузия...

Алания Г. Н. – начальник ЭКО. Я выражаю мнение моего коллектива, многонационального по составу, мы знаем и оцениваем нашего министра как личность, как профессионала высокого класса и, пока не будет приказа министра внутренних дел Республики Грузия, мы будем подчиняться ему...

Агрба М. К. – зам.министра. Ситуация в настоящее время сложилась очень сложная, и начальники ГОРОВД это хорошо понимают, и я прошу правительство, чтобы избежать этих расколов, надо найти компромиссное решение...

Сагинадзе Б. В. – начальник ОУР. Политический кризис, в котором находится сейчас вся страна, отражается и в этом зале ... Я считаю, что вопрос назначения министра, должен решаться и в Грузии, так как Абхазия входит в состав Грузии...

Хварцкия В. Д. – зам.начальника ГАИ МВД. Я с большим уважением отношусь к парламенту и правительству Абхазии... Министерство внутренних дел имеет свою специфику и надо решать все это законно, принимая во внимание подчинение МВД Абхазии МВД Грузии...

Анчабадзе Н. А. – начальник Очамчирского РОВД. Многие сотрудники выражают несогласие с решением парламента, который может привести к расколу коллектива по национальным признакам... Обращаясь к присутствующим здесь руководителям правительства Абхазии прошу добиться принятия законного решения, т.е. появления вслед за появлением решения парламента приказа министра ВД Республики Грузия об освобождения Ломинадзе Г. Н...

Сакания М. А. – начальник ОО. Я прошу от своего имени и имени коллектива, чтобы Верховный Совет не принимал таких решений, которые сталкивали бы народ на народ и пусть меня никто не упрекает в таком замечании Верховному Совету...

Смаль В. Д. – зам.начальника ИЦ. Я уроженец Абхазии, интернационалист по духу и считаю, что такой многонациональный коллектив как МВД, должен возглавлять такой человек, как Ломинадзе Г. Н...

Кобахия Ю. М. – зам.начальника отдела. ... Время покажет правильность принятия решений парламентом... Но нельзя просто относиться к смещению министра, надо решить его также совместно с приказом министра ВД Республики Грузия, как мы к этому привыкли, и надо сделать все, чтобы не было раскола...

Аршба А. И. – первый зам.министра. Вопрос здесь упирается не в Ломинадзе Г. Н. или Анкваб А. З., вопрос перерос о полномочиях Абхазии, может ли Абхазия назначить министров или же Грузия по-прежнему будет принимать решения о назначениях. Было принято решение парламентом (большинством голосов, и для меня первично решение парламента). Мы помним решение парламента З. Гамсахурдия и их исполняли. А сейчас идет борьба между этими полномочиями...

Вы, Гиви Николаевич, в своем вчерашнем телевизионном выступлении говорили, что в Абхазии в сложившейся ситуации, министром внутренних дел должен быть только грузин, но я не согласен с вашим мнением. Было у нас решение парламента и мы должны ему подчиниться, и если при принятии этого вопроса не присутствовала грузинская делегация, вопрос о назначении все равно был решен. Я лично не могу не подчиниться решению парламента...

Ломинадзе Г. Н. – министр. Я хочу еще раз во всеуслышание заявить, что никакого желания держаться за это кресло я не имею, но я хочу сказать, что когда меня сюда назначили министром, вопрос решался в Обкоме партии, в Совете министров Абхазской АССР, в МВД Грузии, МВД ССР. И упорное нежелание Ардзинба В.Г. меня признать министром, называя меня и.о. министра, это очередной и злонамеренный шаг, который хочет вывести меня из терпения, но я был министром внутренних дел Абхазии и остаюсь им.

Я не могу, начать свое выступление, не высказав свое мнение о выступлении Аршба А. И.; мы не можем допустить такой крен, чтобы ввергнуть в водоворот событий народ Абхазии.

Вопрос стоит не в том, что Ломинадзе Г.Н. останется в этой должности или нет, надо рассматривать этот вопрос в той плоскости, какой национальности претендент на этот пост.

Я считаю принципиальным вопрос, подать в отставку или нет, но решить его здесь я не могу. Я остаюсь министром ВД Абхазии, до издания приказа министра ВД Республики Грузия. Я оставляю за собой моральное право оставаться министром, т.к. не согласен с решением парламента.

Лабахуа З. А. – зам.председателя Совета министров. Откровенно говоря, я не собирался выступить, но некоторые выступления не дают мне возможности не высказаться. Дело в том, что мы действительно пошли не совсем по правильному пути, конечно, решение парламента надо исполнить. Мы работаем уже три дня по этому вопросу, но решение пока не нашли. Не ставлю под сомнение необходимость исполнения решения парламента, но в одном я полностью поддерживаю Ломинадзе Г.Н., что раскол в ОВД будет непоправимой бедой для всех жителей Абхазии. Я призываю проявить воинскую дисциплину и про-

шу быть выше политики, мы служим не определенному лицу, а своему народу.

Мы будем продолжать работу над решением этого вопроса. Убедительно прошу сохранять спокойствие и консолидацию и вопрос этот должен решиться мирным путем.

...Но бывший министр, поддержанный большинством членов коллегии МВД, продолжал руководить районными и городскими отделами милиции, все его распоряжения неукоснительно выполнялись. Это был, разумеется, дурной пример. Такое положение могло иметь далеко идущие рецидивы. Решению Верховного Совета, по его примеру, могли так же не подчиняться и другие ведомства и организации. Это привело бы к появлению параллельных структур власти.

Итак, распоряжение председателя Верховного Совета Абхазии о назначении министром А. Анкваб повисло в воздухе. Ломинадзе оставался на своем посту. Надо было выходить из этого тупикового состояния. Но каким образом? – такой вопрос постоянно занимал мысли главы Верховного Совета Владислава Ардзинба.

Как выдворяли Ломинадзе

Некоторые заинтересованные персоны, (как депутат Анкваб-авт.), советовали Владиславу силовой вариант выдворения Ломинадзе из МВД. Он долго сомневался: Тбилиси мог квалифицировать, отмечал позже Владислав Григорьевич, эти действия, «как столкновения на национальной почве и использовать это обстоятельство для открытого вооруженного вмешательства».

Несмотря на риск, Владислав пошел на это. Но прежде убедился, что те, кто будет проводить эту весьма ответственную операцию, люди подготовленные в профессиональном и психологическом отношении. Основные исполнители – это Владимир Анцупов и Леонид Дзапшба. Владислав Григорьевич позже вспоминал, что «При проведении операции по снятию министра внутренних дел, большую роль сыграл один из участников этой операции – Л.Дзапшба, благодаря которому Ломинадзе остался жив. Этот человек подставил свою руку под удар, предназначавшийся Ломинадзе. Удар был настолько сильным, что от него

разбились часы на руке Дзапшба, но жизнь Ломинадзе была спасена. Я не знаю, как бы развернулись события, если бы Ломинадзе вдруг погиб».

Владимир Анцупов, как известно, был именно тем, кто наносил удар министру, который не подчинился команде разоружиться и выйти из кабинета. Анцупов и Дзапшба успешно и в короткий срок справились с поставленной задачей.

Как в целом проходила вся операция свидетельствуют материалы грузинских оккупационных властей, которые завели уголовное дело «по факту захвата здания МВД 24.06.92 года абхазскими гвардейцами».

Из показаний замминистра внутренних дел оккупационных властей Гамзардия М.В.: «В тот, день 24.06.92 года в 10:00 находился в кабинете министра МВД Абхазии Г. Н. Ломинадзе. В кабинет ворвались гвардейцы, так называемой «Абхазской Гвардии», человек 7-8, вооруженных автоматическим оружием, в касках, с ними был гражданин Анцупов. В след за ними вошел Дзапшба. Приказали встать к стене и поднять руки вверх, а министру приказали сдать пистолет. Министр не подчинился, в результате чего ему был нанесен удар... Дзапшба и Анцупов координировали действия гвардейцев и они выполняли все их требования. Дзапшба несколько раз выходил из кабинета, видимо давал указания сотрудникам. В кабинет министра, кроме Дзапшба из работников МВД никто не заходил».

Из показаний секретаря министра Берия М. Д.: «24 июня 1992 года, вторник. Около 10:10 ч. мне послышался какой-то шум с улицы. Подойдя к окну, увидела целую цепочку солдат в полном обмундировании, прижавшись к стене здания, забегающих в здание МВД. Вдруг слышу внизу, в проходной шум, крики какие-то. Я решила пойти к министру Ломинадзе, у которого в то время находился замминистра Гамзардия М. В., но мне не удалось. Потому что в это время в приемную забежали: впереди всех забежал, работник уголовного розыска Леонид Дзапшба. За ним следом – Харчилава Рауль, Отырба Резо, Кортава Анатолий, Жиба Эдик. Дзапшба задержал меня и приказал отойти от двери... таким образом мне не удалось предупредить Ломинадзе. В это время забежали солдаты, их было 4 или 5, точно не помню... Дзапшба открыл первую дверь в кабинет к министру и

крикнул солдатам: «Быстро, быстро». Солдаты забежали в кабинет к министру... Буквально через минуту – две ворвались еще двое, среди них был Анцупов (я его хорошо знаю по городу)... Через минут 10-15 пришли Какалия, а затем Анкваб и Багапш. Я и Мая остались в приемной. Дзапшба не разрешал брать трубку телефона, отвечать на звонки. Хочу при этом дополнить, что когда первые вбежали сотрудники, у Дзапшба в руках был пистолет. Я это видела и запомнила. Было ли оружие у других, я не заметила. Между собой они говорили на абхазском языке. Затем Дзапшба ушел куда-то и принес автомат и отдал его Кортава (дается без правки – **авт.**)

Аналогичные показания дали и ряд других сотрудников МВД грузинской национальности, оказавшиеся свидетелями выдворения Ломинадзе из кабинета министра внутренних дел Абхазии.

Высокопоставленный рэкети́р или технология грабежа по Ломинадзе

...Шла война. Для абхазов – Отечественная, а для грузин – захватническая. Ломинадзе – глава оккупационного правительства в Сухуме. В основном занимается бизнесом на войне, не гнушается рэкето́м, в частности, грабит, используя подчиненные ему исполнительные структуры, богатых жителей оккупированной столицы Абхазии, пытающихся выехать из города.

...Весьма доходную нишу определил себе «премьер» Ломинадзе, установив непосредственный контроль за выдачей выездных виз евреям и грекам, вынужденным под угрозами и нажимом оккупантов тысячами выезжать из Абхазии.

Не обделял себя и ненавистник армян Ломинейшвили, который только одним махом отправил «своим» в Тбилиси четыре вертолета, полные товаров крупного армянского бизнесмена (из семьи Цатурянов – **авт.**).

Не дремал Китовани, сын которого, зафрахтовав самолет, весь декабрь 1992 года ежедневно вывозил в Тбилиси награбленное, что даже вызвало конфликтную ситуацию с менее удачливыми хищниками.

Чиновники помельче, исполнявшие роль прислужников, – Саакян, Маршания, Эшба, Какубава, Габескирия, Каденец и прочие тоже тащили – все, что плохо лежало, и то, за что они вроде бы отвечали. Брали, как гоголевские персонажи, натурой: кто мешками с мукой, сахаром, крупой (гуманитаркой), кто – награбленное у абхазов, армян, русских.

Ломинадзе, разумеется, на подобные «мелочи» не разменивался. Как бывший милицкий профессионал, знаток своего дела, он нюхом чувствовал запах больших денег – валюты. Если обоняние ослабевало – рядом был верный Гамзардия, который всегда мог дать дельный совет, как заполучить баснословно много и без особого риска. Легче всего они это делали на евреях и греках, которым для выезда полагалось оформить немалый перечень документов, чтобы получить заветную визу. А это, как отмечалось, было в руках Ломинадзе.

Лакомый все-таки, верно, был этот кусок, коли «премьер», пребывая в нескольких километрах от фронта, который, кстати, решал судьбу оккупантов – быть или не быть им в Абхазии, занимался (лично) выдачей тому или иному выездной визы.

Понятное дело, для человека со склонностями к обогащению занятие это было весьма привлекательным. Представим себе: только три «Боинга», присланных Израилем, увезли 700 евреев (всего их в Абхазии было 1.500 человек), не самых бедных, естественно, в нашем краю людей. А сколько тысяч греков вынуждены были уехать в Грецию, сколько тех и других отправилось в Россию, в страны ближнего и дальнего зарубежья! Врачи, юристы, музыканты, коммерсанты. За последними шла настоящая охота. Кстати, что касается армян, русских, абхазов и других, то обирать их милостиво разрешили Джамалу Рапава, начальнику миграционного отдела при оккупационной «городской голове» Габескирия.

По меньшей мере 50 процентов состояния еврея или грека, получившего визу на выезд, оставались тому, кто контролировал выдачу документов, то есть «премьеру» Ломинадзе. При таком раскладе считалось, что жертве еще повезло, поскольку немало оказывалось тех, кого грабили подчистую, причем доводили до этого различными приемами: запугиванием, шантажом, волокитой. Для этого у «премьера» были на-

готовые профи: чиновники, знавшие толк в мздоимстве, и просто громилы из подконтрольных формирований. Последние предназначались для особо упрямых граждан, не спешивших добровольно расстаться с нажитым добром.

Наглость – неотъемлемый «атрибут» натуры Ломинадзе. Сказано это к тому, что, несмотря на все содеянное им, он, как известно, напрашивался после войны послом в Израиль. Однако влиятельные евреи предупредили оттуда, что для них он – персона нон грата.

Эпилог

...Гиви Ломинадзе, при всей своей «занятости», все же не забывал о нанесенных ему обидах. Не говоря уж о физическом оскорблении. Во время войны зорко и систематически следил за главными «обидчиками». У него везде были свои люди: грузины, армяне, абхазы, все те, кто раньше каким-то образом соприкасались с ним, с кем он имел общие дела, те, которые работали у него в подчинении, или же были его агентурой. Таковые пребывали и в Ткуарчале, и в Гудауте. Один «обидчик», причем из «своих» ментов, что особенно непростительно, оказался тогда в охране Ардзинба. Достать его было сложно. Другой, как сообщала агентура, воевал на Восточном фронте. Значит, за ним надо усилить слежку, полагал Ломинадзе, а при малейшей возможности – ликвидировать. Так что, как я думаю, за Анцуповым следили, причем на постоянной основе. Видели, выходит, как он садился в тот злополучный вертолет. И дали знать Ломинадзе. Тот, разумеется, осведомленный о маршруте, приказал своим давним сванским поделникам любой ценой сбить вертолет МИ-8. Оружие, так называемые «стрелы» «земля-воздух» сваны получили от Ломинадзе заранее и в достаточном количестве. Таким образом он погубил не только своего «обидчика» Анцупова, но и десятки женщин и детей, всех, кто был в тот трагический декабрьский день в том вертолете.

Я, в свое время, поделился своей версией с Владиславом Григорьевичем. Он вначале не принял мои слова всерьез. Но позже, в связи с публикациями в грузинских СМИ, в которых журналисты припомнили Ломинадзе, как он разжигал войну в Абхазии, Владислав при встрече сказал:

– Твоя версия о Ломинадзе, о которой ты мне как-то говорил, не должна скидываться со счетов. Этот человек, будучи долгое время главой МВД, везде имел агентуру. Знал, безусловно, основные наши авиа-маршруты. На точках были его люди.

Я ведь тоже так размышлял: сваны – это исполнители. А вот заказчик, не исключено, что тот самый Ломинадзе. Все это надо тщательно проверить. Не исключено также, что зарубежные спецслужбы, в том числе и Израильская, могут иметь информацию об этом. Возможно, Ломинадзе не пустили в тот же Израиль, куда его хотел направить Шеварднадзе, и по этому поводу, а не только в связи с грабежом евреев.

Но делается ли что-нибудь в плане расследования Латской трагедии, я не знаю. А надо бы. Хотя бы для того, чтобы и заказчик, и исполнители обязательно помнили, что пепел сгоревших над Латой, стучит в сердца абхазов, что рано или поздно, возмездие придет и к ним. Как, скажем, это свершает Израильское государство.

В. Ардзинба на заседании Верховного Совета СССР

*В. Ардзинба и народные депутаты СССР
Б. Шинкуба, А. Гозуа, Р. Ариба*

*На похоронах видного ученого и правозащитника
А. Д. Сахарова*

*Председатель Верховного Совета Абхазии В. Ардзинба и его
заместители С. Лакоба и А. Тополян*

Совещание в АБНИИ

В Парламенте Турецкой Республики

Во время посещения мавзолея Ататюрка

По дороге на работу

ГЛАВА 2. ВОЙНА. ИСПЫТАНИЕ СУДЬБЫ

ВТОРЖЕНИЕ

В Сухуме думали о мире

Абхазам в начале 90-х, как воздух, был нужен мир, но никак не война. Такое мнение царило в обществе, за исключением грузинской общины, элита которой вела закулисные переговоры с метрополией, требуя экстренного вмешательства Тбилиси в абхазские дела.

... Незадолго до войны я зашел в Верховный Совет к Ардзинба поговорить о редакционных проблемах. Неожиданно для меня, уклонившись от темы, он спросил:

– Как ты думаешь, пойдет на конфликт с Абхазией Шеварднадзе, учитывая новые реалии, и то, что он сегодня играет роль миротворца и демократа?

Вопрос, хоть и несложный, на первый взгляд, а поди ответь однозначно, к тому же главе республики. Я, конечно, опешил от неожиданности и призадумался. В то время в обществе много говорили на эту тему. Спектр мнений был весьма разнообразен. Но четкого вывода не получалось: и «ястреб» он, и «голубь мира», а вот чего больше в нем – то загадкой оказалось.

Владислав, задавая вопрос, видимо, полагал, что, проработав долгое время в партийных органах, я имел возможность слушать речи коммунистического лидера Грузии, кое-что знать, хотя бы по рассказам партийцев, о его характере и повадках.

Конечно, многое я слышал о Шеварднадзе, слушал его речи на партийных съездах, и на пленумах, читал его доклады в газетах. Но этого было мало. К тому же, как я уже тогда догадывался, этот человек невероятно изворотливо приспособливался к переменчивой обстановке. Выходил сухим из любой партийной передраги в верхних эшелонах власти. И сведущие люди инстинктивно понимали, что с выводами о Шеварднадзе спешить не стоит – легко можно ошибиться.

Эти мысли калейдоскопом промелькнули в голове, а я все еще не знал, что ответить. Лаконичным «да, будет воевать» или «нет, не будет» – здесь не отделаешься, и уверенности в том нет никакой.

– У него, у Шеварднадзе, большой кредит доверия, причем как в руководстве ведущих стран, так и в кругах Российской власти, – осторожно ответил я. – Надеясь, тем самым, что именно эти обстоятельства могут позволить ему развязать руки по отношению к Абхазии.

– Эти факторы, безусловно, важны, – заметив мое затруднение, согласился Ардзинба. – Полагаю все же, что его постоянно гложет жажда умирения Абхазии. Еще с того момента, когда он трусливо бежал от гнева абхазов, митинговавших на Сухумской площади в 1978 году против принятия прогрузинской Конституции автономной республики. Обида у него и от того, что бегство происходило на глазах высокого московского начальства-секретаря ЦК КПСС Капитонова и других высокопоставленных лиц. Этого, люди типа Шеварднадзе, никогда не прощают. То, о чем ты сказал, о поддержке Запада, России – это, конечно, существенно. Есть и другие факторы, в том числе – наша малочисленность.

Я сидел и молча слушал его рассуждения. Он, заметив, что у меня нет желания вступать в диалог, продолжил:

– А теперь, что касается образа миротворца или миролюбца, как хочешь назови это. – Демократу Шеварднадзе, думаю, на Западе готовы простить все прегрешения. Услужил он здорово Западу. Немцы уважают его за вклад в разрушение Берлинской стены, объединение Германии, поспешный вывод из страны советских войск. Американцы – за ту лепту, что он внес в развал «империи зла», за авторство над рядом международных договоров, выгодных, разумеется, тому же Западу, но ущербных для России. Да много еще за что ценят.

Соглашаясь внутренне с его выводами, я думал: «Не мне он это говорит, скорее себе. – В чем-то он, видимо, сомневается. Не уверен, конечно, в миролюбии и нынешнего руководителя Грузии. Да и кто может сказать уверенно на что решится завтра грузинская верхушка: обрушится на Абхазию или будет договариваться с ней на мирной основе?».

– И все же самый главный фактор, уже давно провоцирующий грузин – это наша малочисленность, – тихо, будто говоря сам с собой, опять повторил эту мысль Ардзинба. – Кавказская война и трагедия махаджирства – истоки последующих несчастий абхазов. Опасность в том, что грузины, чудом избежавшие исчезновения с карты мира под ударами турок и персов, набравшие затем силу под крылом Российской империи и бывшего Советского Союза, не исключено, могут попытаться, как в 1918 году, подавить абхазов. Этого надо опасаться еще потому, что нынешним лидерам Грузии, лично Шеварднадзе, чтобы укрепиться внутри, во власти, необходим внешний враг. А абхазы, по их меркам, тот небольшой незащищенный народ, которому вполне в пору сыграть подобную роль. Уповают они, конечно, на свое многократное численное превосходство над абхазами. В этом отношении их цинизм беспредель.

Здесь Владислав внезапно прекратил монолог и пристально посмотрел на меня. Заметив мое помрачневшее лицо, что не удивительно после столь неблагоприятного для нас анализа ситуаций, он улыбнулся и сказал:

– Знаешь, это только с точки зрения сиюминутной ситуации обстоятельства складываются не в нашу пользу. Если же поразмыслить шире и вникнуть глубже, то есть, рассмотреть проблему в стратегическом ракурсе, мы можем отметить немало плюсов и в нашу, так сказать, пользу.

«Как же так, – подивился я неожиданному экспромту. – Только что я почти был убежден, что дело наше – дрянь, а теперь, оказывается, и у нас есть преимущества. Уж не хочет ли он убедить меня в то самое, во что сам верит», – подумал я. – Ардзинба, тем временем, продолжил свою мысль:

– Народ абхазский, как считают грузины, и вправду небольшой, – но обольщаться этим не стоит. Дорого им это может обойтись, – с нажимом проговорил Владислав эту фразу. – А мы, абхазы, знаем, что народ наш перед опасностью всегда един и сплочен. Ныне в своих помыслах он твердо настроен избавиться от грузинской опеки, по существу колониальной. А это, согласись, не что иное, как борьба за свободу, за свою Отчизну. Подавить такой народ, уверен, не смогут и грузины или еще кто другой.

Увидев, что внимаю ему заинтересованно, и бывшего пессимизма уже нет, Владислав Григорьевич, с проступившим румянцем на лице, обратился ко мне:

– А они, наверное, подзабыли, что у нас есть союзники, наши братья на Северном Кавказе, наша диаспора. Запомни – это большая сила и верная. Исторически, и кровью скрепленное братство. Да и Россия в целом не предаст, не оставит в беде. Есть и в ее высших кругах силы, которые обязательно помогут в случае чего. О русском народе – и говорить нечего! Он всегда за справедливость, это у него в крови.

Завершил Ардзинба свои монологи следующим пассажем:

– Реальные политики, безусловно, должны считаться с вышеперечисленными факторами, не говоря уже о гуманизме и высоких общечеловеческих ценностях. К тому же, в грузинском случае, надо бы им учитывать как перечисленное, так и то, что тбилисских политиков, не секрет, искусно подталкивают к конфликту с Абхазией различные центры силы, как в Российских верхах, так и на Западе. Можно ли этого не видеть? – И сам себе же ответил: – Видимо, выпестованная грузинскими идеологами ненависть, неумное неприятие абхазов, их государственности, застилает им, грузинским политикам, глаза. А это – катастрофа. В таком, не дай Бог, случае, от ненависти до войны – не большое расстояние, – так резюмировал тогда Владислав.

Гроздь войны зрели В Тбилиси

Известны многие факторы, способствовавшие агрессии Грузии против Абхазии. Но, думается, есть в этом аспекте и «белые» пятна. К примеру, Дагомысская встреча Ельцина и Шеварднадзе. Некоторые аналитики считали эту встречу одним из факторов, ускорившей начало грузинской агрессии. Но вряд ли кто точно определит: это миф или реальность? Об этом я спросил Владислава Ардзинба в конце 90-ых годов прошлого века, пытаясь узнать, что он думает по этому поводу.

– Предполагать можно разное, – ответил тогда Владислав Григорьевич, – поскольку официальных протокольных записей обсуждения абхазской проблемы не существует. Официально, как известно, обсуждалось положение в Южной Осетии. Российское руководство

фактически ультимативно потребовало от Грузии прекращения военных действий. Тбилиси, думаю, согласился на это с большой неохотой, и, возможно, выторговал себе компенсацию. Например, в виде согласия руководства России, на словах, разумеется, в наведении в Абхазии конституционного порядка, завуалированного под передислокацию грузинских войск якобы для охраны железной дороги. Дальнейшие события показали, что для подобного вывода есть основания.

– Кстати, по этому поводу, вспоминается такой факт, – после недолгого раздумья, продолжил Ардзинба. – Во время моей встречи тет – а – тет (один на один – **авт.**) с Шеварднадзе в 1997 году в Тбилиси мы затронули тему начало войны. Я напомнил ему, что в Абхазии готовы были начать диалог о воссоздании договорных отношений с Грузией, а в ответ получили войну. После этих слов, я видел, Шеварднадзе, встрепенувшись, и растерянно улыбаясь, отвечал: «Владислав Григорьевич, от меня тогда мало что зависело, конфликт уже был предрешен, и не только в Тбилиси». – Такой неожиданный поворот меня заинтересовал. Сделав вид, что поверил Шеварднадзе, спрашиваю: может дело в Дагомысской встрече? – Он, согласно кивнув в ответ, заметил: «Да, там были не против наведения порядка в Абхазии, в частности, на железной дороге». – Затем он, видимо, пытаясь выглядеть миролюбом, поведал некоторые другие «секреты». А именно то, что все решения Госсовета по Абхазии принимались коллегиально. И в то время, дескать, его слово не всегда имело решающее значение. И еще один интересный факт, о котором я уже знал, но Шеварднадзе фактически подтвердил это самолично в косвенной форме. На мой вопрос о роли штаба Закавказской группы войск (бывшее ЗАКВО – **авт.**) в разработке плана военной операции, он, усмехнувшись, язвительно сказал: «Не Китовани же его составлял».

– Остроумно, не правда ли? – заметил по этому поводу Ардзинба. И затем добавил:

– Кстати, помню со слов Шеварднадзе, что львиную долю ответственности за войну, которую он упорно называл передислокаций военных, вменил военному министру Китовани и премьеру правительства Сигуа. Они, мол, мне покоя не давали, требуя принять экстренные меры по Абхазии. Даже цитировал их некоторые высказывания на за-

седаниях Госсовета по этому поводу. Впрочем, я понимал, что ныне, после поражения, Шеварднадзе очень хотелось выглядеть политиком, оказавшимся под давлением реалий и обстоятельств того периода. Но, разумеется, это было не так. Мы же помним его речи и заявления по Абхазии. На одном из заседаний Госсовета, после принятия нами Конституции 1925 года, в которой Абхазия провозглашалась суверенной республикой, он заявил, что в Абхазии может случиться такое... То сть пригрозил нам войной. А война законов летом 1992года? Все это, естественно, вкупе с другими факторами, не исключение и Дагомыская встреча, приближали нас к трагической для Абхазии дате – 14 августа. Впрочем, о том периоде немало уже написано, и грузинами тоже. Есть разные взгляды и версии. Любопытные факты, замечу, приводит в своих воспоминаниях очень осведомленный деятель, как по государственной части, так и по криминальной, Джаба Иоселиани, бывший заместитель председателя Госсовета. Колоритная фигура и знаток грузинской политической кухни, и не только. Но истина о войне, без предположений и версий, раскроется не скоро. Для этого нужно время. Оно и расставит все точки над «і».

Тень войны над Абхазией

Поздно вечером, 24 июня 1992года, прибыв из Сочи в Тбилиси, Шеварднадзе первым делом позвонил по «ВЧ» – связи руководителю аппарата Госсовета.

– Распорядитесь от моего имени собрать членов Президиума Госсовета на завтра в 10 часов. Я подробно ознакомлю их о результатах моей встречи в Сочи. Вам же, предварительно, сообщу: наши предложения, что даже превзошло мои ожидания, приняты без всяких оговорок. Вот так обстоят дела! – не удержался Шеварднадзе от распиравшей его радости. Но затем, уже в спокойном тоне, продолжил:

– Прошу вас помнить, что это конфиденциальная информация. Членам Президиума сообщу об этом самостоятельно. До свидания!

Таким образом, глава Госсовета Грузии, после встречи в Дагомысе с президентом России, задумал укрепить веру своих единомышленников в успех операции по усмирению Абхазии по мегрельскому «сце-

нарию». Этот план, позже получивший кодовое наименование «Меч», разрабатывался задолго до встречи Ельцина с грузинским лидером.

Благожелательная беседа по «абхазской проблеме», понятное дело, ободрило Шеварднадзе. Не исключено, что до встречи с ним он еще колебался: обострять или нет «абхазский вопрос». Он ведь помнил, что не единожды, еще в бытность его партийным лидером Грузии, обжигался на нем.

Масла в огонь его решимости подлили события, связанные с выдворением Ломинадзе из служебного кабинета МВД Абхазии. Это случилось утром, 24 июня, а вечером, во время randevu двух глав государств, Шеварднадзе не преминул, разумеется, пожаловаться своему собеседнику на действия «неразумных» абхазов. Сочувствие Ельцина, думается, было получено, что также сыграло на руку грузинскому лидеру.

Все же и после Дагомыса, уже имея в активе вроде бы согласие Ельцина на ввод войск, в голове крутилось: «Черт бы побрал этих абхазов, не понять мне этот народ, в любую яму с ним можно угодить. А если, скажем, не все пройдет гладко с этой самой передислокацией? Тогда мало не покажется, лично придется отвечать. Но как быть? Если промедлить, выждать, очень скоро можем потерять нашу лучшую землю – Абхазети». – Такие мысли, нет-нет, и приходили на ум Шеварднадзе, хотя он их упорно гнал от себя.

Прознал Эдуард Амвросиевич и про то, что сомнения по поводу «блиц- крига» – плана силового покорения абхазов – испытывали так же некоторые его соратники.

За несколько дней до агрессии, под крышей правительственной резиденции «Крцаниси», в обстановке строгой секретности, он собрал президиум Госсовета. Так называемый «ближний круг». Готовя эту встречу, Шеварднадзе размышлял: «Пусть они, сподвижники, еще раз, окончательно и без уверток, выскажут свое одобрение и поддержку плану ввода войск в Абхазию. Причем, все надо будет записать на бумаге, протокольно оформить. Чтоб потом, в случае чего, не дай Бог, не отпирались от своих слов».

Хитер был «белый лис»: придумал таки как повязать соратников – кровью. Если не все пройдет гладко, тогда отвечать скопом, а не ему одному.

... Первым слово взял, как и положено, самый «крутой» из грузинской верхушки – Джаба Иоселиани.

– Господа, ввести войска, несмотря на мои некоторые сомнения, нам придется, но заверяю вас, что абхазы – крепкий орешек, – так, к удивлению всех, начал он свой монолог. – Усмирение их не станет для нас простой прогулкой. Имейте в виду – это вам не мегрелы и драться они будут до конца, – завершил Иоселиани краткую и энергичную речь. – При этом, говоря о мегрелах, вождь «всадников» почему – то упорно смотрел на премьера Сигуа.

После выступления Джабы, наступила тишина. Взгляды ошарашенных членов Госсовета были обращены в сторону восседавшего на председательском месте Шеварднадзе. Каждый из них, наверное, думал, что, мол, он скажет по поводу не совсем понятной реплики все-сильного Иоселиани.

– Батоно Джаба, мне импонирует ваша осмотрительность. Тем более, когда это качество сочетается с такими достоинствами, как храбрость и политическая расчетливость, коими вы, как известно, обладаете с лихвой, – откровенно лъстиво попытался Шеварднадзе сгладить сомнения своего заместителя. – И все же, я хотел еще раз напомнить, что лучшей ситуации для пресечения абхазского сепаратизма за последние десятилетия нам еще не представлялось.

– Да, правильно, я согласен, абхазы обнаглели до предела, – вспылil, прервав тираду Шеварднадзе, министр обороны и член Президиума Госсовета Китовани. – Пора их, этих апсуйцев, поставить на место. Или, наконец, выселить всех несогласных из Грузии. Для этого у нас имеется политическая воля, есть силы и средства. Раздавим мы этот «абхазский орешек», – таким грубым солдафонским выпадом Китовани, как бы в пику Иоселиани, оказывал явную поддержку главе Госсовета.

Шеварднадзе, однако, не обратил внимание на реверанс Китовани. Он не хотел откровенного противостояния все-сильных министров накануне окончательного принятия судьбоносного решения. И потому повел речь таким образом.

– Батоно Тенгиз, батоно Джаба, ваши оценки для меня и для всех членов Госсовета, очень важны. – Они, безусловно, имеют под собой ре-

альную основу, – стараясь примирить двух военных вождей, продолжал мягко стелить Шеварднадзе. – Вы правы в том, что необходимы и осмотрительность и учет всех деталей. И время упустить нельзя. Уважаемые коллеги, я информировал вас, членов Президиума Госсовета, о встрече в Дагомысе, так что вы знаете о чем мы там договорились с Борисом Николаевичем. Отсчет времени пошел с того момента, то есть с 24 июня, а уже август. Скажу вам, на этот раз еще более откровенно, что лидер России уважает Грузию, с пониманием относится к нашим проблемам. Вот и Тенгиз Калистратович, наш министр обороны, участвовавший в Дагомысской встрече, свидетель того. Поэтому у нас есть «карт-бланш» на неделю. Это крайний срок. И это, так сказать, политические рамки. Военная часть операции должна завершиться в течении ночи и следующего дня, согласно плана военных, нами уже одобренного...

– У нас все расписано, все учтено до мелочей, – снова вклинился в речь председателя Госсовета неумный Китовани. – Здесь я вижу «узкий круг» и потому скажу откровенно: нам помогают и на самом Российском верху, и здесь тоже помогли составить план военной операции опытные наши друзья из ЗАКВО (Закавказский военный округ – **авт.**) Я вам назову одно только имя – это зам.командующего округом генерал-лейтенант Беппаев. Под его непосредственным руководством готовился этот план. (Операция под кодовым названием – «Меч» – **авт.**) Я вам гарантирую, что все предусмотрено. Ночью, одним железнодорожным составом в течение 7-8 часов займем всю Абхазию, от Ингури до Псоу. В каждом районе, начиная от Очамчиры, отцепим платформы с вооружением и техникой, живой силой. А наутро абхазы и шевельнуться не посмеют, поймут, что сопротивление бесполезно, да и чревато. А дальше – уже дело политиков. Мы, военные, в это дело не лезем. Есть кому разбираться. Одно хочу сказать: терпеть Ардзинба больше нельзя, он представляет большую опасность для единства Грузии, – со злобой в голосе произносит последнюю фразу министр обороны.

В зале нависла тишина: все осмысливают речь предыдущего оратора. Держит паузу и Шеварднадзе, дважды прерванный грубияном Китовани. Взгляд его блуждает по залу, переходя от одного члена Президиума Госсовета к другому. И последний, в кого он уперся – это премьер Сигуа.

Тот не заставляет долго ждать. Встав с места, и, обращаясь ко всем присутствующим, говорит:

– Мы все, согласитесь, вместе приняли известное решение, – в спокойно – академическом тоне начал он свою речь. – На этой основе выработан, что членам Госсовета доподлинно известно, план военной операции. В этом, как мы слышали, участвовали высококвалифицированные специалисты из штаба ЗАКВО. Думаю, военные, в том числе и наши друзья, постарались, учли, как нам пояснил батано Китовани, все детали. А собрались мы, я полагаю, чтобы в последний раз, накануне начала операции, сверить еще раз наши мнения. Я вижу, что, несмотря на отдельные нюансы, все мы едины в главном: «абхазский вопрос» должен быть решен и снят с повестки дня. Мы не имеем права оставлять эту сложную проблему следующим поколениям. У них, возможно, не будет сегодняшних условий. А они, повторюсь, у нас есть, и очень даже благоприятные. Об этом, если позволите, батано Эдуард, я хотел бы вкратце высказаться, – обратился в сторону Шеварднадзе оратор. Тот, в свою очередь, кивнув головой в знак согласия, откинулся в председательском кресле, явно показывая свою готовность выслушать премьера с соответствующим его рангу вниманием.

– Господа, – продолжил Сигуа, – я никогда, заверяю вас, никому не льстил, никого не собираюсь и ныне возвеличивать. Но давайте вместе отдадим должное человеку, который своими заслугами, как в нашей Грузии, так и в бывшем Союзе, и на мировой арене, накопил очень высокий авторитет. Ведь Грузия, согласитесь, не великая страна, значение ее – не регионального даже уровня, просто небольшая республика. А уже признана ООН, вхожа в Совет Европы, нами постоянно интересуются крупнейшие страны, влиятельные мировые структуры, НАТО в том числе. Этот успех, надеюсь все это понимают, сопряжен безусловно с именем батано Эдуарда. Не будем скрывать, – повысив голос и глядя в сторону Иоселиани, заметил он, – причину уступчивости Российского руководителя в Дагомысе. Несомненно, это заслуга батано Эдуарда, имеющего авторитет политического тяжеловеса в рамках всего мира. В таком аспекте не может быть сомнений, во всяком случае я твердо уверен в нашем успехе, – так, на мажорной ноте, премьер завершил свою речь.

Больше на том совещании никто слова не взял. Стало очевидным, что «за» влиятельных членов Госсовета на ввод войск, т.е. на агрессию, против Абхазии получено и зафиксировано. Закрывая совещание, Шеварднадзе дал указание Китовани и Иоселиани лично выехать в войсковые части, которые готовились грузиться на железнодорожные платформы и в вагоны в Зугдидском районе, подальше от людских глаз. Поэтому, выдвинутая по указанию Ардзинба, армейская разведка не заметила скоплений техники, вооружений и живой силы, рассредоточенных по селам и деревням. А сила эта, подготовленная к броску на Абхазию, была не малой – около двух тысяч солдат и офицеров, 100 единиц бронетехники, десятки стволов артиллерии и минометов. В Копитнари, Сенаки, Поты и Батуми готовились военные самолеты и вертолеты, морские катера и баржи с десантом. Таким образом, ужасающая тень нежданной войны нависла над мирными городами и селами Аpsны. Приближался зловещий час «икс», намеченный грузинскими стратегами и их покровителями.

«Слово» Шеварднадзе

Менее чем за сутки до агрессии, 13 августа, около 10 часов утра помощник Шеварднадзе, подняв внутренний телефон, сказал:

– Эдуард Амвросиевич, звонит Ардзинба, спрашивает вас.

С минуту, наверное, Шеварднадзе размышлял: «Может не брать трубку, нет, мол, меня на месте». Но затем, видимо, упрекнув себя в малодушии, или, быть может, любопытство взяло верх, приказал помощнику:

– Давай, переключай, буду говорить.

– Доброе утро, Эдуард Амвросиевич, – отозвался в трубке громкий голос Ардзинба.

– Здравствуйте, Владислав Григорьевич, – едва успел ответить Шеварднадзе, как снова Ардзинба: – Беспокою вас с утра, поскольку тревожные обстоятельства заставляют.

– И что это за обстоятельство такое, Владислав Григорьевич, – вкрадчиво и мягко спрашивает Шеварднадзе, пытаясь скрыть тревогу: «А вдруг абхазы прознали об операции вторжения?»

– Там, на левобережье Ингура, в Зугдидском районе, как мне сообщали, появились группы людей в военной форме, – говорит Ардзинба. – Надеюсь, Эдуард Амвросиевич, что вы дадите разъяснения по этому поводу, – требовательно произносит глава Абхазии.

– Люди в военной форме? – переспрашивает Шеварднадзе, явно пытаясь выиграть время для ответа. – И сам отвечает:

– Да это же, Владислав Григорьевич, служащие МВД и внутренних войск. Мы направили их против бандитов, захвативших наших членов правительства. И зачем это вам подробно объясняю? Вы все прекрасно знаете. Мы обсуждали с вами эту тему, разве не так?

– Не много ли их, этих служащих МВД, для цели усмирения бандитов – доносится из трубки голос, – у нас есть информация, что войска направлены также в Мегрелию. – Нет ли у них приказа перейти Ингур и войти в Абхазию?

– Это исключено, я твердо уверяю и обещаю, Владислав Григорьевич, – торопливой скороговоркой отвечает Шеварднадзе – это всего лишь милицейская операция, проведем ее аккуратно. Если же будет необходимость ее продолжения на территории Абхазии, в Гали, мы вам, обещаю лично, обязательно сообщим и договоримся. К вам приедет скоро Китовани, чтобы обговорить вопросы охраны железной дороги. Так что можете быть спокойны, передавайте привет вашим коллегам, я как-нибудь выберусь к вам, там поговорим. До свидания, Владислав Григорьевич.

– До свидания, Эдуард Амвросиевич, – ответил, в свою очередь Ардзинба.

... Уже после войны, помнится, Владислав, касаясь того разговора с Шеварднадзе, в беседе со мной, отметил:

– Я ему, конечно, не поверил, видел, или, вернее слышал с его слов, как он пытался юлить, приуменьшить значение того, о чем я тогда говорил. – И затем, после некоторого раздумья, добавил: – Если бы поверил ему, разве послал армейскую разведку к Ингуру, но они, грузины, на тот момент оказались хитрее. Спрятались по селам и деревням, замаскировались, так сказать. Вот мы и проворонили, образно говоря, начало войны.

А дальше было то, о чем мы все знаем. Добавлю к этому, что мы все же думали, что большая война минует нас. Да, считали, что конфликт с Грузией вполне возможен, но пределы его большинство из нас определяло рамками приграничного района. На большее, мол, Шеварднадзе не решится. Быть может, сам то и не отважился, но союзники, как свои, так и внешние, придали ему уверенности, что самый верный способ решения «абхазской проблемы» – это силовой путь, путь агрессии.

Мост преткновения – по воле Всевышнего

В утро 14 августа Грузия сделала роковой шаг – вероломно вторглась в пределы Абхазии. И Всевышний за то предопределил единственно верное, что случилось позже, судьбу двух народов: быть им, рассудил он, отныне на карте мира порознь, жить свободно, независимо друг от друга. Вначале, однако, ситуация для абхазов казалась предрешена, но Бог, опять, как водится, милостив был к нам. Не знаком ли того стал рухнувший железнодорожный мост? За одни сутки, как задумали грузинские стратегии и их союзники, Абхазию уже было не взять.

Во всех послевоенных источниках авторство взрыва моста, без веских на то оснований, приписывают звиядистам, обиженным, дескать, на узурпатора Шеварднадзе.

Но здесь приведу иную версию, несколько скорректированную, из источников, заслуживающих доверия.

... Подполковник Семенов (фамилия изменена) в ту ночь глаз не сомкнул. Он знал, что эшелоны с техникой и живой силой должны пойти через мост в полночь. Акция по взрыву моста была назначена за 15 минут до того, чтобы оттянуть время разгрузки, то время, которое затем будет дороже золота.

Подполковник непрерывно курил, пошла в расход третья пачка сигарет – крепких и без фильтра. К тому он привык с Афгана, с молодых лет. Он то и дело посматривал на часы: стрелки командирских, поблескивавших в полумраке кабинета, ползли мучительно медленно.

«Вдруг струсили, не решились пойти на объект, все-таки люди гражданские, не обученные нашему ремеслу, да и времени не было их натаскивать», – такие мысли свербили голову.

Он встал из-за стола, достал из пачки очередную сигарету и, щелкнув старой, еще с Афгана, патроном-зажигалкой, затянулся. Огонек той зажигалки почти всегда вызывал в памяти эпизоды из афганского бытия. Вот и на этот раз столь выразительно и четко, словно это было вчера, пред ним явились знакомые очертания гор, ущелий, узеньких тропинок над глубокими пропастями, хищно притягивающими невзначай обращенный в их глубину взгляд. «Дорогой жизни» прозвали эти тропы душманы. По ним шло их снабжение оружием, боеприпасами, едой. Здесь они, молодые советские лейтенанты и солдаты, обученные минному делу, создавали непроходимый рубеж для врага. Так они спасали жизни наших парней, выполнявших интернациональный долг в дружественной стране. Среди них – молоденький, смуглый южанин, лейтенант Карба, а также среднего роста, коренастый, с русыми волосами, такой же молодой лейтенант Семенов. Смелые были офицеры и специалисты классные. Уже более двух лет они служили вместе, в одном подразделении, подружились, проверенные опасностями военного времени. Вместе ели, пили, вели долгими тревожными ночами разговоры о гражданке, о том, как в гости к друг другу будут ездить семьями. Один – в солнечную Абхазию, другой – на Волгу – матушку. Не сбылось. Говорят же, что сапер ошибается однажды. Вот и ошибся молодой сапер, восемнадцатилетний парнишка, зацепил неудачно взрыватель. За мгновение до взрыва лейтенант Карба, находившийся рядом, закрыл телом мину, спасая своего молодого бойца.

Подполковник, крепко затянувшись, потушил сигарету о край пепельницы, доверху наполненной окурками.

«Не дай, Бог, попадутся люди Фомина, могут расколоться, героического в них, надо сказать, кот наплакал», – видимо, уже от долгого ожидания, тревога и досада охватывали его. «Где только их отыскал Фомин, – бросил Семенов взгляд на майора, расположившегося в единственном кресле, имевшемся в кабинете подполковника. – Спит, что ли?» – подумал он, заметив, что глаза у Фомина слегка прикрыты.

– Послушай, Николай, – обратился он к майору, – уж не сбежали, случаем твои ребятки. Что скажешь?...

– Не переживай, все будет нормально Петр Васильевич. В Афгане такое творил, а здесь мост, так себе, хиленький, – отреагировал майор. Да и что там за риск, когда твои люди главное сделали, под несущие конструкции что надо заложили, остается им только запалить шнур и улепетывать. К тому же, сам знаешь, мост не охраняется: мы все подходы наметили, местным этим все разъяснили. Прямо скажу: ротозеи грузины, воевать собрались, мать их, на поезде, им еще «СВ» подавай. Такое придумать могли только сволочи из ЗАКВО. Это разве не предательство?! – впервые сорвался Фомин.

– Ну не злись, сейчас не до того, майор, когда-нибудь разберутся: кто с кем и кого предавал. Мне плевать на них всех. Народ маленький жалко: положить многих могут, безоружные ведь.

– Не положат всех, не смогут, – недобро сверкнув глазами, ответил ему Фомин. – Не все продажные. Ты, Василич, извини, что ты-каю, давно здесь. Но знай, что там, в Москве, не все однозначно. Я, например, сужу по своей конторе: сам видишь, чем с тобой занимаюсь. Кстати, мои, когда ехал сюда, предупредили, чтобы долго не обхаживал тебя, что, мол, он старый служака и все сделает как надо. Разве мы ошиблись? И дружек твой, закадычный, знаем, абхаз был, героически погиб в Афгане.

– Да, глубоко копаете... Черт! – только успел чертыхнуться подполковник, как донесся протяжный гул далекого взрыва. Привычное ухо старого сапера уловило также и череду мощных взрывов, приглушенных далеким расстоянием.

«Нет моста», – успел подумать Семенов, как тут же раздалось:

– Поздравляю, товарищ подполковник, отличная работа, – похвалил майор. – И добавил: – Можешь не ждать наших помощников, остальное завершу сам, так- то будет лучше, – уверенно и загадочно проговорил Фомин.

В это время в кабинет командира отдельного инженерно- саперного батальона подполковника Семенова вошел дежурный офицер и доложил, что в зоне железнодорожного моста, около станции Ингири, отмечено несколько сильных взрывов.

– Что прикажете, может послать людей для уточнения ситуации?
– взяв под козырек, обратился к подполковнику дежурный лейтенант.
– Тот, в свою очередь, взглянув на майора, уже сидевшего, как и прежде с прикрытыми глазами, строго приказал:

– Несите службу согласно устава, усилие внимание и бдительность караульных. – И затем, обращаясь мысленно в прошлое, подполковник тихо, как будто про себя, прошептал:

– Что ж, мой друг Адамыр, я выполнил свой долг перед тобой и твоей Родиной так, как смог!

Из хроники первого дня войны. Шеварднадзе: время идет, а вопрос Ардзинба не решен

...После взрыва моста, нескончаемая колонна агрессора: танки, орудия, пехота, сгруженные с железнодорожных составов, двинулись в сторону Гала, Очамчиры и Сухума. То там, то здесь, завязывались стычки с абхазскими гвардейцами, так называли в народе военнотружущих отдельного полка внутренних войск (ОПВВ), подчинявшихся лично главе Абхазии В.Ардзинба. Военная операция по захвату Абхазии, рассчитанная на сутки, от силы – двое, фактически провалилась. Впереди Грузию ожидала затяжная кровопролитная война. Как, впрочем, и Абхазию. Грузинская верхушка пока еще оставалась в состоянии победной эйфории. Войска, хоть и не по задуманному плану, но все же брали город за городом: Гал, Очамчира, Гульрипшский район, а дальше – дошли до пригорода Сухума – столицы Абхазии.

И вдруг «Красный мост» – «крепкий орешек» – на пути оккупантов. Здесь они впервые захлебнулись, неся уже ощутимые потери, людьми и военной техникой.

Первым среди грузин забил тревогу глава Госсовета. Шеварднадзе, не выдержав напряженного ожидания, позвонил министру обороны.

Тбилиси. 14 августа 11:30. У телефона Шеварднадзе:

– Батоно Тенгиз, не понимаю, почему не находитесь в Сухуми, что вас сдерживает? – Время идет, а вопрос Ардзинба не решен. Вы, надеюсь, понимаете к каким осложнениям, неприятным для нас, это может привести», – недовольным тоном говорит Шеварднадзе. – Прошу

вас, – продолжил он, – передайте Джабе Иоселиани, что необходимо как можно быстрее выйти к границе с Россией, пусть ускорит десантирование наших в Леселидзе-Гантиади, а вы скорее, повторяю, берите Сухуми, несмотря ни на что, и на потери тоже. А затем я подъеду и соберу Верховный Совет.

Очамчира (оккупированная к 10:00) 14 августа 11:35. У телефона Китовани:

– Батоно, Эдуард, вы же знаете, что произошло с мостом. Потеряли здесь много времени на выгрузку людей и техники. В Очамчири и Гульрипши произошли перестрелки с абхазами, есть погибшие и раненные. Наши теперь перед «Красным мостом». Там передовой отряд и Ахалаевский батальон. Абхазы здесь сильно укрепились. Как мне сообщали, идет интенсивная перестрелка. Я подтягиваю отставшие части, затем будем обходить абхазов с флангов: по морю и предгорьям. Ардзинба с утра находится в здании Верховного Совета. Ахалаевцы попытались туда войти – не вышло, охрана отбилась. Город, обещаю, мы возьмем – не сегодня, так завтра. Это крайний срок. У них нет уже сил, а наши подтягиваются, – уверенным голосом рапортовал Китовани. – И еще хочу спросить, батоно Эдуард, – как понять ваши слова, что, после взятия Сухуми, вы приедете решать вопрос Верховного Совета. А как быть с Гудаута? – недовольно говорит он.

После небольшой паузы Шеварднадзе отвечает:

– Тенгиз, дорогой, поймите, если снимем вопрос Ардзинба, не надо будет силой лезть в Гудаута, все дело сделаем в Сухуми. А Гудаута останется в мешке. Куда им деться? Только не медлите с десантом в Гагру, мы уже потеряли темп в связи с «ЧП» на Ингури, если бы не этот взрыв, все было бы сделано ночью, никто не шевельнул бы пальцем во всей Абхазии. Но это уже не исправить. Теперь надо нажимать. Прошу вас, вместе с Иоселиани, ускорьте исполнение нашего плана. Все.

Я – Владислав Ардзинба, а не Альенде

Сухум. Здание Верховного Совета. 14 августа 11:10.

В зале заседания пусто. В коридорах снуют отдельные группы депутатов, что-то озабоченно обсуждают. Краем уха слышу реплику: «Все-таки грузины перешли границу».

«Этого не может быть!» – сверкнула мысль. И я рванул вверх, в кабинет Ардзинба.

Захожу в приемную. Здесь охрана, из угла в угол вышагивает министр внутренних дел А. Анкваб. Кивнув ему головой, прохожу в кабинет Председателя Верховного Совета. Там – депутаты С. Лакоба и В.Ашхацава. Стоят подле сидящего за столом В. Ардзинба.

Спрашиваю его:

– Владислав, что случилось? – Некоторые говорят, что грузины напали...

Ардзинба отвечает:

– Мне сообщили недавно, что захвачена Очамчира, что грузины дошли до Гульрипшского района.

И как бы в подтверждение этих слов раздаются пушечные залпы, автоматная и пулеметная трескотня. И все это, как показалось, не так уж и далеко.

– Уже не в Гульрипше, грузины уже здесь, под носом, – говорю. – Надо принимать какие-то меры для организации обороны на свободной пока еще территории.

Ардзинба, по прежнему, сидит за столом и быстро перебирает бумаги, на некоторые из них накладывает печать. Делает это, судя по всему, машинально. В то же время видно, что он о чем-то озабоченно думает...

Снова повторяю, но уже резче и грубее:

– Прос-ли пол – Абхазии наши силовики! Теперь надо организовывать оборону там, где есть возможность для этого, необходимо поднять людей. А в такой ситуации главное слово за Председателем Верховного Совета, главой Республики и лидером народа.

Меня поддержали С. Лакоба и В. Ашхацава, так же настойчиво убеждавшие Владислава Григорьевича, что надо собирать силы в Гудауте, Н. Афоне, в селах Абхазии. И что, сидя здесь этого не сделать, надо выехать в свободные районы для скорейшей организации обороны. А кому надо, те останутся.

В этот момент послышалась беспорядочная стрельба из автоматического оружия и совсем близко, буквально по периметру здания Верховного Совета. Понятно, что грузины атакуют, пытаются прорваться в здание. И ясное дело с какой целью – нейтрализовать Ардзинба.

Стрельба, неожиданно начавшаяся, также неожиданно прекратилась. Вошедший в кабинет начальник охраны Председателя ВС РА В. Бганба лаконично доложил, что нападение группы грузин на здание отбито. Раненных и убитых с нашей стороны нет. О противнике – ничего не известно.

Владислав, коротким кивком отпустив его, встал из-за стола и, в ответ на наш призыв, решительно произнес:

– Никуда я отсюда не уйду, не двинусь даже с места!

Я оторопел. Меня охватили досада и злость. И тут же мелькнула мысль о судьбе чилийского президента и я в сердцах бросил:

– Нашелся, – говорю, – еще один Сальвадор Альенде, – грохнут, как его, в кабинете, и этим все закончится, как того и хотят грузины!

Эти слова, как мне кажется, подействовали. Он теперь уже, не долго раздумывая, заявил:

– Я, Владислав, а не Альенде, так что поеду в полк.

Я и Станислав запротестовали: с полком все ясно, он делает все что возможно, но этого недостаточно, надо собирать новые силы. Аш-хацава нас поддержал.

Владислав размышлял буквально несколько секунд, затем, видимо, придя к какому-то решению, твердо заявил:

– Собираемся, едем...

Помню, с собой он взял небольшую черную папку, вложив туда государственную печать, и вышел первым из кабинета. Мы последовали за ним, и, спустившись по лестнице, прошли к выходу из Верховного Совета, на улицу Энгельса. Уже собираясь садиться в машину, Владислав, обернувшись в мою сторону, негромко сказал:

– Отпусти работников редакции, там много женщин.

Я ответил:

– Понял, отпущу.

ПОСТФАКТУМ. Именно этот момент был тогда запечатлен корреспондентом Российского телевидения. Раньше его часто показывали по юбилейным случаям. И меня, после войны, спрашивали по этому поводу:

– О чем это говорил с тобой Ардзинба в столь трагический и ответственный для Родины час?

После войны, тем более победной, можно было пошутить, и я отвечал любопытствующим:

– Дал мне, дескать, Владислав задание вести подпольную работу в Сухуме на случай оккупации.

Некоторые, выслушав мой ответ, не знали что и думать: правда это или нет? Другие – просто пожимали плечами: какой, мол, из него подпольщик.

Что ж, наверное, и я бы так думал, будь на их месте.

ЗАСТРЕЛИТЬСЯ НИКОГДА НЕ ПОЗДНО

Август – первый месяц войны. В памяти отчетливо отложились хаос и неразбериха, царившие как в структурах власти, так и в умонастроениях простых людей. Многие, в том числе и в верхах, никак не могли понять, что война пришла и надолго.

В этой обстановке, почти что всеобщей подавленности и растерянности, конечно, находились мужественные люди, приступившие к организации сопротивления. Как отмечается в книге военного историка В. М. Пачулия «Грузино-абхазская война», уже в первый день агрессии штаб сопротивления возглавили Валерий Айба, Павел Ардзинба, Дмитрий Ардзинба, Валерий Хагба. А с 16 августа руководителем штаба был назначен доброволец из Кабардино-Балкарии полковник Султан Сосналиев. Создавались рубежи обороны: в Гагра-Пицундской зоне, на Гумистинской линии, разворачивалось партизанское сопротивление в Очамчирском и Ткуарчалском регионах.

На пути агрессора в первые дни храбро встали командиры и воины, среди которых были и люди гражданских профессий. На всех трех рубежах обороны проявили себя отважными воинами и организаторами Сергей Дбар, Владимир Аршба, Мушни Хварцкия, Заканбей Нанба, Виталий Дармава, Гиви Агрба, Мираб Кишмария, Виталий Смыр, Геннадий Чанба, братья Заза и Аслан Зантария, Владимир Анцупов, Артур Исаханян...

Десятки добровольцев в самом начале войны пополнили ряды защитников Абхазии. Среди них Мухамед Килба, Ибрагим Яганов, Шамиль Басаев, Саид Магомед Чуполаев – Координатор КГНК, Нургали Кануков, Ибрагим Науржанов, Валерий Хатажуков...

Но положение было критическим. Абхазы только в людских ресурсах уступали грузинам в сорок раз. Уму непостижимое превосход-

ство агрессора в вооружении, так и не использованное им сполна в силу малодушия и безалаберности, сыграло, разумеется, в пользу абхазов. Что позволило нам опомниться, прийти в себя, после неожиданного акта агрессии соседей.

И все же начало войны абхазы встретили практически безоружными: ни автоматического оружия, ни боеприпасов, не говоря уж об артиллерии и авиации. И взять негде, как и купить. Ельцинская Россия – спонсирует оружием и деньгами стратегического союзника – Грузию. А некоторые военнослужащие, расположенные в Абхазии, в тот период торгуют патронами поштучно, очень дорого оценивая свой товар.

Лидер Абхазии Владислав Ардзинба ломает голову: где взять оружие, боеприпасы, технику, без чего невозможно воевать. Люди найдутся. Абхазы всю свою историю только и делали, что воевали. В ином случае, Абхазия вряд ли могла выстоять тысячелетия, выжить вопреки жизненным катаклизмам и беспрерывной череде воин и вражеских нашествий.

Владислав после победы часто повторял: минувшая война – очень трагичная для абхазов, непохожая на другие войны. Враг, причем ближний сосед, воспользовался нашей малочисленностью. Раньше, века тому назад, грузины всегда остерегались абхазов, знали о их воинственности. Но трагедия махаджирства, обескровившая народ, взрастила алчные аппетиты коварных соседей. И они, воспользовавшись ситуацией, ринулись на наши земли. Но этот акт предательства и неблагодарности, как и следовало ожидать, обернулся им бумерангом, и они поплатились за это. Наша Победа – заслуга героического абхазского народа, он сплотился перед опасностью, как это делал всегда. Нас поддерживали союзники – это наши братья на Северном Кавказе, это наша диаспора. Поддержали Абхазию в российских кругах, как в верхах, так и в народе.

Это так он рассуждал после разгрома агрессоров. Но в первые дни войны, помнится, настроение было иное: тревога в сердце, досада и обида часто охватывали его. Союзников находилось немного, а те, обещавшие поддержку и помощь, отмалчивались вдали.

К тому же, в среде политической элиты происходили процессы, серьезно беспокоившие лидера абхазского сопротивления. По инициативе некоторых высокопоставленных политиков к Ардзинба обратилась группа уважаемых гудаутских старейшин, предложивших Владиславу Григорьевичу сложить полномочия главы Верховного Совета Абхазии. Как он мне рассказывал позднее, эту необходимость ветераны войны и труда аргументировали следующим образом: «Ты, Владислав, поезжай себе в Москву, а мы, как-нибудь, найдем с грузинами общий язык, не уничтожат же весь народ. Все успокоится и будем жить как раньше». Когда я возмутился по поводу таких речей старейшин, Владислав заметил:

– Не надо стариков порицать. Они по– своему беспокоились о народе. Это их право. Другое дело те, кто их подослал и то, что ими двигало. В этот трудный час, когда стоял вопрос: быть или не быть Абхазии и когда, как воздух, необходимы были единение и сплоченность против агрессии, эти люди создавали народу почву для сомнений и колебаний. И это делалось в Гудауте – в цитадели обороны. Такое же хотели сотворить в Ткуарчале – не вышло.

А вот как это ситуация описывается в книге «Грузино-абхазская война»: «В эти дни в Гудауту стали приезжать посредники для ведения переговоров. По городу прошел слух, что правительство решает вопрос о сдаче Абхазии...». И затем автор отмечает, что 18 августа Владислав Ардзинба на многотысячном митинге, проходившем на территории санатория «Волга», обращаясь к народу спросил: «Воевать или сдаваться?». «Воевать!» – воскликнул собравшийся народ. «Владислав Григорьевич вздохнул облегченно, так как уже исключались всякого рода давление и разговоры о капитуляции» – подчеркивает автор.

...После 14 августа я увидел Владислава только 18, через четыре дня, в холле Администрации Гудаутского района. Я только что вошел внутрь, а он собирался выходить из помещения.

Он, видно было, очень спешил. Это я позже догадался, что он топорился на митинг в санаторий «Волга». Туда, где решалась судьба Абхазии. Тем не менее, Ардзинба остановился. Здороваясь, мы обнялись. Такого я за ним раньше не замечал.

Бросив взгляд на него, увидел, как сильно, буквально за несколько дней, исхудало его лицо.

Поняв, что я, заметив его физическое состояние, могу сделать превратные выводы, он, опережая меня, произносит:

– Что-то неважно выглядишь, старик, уж не заболел ли случаем?

Я же отвечаю ему:

– Да и ты, Владислав, вряд ли уступаешь мне, похудел очень сильно.

И вижу, что он, после моего ответа, помрачнел и насупился. Я вмиг пожалел о своих словах, представив весь объем его ответственности за судьбу народа в лихую годину.

Пока я таким образом переживал, он двинулся в мою сторону и, наплывая на меня, все больше сокращал дистанцию. Приблизившись вплотную, когда я уже было подумал, не драться ли он собирается со мной из-за обиды, Ардзинба, вдруг, шепотом прямо в ухо сказал:

– Запомни, старик, застрелиться никогда не поздно. – И еще раз обняв меня, быстрым шагом вышел из помещения.

Я остался стоять как вкопанный, не двигаясь и осмысливая только что услышанное. Конечно, я знал, что наше положение на грани трагического. Но, наверное, и у трагического имеются степени, скажем, большая и меньшая, высшая и низшая. «Неужели мы на пределе того, – ужасающе подумалось мне, – после чего народ теряет все – родину, язык и прочие атрибуты».

Уже в мирное время, я несколько раз напоминал Ардзинба о той встрече, полагая, что он расскажет неизвестные подробности начала войны. Он, это происходило всякий раз, делал вид, что не помнит о той фразе. При этом искоса, с ухмылкой поглядывая на меня, шутливо приговаривал:

– Не всегда достоинство иметь всеядную память, иногда она должна отсеивать лишнее.

И все же кое-что за долгие послевоенные годы он мне поведал, в том числе и о некоторых наших политиках, в силу разных соображений, противившихся сопротивлению агрессии Грузии. Многое, конечно, при этом он оставлял втуне, особенно ту информацию, что касалась Ельцинского периода. И в ответ на мои настойчивые вопросы отвечал:

– Знаешь, старик, если бы я мог рассказать все то, чем обременена моя память, поведать тайны начального периода войны, о которых ты уже не раз допытываешься, это был бы в изложении бестселлер века. Но пока об этом, о истинных виновниках нашей трагедии, сказать нельзя, поскольку они влиятельны и находятся у власти. Пройдет время, тогда посмотрим.

САЛАМ АЛЕЙКУМ, МОЙ БРАТ, ДЖОХАР!

Шли первые дни войны. Это было время, когда Абхазия висела на волоске. Впрочем, Абхазия ли? Скорее ее части, окруженные и блокированные войсками Госсовета Грузии, но, тем не менее, из-за всех сил сопротивлявшиеся агрессору. В Гудауте, зажатой между оккупированными Гагрой и Сухумом, формировался мозговой центр сопротивления: военный, политический, идеологический, хозяйственный. Все начиналось с нуля.

Что и сказать: было трудно, тревожно, непредсказуемо. Впереди, если смотреть правде в глаза, зияла пугающая неизвестность. Казалось, весь мир ополчился против Абхазии. Было ощущение, что мы, абхазы, одни – одинешенеки в нем, за спиной у нас никого нет. И с этим, как представлялось, недобрым миром, тогда нас связывал морской лишь катер – прогулочный. Прогулочный в прошлом, а ныне привозивший с «большой земли» муку для хлеба и забиравший из Гудауты туда же, в мир без войны, наших беженцев. Иной раз не только женщин и детей, но и вполне пригодных для защиты родины парней.

Запомнились чеченцы и кабардинцы тех дней, первые добровольцы, стрелявшие в воздух из автоматов на причале и ругавшиеся русским матом: куда вы прете, собаки, а кто Родину будет защищать?! Что ж, это тоже война, обратная сторона медали, так сказать. Имели место и такие случаи, но, по правде, единичные. Уходили те, что может и к лучшему, которые обратно, после войны, вряд ли возвратились.

Неимоверно больше было фактов, когда ребята, особенно из сел, без всякого призыва, по доброй воле, группами или по – одному, шли нескончаемой чередой на рубежи обороны. Шли с собственной снедью, со своим оружием: кто с автоматом, кто с винтовкой, многие с охотничьими ружьями.

...В один из таких дней мне сообщили, что Ардзинба приглашает прийти к нему, в кабинет главы Администрации Гудаутского района. Там к тому времени собралась небольшая группа руководителей, в числе которых были представители правительства и парламента, и еще кто-то, которых уже не припомню.

Начав разговор с военной обстановки, которая вроде стабилизировалась по Гумисте и в черте Бзыбь-Пицунда, Владислав перешел к проблеме военной дисциплины и порядка. Уделил внимание и хозяйственным вопросам, связанным со снабжением ополченцев продуктами питания, свежим хлебом и т.д..

– Мы не знаем, – сказал он – сколько продлится грузинская агрессия, но она, не сомневайтесь, закончится поражением Грузии. – Непонятно говорят: «Поднявший меч, от меча и погибнет». К тому же его подняли на нас наши вчерашние соседи, клявшиеся в вечной дружбе и братстве. Это, конечно, предательство, и уверяю вас, что за такое неблаговидное деяние, обязательно последует Божья кара.

Сделав паузу, Владислав оглядел всех, верно, подумав: доходят ли его слова до нас. Увидев, что мы, затаив дыхание, внимаем ему, он продолжил:

– Сегодня, конечно, нам тяжело, нас мало, да и не все союзники еще определились. Но заявляю вам, и прошу об этом информировать население через СМИ, посмотрев на меня, – подчеркнул свою мысль Владислав, – что скоро придет к нам помощь, встанут рядом с нами люди доброй воли, посчитавшие своим долгом защитить малочисленный этнос.

Не успел Ардзинба завершить свою речь, как, открыв дверь в кабинет, вошла секретарь приемной и вопросительно посмотрела на своего шефа – главу района Сергея Царгуш. Ардзинба кивнул ему головой, и он, переговорив с ней, поспешил к Владиславу Григорьевичу.

И тут я услышал сказанную в полголоса фразу:

– Владислав Григорьевич, на междугороднем проводе Грозный, вас просит президент Чечни Джохар Дудаев.

Ардзинба, быстро пообедав всех взглядом и извинившись, произнес:

– Прошу пока прервать наше совещание в связи с очень важным для меня разговором. Все встали и, один за другим, покинули поме-

щение. Последним вышел С. Царгуш – хозяин кабинета. Проводив его взглядом, я сделал движение, похожее на то, что собираюсь покинуть кабинет. Но Владислав, заметив это, махнул рукой. Жест этот, как я знал, означал – оставайся!

В тоже время Ардзинба, держа трубку у уха, бодро приветствовал:

– Салам алейкум, Джохар Алиевич! Очень рад слышать ваш голос. – Возникла пауза. Затем: – Да, Джохар! Спасибо большое, брат Джохар, народ Абхазии никогда не забудет об этом! – Снова пауза. – После которой Ардзинба говорит: – Да, да. Совершенно верно. Они хотели, чтобы все было как раньше, как при ЦК, чтобы мы снова кланялись им, выклянчивая на жизнь. – После очередной небольшой паузы, Владислав в заключении произносит: – Еще раз сердечно благодарю за помощь и поддержку! До свидания, мой брат, Джохар!

Даже не вникая глубоко в содержание услышанного, можно отчетливо понять его смысл. Ардзинба благодарил Джохара Дудаева, первого президента Ичкерии, за ту значительную помощь и поддержку, которую он оказал на начальном этапе войны. В Чечне, как известно, экипировались и вооружались добровольцы со всех республик Северного Кавказа. Здесь напутственным словом их провожал в Абхазию сам президент Чечни. Два батальона чеченцев в начале войны прибыли в Абхазию. И никакие заслоны на дорогах не стали им преградой. Не исключено, что по причине их присутствия у нас не состоялась передача гудаутской авиабазы Минобороны РФ грузинским военным. В последний момент туда был переброшен авиадесант в составе воздушно-десантного полка из азербайджанского города Гянджи.

И в моем присутствии, Владислав Григорьевич, как лидер абхазского сопротивления грузинской агрессии, уверяю, никоим образом не поскупился на слова душевной благодарности брату Джохару и народу Чечни от имени абхазского народа. Об этом, конечно, надо помнить и абхазам и чеченцам.

МЕНЯ ВЫЗЫВАЮТ НА АЭРОДРОМ. МОГУ НЕ ВЕРНУТЬСЯ...

Истекал август 1992 года. Самый тяжелый и нестабильный период войны. Казалось, Всевышний, судя по всему, все еще взвешивал нашу судьбу на весах небесных. Они колебались, отклоняясь, то вверх, к жизни, а то и вниз, в небытие. Это означало, что не состоялось еще решение Богово – быть или не быть нам свободными на своей земле.

Подтверждением тому событие, случившееся в конце августа. Это ситуация, замечу сразу, получи свое развитие, могла стать поистине катастрофой для абхазских сил сопротивления агрессии Грузии. Но этого, слава Богу, не случилось.

...В тот августовский вечер природа разбушевалась не на шутку. Шел проливной дождь. Ярко вспыхивали, на фоне крошечной темноты, молния за молнией. И, словно в унисон грузинским «градам», трескучи ухали, с небольшими промежутками, раскаты грома. Дребезжали, в расшатавшихся оконных проемах, стекла в кабинете, куда должен был прийти на ежевечернее совещание Владислав Ардзинба, Председатель Верховного Совета Абхазии и лидер абхазского сопротивления. Дребезжали, впрочем, не только стекла, иной раз потряхивало и само здание – двухэтажное и типовое – бывшего райкома партии. То били артиллерийские установки «град» и «ураган», от смертоносных снарядов которых, ложившихся плотным ковром в 10-15 километрах от Гудауты, земля, как говорится, ходуном ходила.

Мы, собравшиеся на совещание, уже минут десять ждали главу Абхазии. Сидели молча: давила, вселяя тревогу, гнетущая обстановка. Словно предчувствуя беду, никто не хотел вести обычного в таких случаях, разговора. Наконец, открылась входная дверь и вошел

Владислав Ардзинба. Кивком головы поздоровавшись со всеми, он занял место за столом. Мы сидели напротив, на стульях вдоль стены. В кабинете, ранее принадлежавшем первому секретарю райкома партии, воцарилось зловещее молчание. Еще не было такого, чтобы Владислав Григорьевич, встречаясь с нами, сразу же не перекинулся парой фраз, не поддержал положительной репликой наш дух и настроение.

«Видимо, у него очень дурные известия», – так думал я, и, наверное, каждый из нас в тот злополучный вечер.

И в этот момент, посмотрев внимательно на Владислава, я тотчас вздрогнул: такого мрачного взора, а видел его в разных ситуациях, еще не замечал никогда. «У нас и так хорошего, как говорится, днем с огнем не сыщешь, что могло приключиться со вчерашнего вечера», – не выходил вопрос из головы.

Владислав сидел все так же, не проронив ни слова, и о чем-то, было видно, напряженно размышлял. Мы все, подавленные его продолжительным молчанием, уже ничего другого, кроме крупных неприятностей, не ожидали. Думали так чисто интуитивно. Но то, что он, в конце – концов, выжав из себя, через силу произнес, окончательно добило всех:

– Я хочу вам сообщить, что меня вызывают на аэродром (военно-воздушная база РФ в Гудаута – **авт.**). – И после зловещей паузы, опять с напряжением выталкивая слова, добавляет: – Могу не вернуться обратно... Что делать, можете сказать? – спрашивая, обращает свой взгляд на присутствующих.

Его слова, со всеми вытекающими последствиями, оказались самым настоящим шоком для нас. Царившее и до этого молчание, можно сказать, переросло в гробовое.

Я уверен, что присутствовавшие, а это были достаточно осведомленные политики и руководители, враз поняли: Ардзинба забирают в Москву, Абхазию лишают лидера. Абхазов, тем самым, обрекают на заведомое поражение в противостоянии с грузинами. Значит, в Москве победило грузинское лобби: Козыревы и компания. Ардзинба проиграл: Генштаб и Совбез, видимо, не смогли его отстоять, а вместе с ним и абхазский народ.

Не знаю как другие, но я рассуждал примерно так. Но эти мысли пронеслись вихрем. И я начал думать о том, как помочь Владиславу, прямо скажем, в патовой ситуации. Припоминал лихорадочно свой партийно – обкомовский опыт. Мелькали идеи и соображения, но с полновесным советом, о чем просил нас Ардзинба, еще не мог определиться.

Я снова обратил свой взгляд на Владислава: он, это было заметно, усилием воли подавил горечь и волнение, и, хмуро и сосредоточено глядя в зал, искал выход из создавшегося положения.

И здесь меня осенило. Я сидел близко к нему, другие меня могли не слышать. И говорю:

– Владислав, в таких случаях самый лучший выход – это заболеть. Ты ведь можешь заболеть, не железный ведь. – Вот Шеварднадзе в такие моменты всегда чем-то болел. – Откуда это взял – сам не знаю.

Владислав, удивленно глядя на меня, отвечает:

– Но я же совершенно здоров, как это в таком случае... – Не договорив, осекся и замолчал. Затем, посмотрев на всех и обратившись ко мне, громко сказал:

– Надо срочно набросать обращение... Ты сможешь это сделать быстро, вот бумага, пройди в ту комнату. Жду тебя через час...

В следующее мгновение я догадался, что Владислав на лету поймал мысль, а его предложение было лишь отвлекающим ходом для «Тбилисских и Козыревских ушей». Он, понятно, в тот роковой вечер не явился на аэродром. А те, кто требовал встречи знали, что в другом месте их коварные планы так запросто и бескровно не пройдут. И на тот момент разумно воздержались от принятия каких-либо мер воздействия на главу Абхазии.

Скоро наступил следующий вечер. Это было время совещания, которое ровно в назначенный час открыл Владислав Григорьевич. В нем теперь мы увидели разительную перемену. Он был весел, беспрестанно шутил. Обещал нам, присутствующим, что, если не сегодня, то завтра уж точно, будет сбит грузинский вертолет, именно тот, на котором пиратствует «черный полковник» Майсурадзе. Забегая вперед, отмечу, что вскоре так оно и случилось. Значит, у нас появилось, это уже хороший знак, весьма эффективное оружие.

Я понял также, что обстановка в верхах в Москве изменилась. Грузинское лобби подвинули. На этот раз Российский Генштаб потеснил, по всей вероятности, Российский же МИД.

...Абхазии впереди, по неким коварным замыслам, предстояла тяжелая война с переменным успехом. Так было предрешиено. Но, как известно, все завершилось совершенно по иному сценарию. И, слава Богу, что Ардзинба тогда не явился на аэродром. И в этом, как не раз, нам покровительствовал Всевышний.

ПОСТФАКТУМ. После войны я, напомнив Владиславу о тех событиях, спросил: Что все-таки произошло тогда, и почему в тот злополучный вечер его затребовали на Российскую военную базу? Владислав ответил примерно так.

Приглашение на военную базу случилось накануне Московской встречи, намеченной на третье сентября. Но она, это встреча, могла и не состояться. Грузинское руководство этих переговоров и не хотело. Особенно с участием Ардзинба. А вот без него – тогда другое дело. В таком случае можно было бы решить все вопросы, благо в Абхазии в наличии были политики, которые вполне могли пойти на компромисс с грузинами. Об этом, естественно, знал Шеварднадзе. Ведь это были его бывшие подопечные. Некоторые из них заседали в парламенте. Эти люди, используя все способы, в том числе и провокационные, пытались в начале войны вытолкнуть Владислава из Абхазии, добиться его удаления туда, откуда он приехал – в Москву.

Шеварднадзе, где-то нажав, как это ему свойственно, а где –то упросив, создал, как он надеялся, все предпосылки для изоляции абхазского лидера. Несомненно им был подключен и Госдеп США, непосредственно выходивший, кстати, на ближайшее окружение Российского президента. О МИДе же, где министром восседал верный ученик Шеварднадзе – и говорить нечего! Этот с завидным рвением рыл копытом землю, чтобы потрафить патрону, не столько российскому, сколько грузинскому. За что всегда милостиво отмечался заокеанскими покровителями.

– Такой симбиоз сил и возможностей противостоял маленькой стране, обливавшейся тогда кровью, – заметил Владислав. – Положе-

ние, если рассмотреть со стороны, кажется безвыходным. Но это не совсем так. И у нас, абхазов, были союзники в той же Москве. Временами, правда, им приходилось трудно, к их мнению не всегда прислушивались на российском верху. Тогда и у нас наступали кризисные времена. Как тот случай в конце августа. Да и не только тогда. Это происходило перманентно, на протяжении всей войны. А разве после войны мы не ощущали перепадов известной нам кулуарной политики? Та же блокада, объявленная нам якобы в связи с чеченской войной. На самом деле нам мстили грузины, правда, чужими руками, за крах своих захватнических планов.

Но всему этому, как отметил тогда Владислав, будет закономерный конец. К власти в России придут государственники. Это не просто слова, – подчеркнул он. Подтверждением тому вся история России: после анархии, там всегда укреплялась власть прагматиков и государственников. И наше время – не исключение. Это будет. И пришедшие к власти в России, рано или поздно, признают Абхазскую государственность. Ибо передовая часть Российского общества прекрасно осознает, что в тяжелейшие годы, как для Абхазии, так, впрочем, и для России, наш народ, защищая свою независимость, тем самым находился на переднем крае борьбы и за интересы Российского государства. В этом единстве интересов – наша сила и благополучие, – заключил Владислав Ардзинба.

ОТСТУПЛЕНИЕ ДЛЯ НАС СМЕРТИ ПОДОБНО

Во время войны, особенно в ее начальный период, судьба Абхазии не раз колебалась на чаше весов. Стоило в такой момент допустить слабость или промах – и наша ситуация могла катастрофически усугубиться.

А она, это ситуация, и без того была очень непростой. Шел первый месяц войны. Тяжело давалась мобилизация сил и средств, людских и материальных ресурсов. Наше общество, как в низах, так и в верхах, не перестроилось еще психологически, не успело осмыслить, что мы в состоянии войны. Кстати, не секрет, что некоторые, в том числе в высшем эшелоне власти, допускали возможность компромисса с грузинами, то есть их умиротворение политическими уступками.

Такие мысли витали не только в Абхазии. В Москве, в последней декаде августа, стали, наверное, подумывать о том, что, коли Грузия все еще не просится в СНГ, и к тому же ее силовая операция по усмирению абхазов дает сбой, то пора, наряду с военными действиями, инициативу в политическом плане брать в свои руки.

26 августа с обращением к руководству Грузии и Абхазии выступил президент России Б.Ельцин. Для Шеварднадзе это стало неприятной неожиданностью: он все же верил в силу обещаний и заверений, вероятно звучавших во время Дагомысской встречи. И вот на тебе – обращение, отмечающее необходимость «незамедлительного вывода войск и прекращения боевых действий». Прожженный политик понял, что лимит времени и так называемый «карт-бланш» в отношении Абхазии исчерпан. И что в Москве, видимо, готовятся к переговорам и окружение Ельцина, возможно, намечает сценарий дальнейших действий в регионе.

Прознав от своего человека – министра иностранных дел РФ Козырева о том, что в Москве действительно готовят переговоры, Шеварднадзе начал лихорадочно обдумывать ситуацию. Она была тревожной: война не завершена, Россия, понятно, подталкивает Грузию в СНГ, планы по интеграции с Западом повисли в воздухе. Что делать? Продолжить войну без Ельцинского согласия – рискованное занятие даже для Шеварднадзе, признанного и ценимого Западом политика. Тогда остается одно – прислушаться к совету своего протеже Козырева и согласиться на переговоры. А там необходимо будет задействовать все свое влияние на Российские верхи, используя при этом податливый в отношении Грузии Козыревский МИД. Таким способом, даст Бог, компенсировать то, что пока не достигли военным путем. Так размышлял Шеварднадзе накануне Московской встречи глав России, Грузии и Абхазии с участием руководителей Северо-Кавказских республик.

Но какой политик, тем более уровня Шеварднадзе, пойдет на переговоры без козырной карты в своем активе. И глава Грузии, посоветовавшись с военными, приказал дать быть может не последний, но решительный бой абхазам, продвинуться насколько возможно в направлении сердца сепаратистов – Гудаута. Если даст Бог – взять вражье гнездо. И наметил дату штурма – 31 августа, за три дня до Московской встречи.

... Вечером 31 августа Глава Абхазии В.Ардзинба сообщает депутатам Верховного Совета, членам правительства, собравшимся по экстренному случаю, весьма тревожную весть. О том, что в селе Эшере танковой атакой прорвана линия обороны наших ополченцев. И что создалась реальная угроза цитадели абхазской обороны – городу Гудаута.

После этих слов наступает пугающая тишина. Все подавлены сообщением о грузинском прорыве. Но никто не ведает насколько катастрофично положение, в том числе и Председатель Верховного Совета. Он спрашивает командующего Вооруженными силами: «Полковник, доложите – какова ширина прорыва?»

Ответ: «Не знаю».

Вопрос Ардзинба: «Сколько танков и пехоты вошло в прорыв?»

Ответ: «Точно не знаю, наверно несколько единиц».

Ардзинба: «Что вы вообще знаете по существу, как командующий? (говорит со злостью)».

Ответ: «Я думаю, что пора заканчивать эту братоубийственную войну».

Все ошеломлены этим высказыванием. Владислав также безмолвствует, уткнувшись взглядом в одну точку. Затем произносит резким, строгим голосом:

– Полковник! Отправляйтесь на рубеж обороны, узнайте обстановку и доложите. Исполняйте!

Полковник резво, почти бегом, покидает помещение. Ардзинба провожает его мрачным, тяжелым взглядом, покуда тот не исчезает. Владислав Григорьевич после этого еще около минуты сидит молча, опустив голову. Потом, обведя взором зал, тихо произносит: «Какая ошибка!» И, обращаясь к присутствующим, говорит:

– Судя по всему, атака противника предусматривает захват села Эшера, выход на «Тещин язык», на высоту, где расположив артиллерию, грузины могут достать Гудауту. Это сильно осложнит наше положение, – подчеркивает он.

Нарисованная им картина, гнетуще действует на членов правительства и депутатов. Никто не знает, что сказать, и что предложить. Да и что можно посоветовать, коли ситуация в деталях была смутной и для Главы Абхазии. Мы все, потрясенные анализом складывающейся для нас обстановки, с надеждой внимали словам Владислава.

– Я полагаю, – продолжил дальше он, – что предпринятое грузинами наступление – это попытка расширить зону оккупации вплоть до Гудауты. – Что позволит грузинскому руководству, как замыслили они и их союзники, предстать на переговорах в Москве с ультимативными условиями. В любых смыслах, думаю это всем понятно, грузинское приближение к Гудауте – для нас смерти подобно! И чтобы этого не случилось, во чтобы то ни стало надо отбросить врага за Гумисту. Другой альтернативы у нас с вами нет! – решительно и твердо заключил Владислав Григорьевич.

Надо отметить, что анализ и выводы Ардзинба по критической обстановке, и принятые им меры, и в стратегическом, и в тактическом плане, оказались верными, соответствующими сложившим-

ся на тот момент реалиям. Но, к сожалению, об этом, о его роли в ликвидации опасного прорыва грузинами Эшерского оборонительного рубежа, пока еще не сказано ничего, как историками, так и журналистами, видимо, по причине отсутствия документальной информации. А она, это информация, тогда и не могла быть по объективным причинам. Помешал тому хаос первых дней войны. Мне, автору этих строк, удалось набросать в тезисной форме услышанное и увиденное тогда. В ту пору я не придавал этим записям большого значения. Теперь понял: они тянут на вес золота, там же речь идет о нашем лидере Владиславе Ардзинба. И о том, как он оперативно, четко, уверенно принимал решения военного характера. И все они были направлены только на ликвидацию прорыва. Речь шла только о движении вперед. Главный лейтмотив этих мер – ни шагу назад! Отступление – смерти подобно! Так мыслил и действовал тогда Владислав. И это спасло ситуацию.

В этой связи хотел бы процитировать полезную книгу военного историка В. Пачулия «Грузино-Абхазская война» (боевые действия): «Противник вклинился в глубину боевых порядков на полтора километра... В сложившейся ситуации командование Вооруженных Сил Абхазии дало добро на отход... Подполковник Смыр В., не подчинившись приказу командующего принял самостоятельное решение не оставлять обороняемые позиции... Многие бойцы и командиры отказались отступать, оставлять позиции. Здесь можно особо отметить следующие боевые группы: Аадинскую, Эшерскую, Новоафонскую». Все здесь правильно. Но, по выше отмеченным объективным причинам, не отражена роль Ардзинба в стабилизации обстановки, и потому может создаться впечатление, что глава Абхазии разделял взгляды некоторых командиров об отходе наших военных.

На самом деле, что касается Верховного главнокомандующего (он им стал позже – **авт.**) в лице Председателя Верховного Совета Абхазии Владислава Ардзинба, мы видим, как он, никоим образом не помышляя об отступлении, делал все необходимое для концентрации сил с целью контрудара по грузинским формированиям, перешедшим Гумисту. Формулировал и ставил предельно жесткие и, конечно, респектированные требования, но в тоже время предельно соответствующие и

необходимые для разрешения опаснейшей ситуации. Всю ответственность, я был тому свидетелем, тогда взял на себя Ардзинба. Вот как это происходило.

...Отметив, что главная цель грузин – расширение захваченного плацдарма вплоть до Гудауты, Владислав твердо произнес:

– Считаю необходимым перебросить часть наших сил с Гагрского направления для ликвидации прорыва. Сделать надо это немедленно, пока противник, почуяв успех, не активизировал свои действия.

Сказав это, Владислав внимательно взгляделся в лица министров и депутатов: понимают ли они всю опасность сложившейся ситуации, – так про себя, наверное, думал он.

Установившуюся тишину, репликой прервал депутат К. Озган, заметивший, что может стоит подождать до утра, а то ночью в неразберихе, не дай Бог, наши бойцы могут перестрелять друг друга.

Ардзинба отреагировал мгновенно:

– В иной, не столь критической обстановке, такое целесообразно, в нашей – ждать нельзя ни минуты. – И, твердым, непререкаемым голосом, объявил: – Отдаю приказ о переброске сил, добровольцев КГНК, сейчас же. Всем депутатам, министрам, ответственным руководителям оставаться на местах...

Снова обратимся к книге В. Пачулия: «В ночь с 31 августа на 1 сентября на помощь абхазским ополченцам подошли (по команде Владислава – В.Ч.) добровольческие группы из Северного Кавказа (дислоцировавшиеся на Пицунда-Гагрском направлении – В.Ч). В три часа ночи 1 сентября Ш. Басаев вышел к месту стоянки бронетехники и снял одного часового ударом ножа, а второй во время нанесения удара закричал. Противник открыл огонь. Началась перестрелка...»

После полуночи и ближе к утру, в Гудауту стали приходить обнадеживающие вести: танки противника увязли, частью сожжены. Пехота же не пошла в атаку. Эти известия стали предвестниками провала самого опасного наступления грузин на Гумистинском рубеже обороты.

К ПЕРЕГОВОРАМ НЕ ПОДПУСКАТЬ

3 сентября 1992 года в Москве состоялись грузино-абхазские переговоры под эгидой России. Накануне встречи положение Абхазии, сражающейся на трех фронтах, было поистине критическим. 31 августа грузины штурмовали село Эшера, правда, безуспешно. Но эта атака вошла в историю военных действий, как самая опасная за весь период войны. Грузия, в военном и политическом плане, владела инициативой. Тбилиси, собственно говоря, эти переговоры не были нужны. Абхазию, разумеется, устраивала любая передышка, чтобы определиться с планом дальнейших действий, продумать тактику и стратегию обороны, перегруппировать силы...

Владислав Ардзинба представлял, что остановить агрессора одними переговорами, даже с участием России, дело маловероятное. К тому же на условиях полного вывода грузинских войск с территории Абхазии. Именно это требование главы Абхазии было краеугольным камнем позиции абхазской стороны. Но была надежда на поддержку глав Северо-Кавказских республик.

Грузинская руководство считало, что войска должны оставаться в Абхазии. Поскольку эта территория Грузии. Усмирив Абхазию, в Тбилиси планировали создание в лучшем случае, культурно-национальной автономии в пределах компактного расселения абхазского населения. Не согласные с этим могли «добровольно» покинуть Грузию. С такой программой Шеварднадзе прибыл в Москву.

Владислав Григорьевич, представляя политический расклад оппонентов, конечно, должен был подумать и о том, кто будет, кроме него, защищать позицию абхазской стороны. Не всем абхазским политикам он доверял к тому времени. Особенно после того, когда в первые дни войны некоторые влиятельные лица пытались удалить его из Абхазии,

чтобы обезглавить сопротивление. В то время спасли положение решительность и мужество Владислава, созвавшего народный сход и поставившего перед ним вопрос: воевать или сдаться на «милость» врагу? Простые люди, в едином порыве поддержавшие Владислава Григорьевича, твердо заявили: будем воевать до победного конца!

Тогда победил он, Владислав, оттеснив тех деятелей, которые хотели замирения с грузинами на основе колониальных условий. Но они, эти политики, никуда не подевались, были рядом, просто затаились, боясь народного гнева. И теперь, формируя делегацию на переговоры, надо было ему не ошибиться. Нужны были сведущие и преданные сподвижники. Он понимал: на грузинской стороне сила – и военная, и политическая. В союзе с грузинским руководством Ельцинская верхушка. Особенно Министерство Иностранных Дел во главе с Андреем Козыревым. Этот ставленник Шеварднадзе и Запада – основной игрок на переговорах. Опасен для абхазов и госсекретарь Бурбулис. Имеет влияние на Ельцина.

И внутри абхазов нет единства. Есть противники твердой линии лидера абхазского сопротивления. В этой связи вспомнилась Владиславу недавняя перепалка на депутатском совещании, где Рубен Рубенович, тот самый «местечковый вождь», грубо орал:

– Много на себя берешь, за народ не решаешь... – Так выговаривал он Владиславу прилюдно.

Это было накануне Московской встречи. Позиция Владислава, о чем тот поделился с депутатами, ему явно не понравилась. Считал ее, видимо, слишком неуступчивой и потому не дипломатичной. Спор мог перерасти в рукопашную. Но их развела охрана и тогда Владислав отправил Рубена Рубеновича подальше, на Северный Кавказ. И затем, перед поездкой в Москву, положив перед собой чистый лист бумаги, глава Абхазии, после слов члены делегации, записал: Ардзинба Владислав Григорьевич, Воронов Юрий Николаевич... И надолго призадумался...

...Москва. «Президент-отель». Ночь. В номер Владислава Григорьевича стучит офицер его охраны Леонид Дзапшба. Войдя внутрь, он докладывает главе Абхазии, что прибыл с Северного Кавказа не заявленный на переговорах Рубен Рубенович и требует места в гостинице, на правах члена делегации.

Владислав, выслушав офицера, чертыхнулся: «Черт бы его побрал, я же специально послал его на Северный Кавказ, чтобы не путался здесь под ногами, а он приперся все-таки.... Что делать, не выгонять же на улицу. Пусть устроят где-нибудь... Но, к переговорам его не подпускать!» – твердо заявил он при этом.

...Наступило утро переговорного дня. Члены делегации, один за одним, проходят в зал заседаний. Там уже много людей. Все ждут Бориса Николаевича Ельцина – Президента Российской Федерации. Владислав Григорьевич еще в номере. В очередной раз просматривает проекты документов. Рядом с ним член Президиума Абхазского Парламента, доктор исторических наук Юрий Воронов. Они напоследок прикидывают тактические и стратегические задачи абхазской делегации. И затем спускаются в холл, чтобы пройти в зал заседаний. У входа – личная охрана президента России, представитель которой сообщает, что места абхазской делегации заняты, за исключением места главы Абхазии Владислава Ардзинба.

Официально абхазской делегации выделили шесть мест в зале заседаний «Президент-Отеля», где должна была проходить встреча. Грузии и России определили по восемь мест. Республикам Северного Кавказа, как и абхазам – по шесть мест.

«Личник» (офицер личной охраны – **авт.**) Председателя Верховного Совета Абхазии Л.Дзапшба, окинув взглядом сидевших в зале заседания, докладывает Владиславу, что место Воронова занял незваный Рубен Рубенович, который, по всей вероятности, спозаранку туда пробрался.

Лицо Владислава перекопилось от гнева:

– Где Бганба?! – с яростью в голосе, спрашивает он, и, затем, вспомнив, что отослал его с поручением, зло бросает: – Как хотите проведите Воронова в зал, иначе можете не возвращаться домой!

Итак, Владислав уходит в зал заседаний, дав команду любыми усилиями ввести туда Юрия Николаевича. Бганба, тем временем, отлаживает проблему порученную ему Ардзинба. А в холле началась, это видно, суeta российской охраны: судья по всему, вот-вот явится собственной персоной Ельцин. Но в тот момент появился, как раз не он, а его грузинский подельник Шеварднадзе, которого скоро провели в зал

заседании. Леонид Дзапшба лихорадочно соображает, как выполнить поручение Владислава Григорьевича. В дверях зала заседания маячит, как позже рассказывал Леонид Юрьевич, знакомый ему личный охранник российского президента. Но есть еще одна, более сложная, проблема. Возле тех же дверей, словно злой цербер, стоит, хищно обводя взглядом каждого входящего внутрь, депутат абхазского парламента, небезызвестная Этери Астемирова. Она уже поняла, что произошла накладка и ее «коллега» Воронов почему-то не может зайти в зал заседания.

– Остаются считанные минуты до начала переговоров, – вспоминает те события Дзапшба. – Я подхожу вплотную к Астемировой. В руках у меня специальный дипломат, в котором короткоствольный автомат и две гранаты. Если нажать кнопку на нем, то дипломат раскрывается и автомат оказывается в очень удобном положении, и его можно применить в дело. Оглядываюсь на Воронова. Слежу также за «личником» Ельцина. Тот упорно смотрит на меня, видимо, предчувствуя, что сейчас что-то произойдет. Астемирова с подозрением глядит на меня. Я поднимаю спецдипломат и со всей силой прижимаю его к ее телу. Охранник Ельцина, замечая, вытаращив глаза, терпит все это из последних сил. Астемирова, побелев от страха, готова упасть в обморок. Я, открыв дверь, показываю Юрию Николаевичу свободной рукой: проходи, мол, в зал. Что он быстро и сделал. «Личник» Ельцина даже не шевельнулся, упорно, с осуждением на лице, взирая на мои действия. Но мне было не до того: боялся, что Астемирова, как только уберу дипломат, брякнется на пол без сознания. Тогда не избежать, по всему, скандала. Все еще не опуская дипломат, ногойдвигаю к ней стоявший рядом стул. После этого убираю дипломат. И вижу: Астемирова, почувствовав свободу, почти упала на подставленный стул. И сидит на нем с закрытыми глазами, явно полуживая от шока. Мой знакомый охранник глазами показывает: уходи, дескать, от греха подальше. Я, кивком головы, поблагодарив российского коллегу, на время исчезаю из холла, где меня заменяет подоспевший к тому времени Виталий Бганба.

Вскоре, после той драматической ситуации, в зал заседания пришел президент Российской Федерации и открыл трехсторонние пере-

говоры. Они подробно изложены и прокомментированы. Но есть моменты, имевшие место в кулуарах переговоров, о которых широкой аудитории не известно.

Все помнят, какое упорство проявил Владислав Григорьевич в полемике с всесильным Ельциным по поводу представления абхазской делегации получасового перерыва для согласования вопроса: быть или не быть подписи главы Абхазии под Итоговым документом встречи.

И вот, наконец, убежденный логикой абхазского лидера, глава великой России «милостиво» согласился выделить пятнадцать минут времени на раздумье и принятие решения абхазской стороной.

Сделано это было неспроста. Российские верхи, хотя вслух и допускали возможность того, что абхазы могут не подписать документ, угрожая устами Ельцина, что, дескать, «кто не подпишет очень серьезно будет со своей совестью долгие годы бороться, как же он все-таки поступил: «за» свой народ или «против» своего народа». Но российская сторона, конечно, понимала, что без подписи Владислава под Итоговым документом терялся весь смысл самих переговоров.

Словом, Владислав Григорьевич, прихватив с собой Воронова, удалился вместе с ним, чтобы еще раз вникнуть в ситуацию. И решить дилемму: подписать документ и выиграть время, или отказаться от этого, поссорившись, тем самым, с непредсказуемым Ельциным, от которого много зависело. И судьба Абхазии в том числе.

Лидер борющейся Абхазии напряженно размышлял: о сложившейся ситуации, о том, что его маленькая, растерзанная врагом страна, оказалась в одиночестве, что главы Северо-Кавказских республик в итоге, за исключением сочувственных речей, всецело согласились с позицией России и Грузии, тем самым не поддержав абхазские требования о выводе грузинских войск из Абхазии. Думал он и о том, что грузинские войска, собранные в кулак на трех фронтах, могут одновременно ринуться в атаку. И неизвестно, что случится, если Москва, при этом закроет наглухо границу.

Было о чем подумать в той комнате, охраняемой его «личниками». Но тревожные размышления Владислава и его сподвижника Юрия Воронова и тут прерывались непрошенными визитерами, ясное дело, приходившими к главе Абхазии не по собственной инициативе.

Первым, по словам Л. Дзапшба, явился президент Кабардино-Балкарии Валерий Коков. «Я, постеснялся задержать его, хотя мы – охранники, были предупреждены на этот счет, – вспоминает Леонид Юрьевич, поскольку мы все считали его нашим союзником. – Скоро, через минуту-две он вышел от Владислава Григорьевича и молча удалился. Потом побывал там глава Северной Осетии Ахсарбек Галазов. И тогда, помнится, терпение шефа лопнуло. И он, гневно отчитав нас, – Виталия Бганба и меня – запретил нам пропускать к нему кого бы то ни было. И когда появились другие руководители республик, мы встали стеной: туда нельзя, у нас приказ Владислава Григорьевича. Они не спорили, как нам показалось, вполне довольные нашим приемом уходили восвояси. Были и другие ходоки, но мы уже, зная настрой Владислава Григорьевича, никого к нему не пропускали. В том числе и абхазов».

...Переговоры завершились Итоговым документом, под которым стояла подпись Владислава Ардзинба. Там, кстати, было записано его особое мнение по добровольцам. Прошел месяц. Ни один пункт этого документа не был выполнен. Тем временем абхазы и добровольцы, собравшись с силами, освободили Северо-Западную часть страны от оккупантов. Это стало началом коренного перелома в ходе грузино-абхазской войны.

Конечно, этого и всего остального, приведшего к победе, невозможно было добиться без лидерства Владислава, без мужественных представителей абхазского народа и братских народов Северного Кавказа, вставших грудью на защиту Апсны. Значителен вклад в Победу искренних сподвижников и помощников главы Абхазии. Войну они прошли сплоченно. Он верил им так, как доверяют друг другу единомышленники, исповедующие одну и ту же идею – освободительную. Идейные соратники Владислава Григорьевича, в отличие от его титулованных попутчиков и «сподвижников» поневоле, были далеки от интриг и закулисной возни, говорили открыто, резали иной раз «правдumatку» в лицо. В лихолетье это было обычным делом. Потом, в мирное время, их пути – дороги разошлись в разные стороны. Но выдающийся ученый, блестящий публицист и оратор, видный политический и общественный деятель Юрий Николаевич Воронов до конца жизни

был рядом с основателем современного Абхазского государства. Он был вместе с Владиславом до подлого убийства наемными киллерами по наущению враждебной Грузии. Потрясенной такой кончиной товарища и соратника, Владислав Григорьевич в те дни писал: «Эта гибель от рук наемных убийц отозвалась огромной болью в сердце каждого жителя Абхазии. Он был любим и уважаем и среди своего народа, и далеко за пределами Абхазии. Но мы не имеем права падать духом, ибо на это рассчитывают те, кто оплатил этот террористический акт, это заказное убийство по политическим мотивам. Он мешал им, вызывал лютую ненависть, как истинный патриот России и патриот Абхазии, унаследовавший эту любовь от своего отца, деда».

Искренне, от всего сердца, переживал Владислав гибель своего сподвижника. Ибо знал, что патриотов и интеллектуалов уровня Юрия Николаевича ему будет сильно не хватать. И ему, и Абхазскому государству, на алтарь которого положил свою жизнь гражданин и патриот Юрий Воронов.

АРМЯНСКОЙ ОБЩИНЕ ЗДОРОВО ПОВЕЗЛО...

Шел декабрь 1992 года – пятый месяц войны. Она набирала все большие обороты. Абхазия, усилиями воли руководства, собирала в единый кулак скудные ресурсы, пыталась навести дисциплину и порядок, как в среде военных, так и в тылу. Глава республики взывал к мировому сообществу, к России и ООН с призывом воздействовать на агрессора и положить конец кровопролитной войне, уносившей каждодневно многие человеческие жизни.

И все же становилось ясно, что призывами и увещеваниями агрессора не остановить. Наряду с этим нужна была политическая воля тех, к кому Грузия обязательно прислушалась бы. Но ни Россия, ни ООН – делать это не спешили, отделяваясь обращениями и заявлениями рекомендательного характера.

В декабре Тбилиси, уверовав в свою безнаказанность, увеличил военный контингент в Абхазии за счет живой силы, набранной в восточной Грузии. В ряды агрессора влились, помимо грузин, наемники из Прибалтики, Украины, а также русские и армяне, проживавшие в Грузии. Появляется дополнительное вооружение, в том числе установки «град» и «ураган». Шеварднадзе создает военный кулак, способный, как ему мыслится, мощным ударом разгромить абхазское сопротивление.

Чувствуя надвигающуюся опасность, Владислав принимает решительные меры по ужесточению дисциплины и порядка, оптимизации органов управления в условиях военного положения в Абхазии. Постановлением Верховного Совета уточняются функции Государственного Комитета Оборона во главе с Ардзинба. Министерству

Обороны вменяется до 25 декабря 1992 года привести к присяге личный состав на верность Родине– Республики Абхазия. Был принят ряд других мер, повысивших, безусловно, обороноспособность сражающейся Абхазии.

Но все же силы были несравнимы: пятимиллионной Грузии противостояла обескровленная, частью оккупированная врагом, маленькая Абхазия. Не хватало всего: вооружения, боеприпасов, живой силы.

... Именно в такой обстановке до Владислава Григорьевича дошла информация, что в поселке Цандрипш представители армянского населения задумали сформировать сугубо национальное воинское подразделение. Он, конечно, вначале воспринял это в штыки. Так, подретушировав, кто-то преподнес ему эту информацию. Но когда заместитель Председателя Верховного Совета Альберт Тополян, которому Владислав Григорьевич всецело доверял и глубоко уважал, четко и аргументировано изложил ситуацию, глава Абхазии горячо поддержал эту инициативу. На проверку оказалось, что воинское формирование, в основном состоявшее из армян Абхазии, изначально создавалось как составная единица Абхазских Вооруженных Сил.

Вскоре, в том же декабре 1992 года, Альберт Гаспарович с ведома Председателя Верховного Совета пригласил Комиссара Вооруженных Сил Сергея Шамба и меня, гл.редактора газеты «Республика Абхазия» в Цандрипш на церемонию принятия присяги личным составом армянского батальона имени маршала Советского Союза Баграмяна.

Приехали мы туда, помнится, к 12 часам дня. Площадь перед средней школой поселка была уже заполнена жителями Цандрипша. И тут же я увидел стройные ряды военных, одетых в форменную одежду, вооруженных автоматическим оружием. Они выстроились, словно готовились к параду, как это было раньше при СССР, в строгие порядки воинских каре. Восхищенно, переводя взгляд с одного каре на другое, я вдруг удивленно вздрогнул: позади военных в форме, выстроившись рядами, стояли, это бросалось в глаза, совсем юные, явно школьного возраста дети. Не выдержав, говорю рядом стоявшему Тополян:

– Смотри, Альберт, там стоят дети. Как можно их посылать на фронт... Это же перебор!

Не успел договорить, как Тополян, улыбнувшись, заметил:

– Сейчас никто их не посылает на войну. Они еще ученики. Но пусть им будет наглядным уроком происходящее. Чтобы усвоили: в свое время, если понадобится, так же, как отцы и братья, они будут защищать свою Родину – Абхазию. Сегодня дети видят воочию пример своих старших, ставших рядом, плечом к плечу, с абхазами. Защищать Абхазию – долг армян и всех граждан, проживающих на земле Апсны. Это не только обязанность одних абхазов. Иначе не будет доброго мира и согласия в нашем обществе в мирное время, после победы над врагом. Это надо помнить всем.

Не знаю как другие, там были при этом Сергей Шамба, офицеры батальона и руководители поселка, я же запомнил этот монолог Тополяна. Умного и целеустремленного политика, смотревшего далеко вперед.

На следующий день, когда Владислав пригласив меня, попросил поделиться своими впечатлениями, я, в первую очередь, поведал ему о том, как детишки, рядом со взрослыми, участвовали в принятии личным составом армянского батальона присяги на верность Абхазии. Рассказал о моем невольном заблуждении, что подростков готовят к отправке на фронт, о словах и мыслях Альберта Гаспаровича по поводу воспитания молодого поколения.

После моих слов Владислав Григорьевич задумался. И через некоторое время произнес неожиданную для меня фразу:

– Вот, видишь, я в своем решении не ошибся. Он крепкий и верный Абхазии политик. Именно такие нужны нам, Республике, а не увертливые, словно угри, политики старой закваски. Тополян – другой. Я всегда замечал, а ты вот сейчас подтвердил, что он говорит и действует как истинный сын своего народа и в тоже время как настоящий гражданин и патриот Абхазии. Думаю, армянской общине здорово повезло, что Альберт Гаспарович из врача переквалифицировался в политика. Очень важна его роль в том, что армяне Абхазии поднялись против агрессора. И то, что они пошли за ним, откликнулись на его призыв – это в перспективе, уверен, будет судьбоносным для них же. – Так говорил тогда о Тополяне глава Абхазии.

Позже, когда победоносно завершилась война, я вспомнил эту характеристику Владислава Григорьевича. Поистине, это были вещи

слова. Он первым осмыслил значение решительных действий Тополяна, направленных на вовлечение армянской общины в освободительную войну абхазов против грузинской метрополии. Еще шли первые месяцы тяжелейшей войны с непредсказуемыми последствиями, а лидер «Крунка» прозорливо предвидел, что после, в мирное время, обязательно спросят – чем ты, гражданин, занимался, каким образом помогал Абхазии, когда она из последних сил, обливаясь кровью патриотов, противостояла агрессору? От ответа на этот вопрос могла зависеть и судьба народа и отдельных его представителей. И Альберт Гаспарович сделал многое для того, чтобы армяне Абхазии, не смущаясь, не отворачивая взгляда в сторону, могли ответить: да, и мы внесли свой вклад в защиту Абхазии от грузинских захватчиков. Именно для того Тополян неустанно колесил по селам и местечкам Абхазии. Терпеливо, но, вместе с тем, настойчиво, проводил, как говорили раньше, агитационно– пропагандистскую работу среди армянского населения. Его энергия, убедительная логика и решительность нашли, как говорится, отклик. Люди поняли: надо защищать ту землю, которая дает тебе кров и пищу. Получилось так, что именно Альберт Гаспарович и его сподвижники из «Крунка» подвигли армянскую общину в общабхазское сопротивление грузинской агрессии.

За этот патриотический и гражданский акт мужества Альберт Тополян заплатил дорогую цену. Злобный враг в отместку зверски лишил жизни его мать, старую женщину, в собственном доме. И здесь, в совершении этого злодейства, полагаю, не обошлось без предательства, извечного спутника человечества. Абхазы и армяне и в этом случае не исключение: подлецы и мерзавцы есть при всех народах.

...После войны у меня с Альбертом Гаспаровичем состоялся разговор на эту тему.

– Плохо очищаете, вы – абхазы, свои ряды, – заметил он. – Почему Владислав терпит тех, кто предав Абхазию, активничал в «Комитете спасения», созданном оккупантами по указанию Шеварднадзе! Они же постоянно, на протяжении всей войны, клеймили нас, как «гудаутских сепаратистов». Призывали народ сдать Абхазию грузинам. А сегодня, после нашей Победы, спокойно ходят по абхазской земле. Мы своих подлецов осудили, а вы этого не сделали.

Я рассказал Владиславу о той беседе. Он, помрачнев, сказал:

– Ты же знаешь, я дал задание Генеральной прокуратуре, лично Анри Джергения, разобраться со всеми предателями и воздать каждому «по заслугам». Но что-то тянут там. Конечно, нельзя прощать в том случае, когда предают Родину. Альберт Гаспарович прав: это не простое уголовное преступление. Но и общество должно быть требовательным в этом отношении, непримиримым к предателям. Это также должно быть проблемой всех средств массовой информации республики. Вот, к примеру, твоя газета. Почему мало пишете на эту тему? Не потому ли совсем заснули наши законники? Надо разбудить их. А то я боюсь, – все это будет спущено на тормозах...

К сожалению, Владислав оказался прав. Отпустили все же отпеченных негодяев на все стороны «добренские» юристы. А иные, те, кто тайно подпевал оккупантам, обслуживал их интересы в оккупированном Сухуме, даже получили высокие награды по разным юбилейным случаям. А может и создавалась она, эта награда, словно в насмешку, прозванная злыми языками «Имя-Ветер». Но некоторые носители ее известны не столько ветреными наклонностями, сколько более дурными привычками коллаборационистского свойства. Ну да ладно, как говорится, история рассудит.

Завершая разговор об Альберте Гаспаровиче, отмечу, что он, будучи заместителем главы Абхазии в сложный трагический период, внес значительный вклад в победу над грузинским агрессором, в борьбу за свободу и независимость Аpsны. Он – идейный вдохновитель и практический организатор армянского сопротивления грузинской агрессии. Альберт Тополян вошел в новейшую историю нашей страны, как видный политик и общественный деятель Абхазии, верный сподвижник Владислава Ардзинба, основателя современного абхазского государства.

ЧЕКИСТОМ СТАТЬ ОБЯЗАН

Этот случай произошел во второй половине марта, накануне сессии Верховного Совета. Только что завершилось неудачное наступление наших войск на Сухум. Абхазское общество было потрясено как крушением надежды на скорое избавление от оккупантов, так и гибелью большого числа наших доблестных воинов. Тогда двести двадцать два героических защитника АПСН сложили свои головы за Родину. Трагическая цифра для небольшого народа. Безутешным было горе матерей и отцов погибших, особенно тех, кто не мог оплакать близких, оставшихся на левом берегу Гумисты, как положено – по ритуалу.

Психологический и физический надлом испытывали и воины, особенно те, кто выжил после атаки. Столько вытерпеть, перейти холодную и бурную реку, выйти с ожесточенными боями к предместьям Сухума, торжествовать долгожданную победу и страшно представить – команда на отход! И снова – занимать опустылевшие позиции! А потери близких, боевых друзей и товарищей?! Нелегко и сказать, а как пережить все это? И каждый переживал так, как на то был способен. Кто со слезами, кто, крепко сжав зубы, а некоторые вовсе надломились. Но, к счастью, основа, костяк, пассионарный авангард народа, сплотившись вокруг лидера, выстоял и выдержал очередной удар судьбы. И все же, большие людские потери – это горе и разочарование. Враг торжествовал, предвкушая крах абхазского сопротивления. Агентура врага доносила, что у абхазов зреет недовольство войной, гибелью сотен людей и что скоро за это призовут к ответу виновных, в том числе и руководство. Грузинские оккупационные власти отказались выдать тела погибших воинов. Они надеялись, тем самым, вызвать протесты и раздоры в абхазском обществе.

Надо было выходить из этой ситуации, преодолеть всеобщий стресс. Главное – сделать верные выводы: отчего поражение? Ждали победы, уверовали в нее, и вот – оглушительная неудача. А может виной тому шапкозакидательские настроения военных: как пойдем в атаку, так они сразу и побегут. Не побежали, обкатались на войне. Да и больше их числом на много порядков. И вооружение несравнимое, и позиции выгодные. А мы все в лоб, да в лоб идем на столицу. Кто нашим штабам советует подобное? И почему грузины, от рядового до главнокомандующего, знают о времени нашего наступления, о направлении наших атак, маршрутах и прочих секретных составных военных операций?

...За день до сессии Верховного Совета мне позвонили из приемной Владислава Григорьевича и сказали, что к 8 часам вечера он ждет меня. Я в это время был в Гудаутской районной типографии, где готовился к выпуску очередной номер газеты «Республика Абхазия». Оставался час времени до встречи с Ардзинба. Поручив своему заместителю В.Шария завершить выпуск номера, сам отправился в другой конец города. Здесь, в частном доме, обосновался Председатель Верховного Совета с небольшим аппаратом работников. Тут же находились его заместители – Сократ Джинджолия и Альберт Тополян.

Поднимаюсь на второй этаж. Захожу в приемную – небольшую комнату. Помощник предупредил, что у Владислава командиры – добровольцы. Присев на стул, жду, благо до назначенного времени минут 15 осталось. В приемную заглядывает депутат Зураб Ачба, вроде кого-то ищет. Поздоровались. Он уже собрался уйти, но что-то его остановило.

– Послушай, Виталий, – обратился он ко мне, – а ты в курсе, зачем тебя позвал Ардзинба?

– Нет. Вот как зайду, узнаю. Наверное, что-нибудь по газете.

– Ничего подобного, о газете можешь забыть, – загадочно говорит Зураб. – Так тебя, оказывается, сосватали без твоего согласия. Ну и ну, а что ж твои товарищи не сообщили о том, – удивленно произнес он.

– Не понял тебя, как это сосватали? – спрашиваю спокойно, зная, что Зураб иной раз не прочь был пошутить. – Я давно женат.

– Скоро все равно узнаешь, лучше я тебе скажу, будешь готов к беседе, – с намеком начал фразу Ачба. – Вчера Президиум Верховного Совета единогласно, за исключением моего голоса, перевел тебя на другую работу. Что ответишь на это? – усмехаясь, смотрит на меня Зураб.

– Брось шутить, – говорю, – так не бывает...

– Ты хоть спроси, куда тебя перевели, – смеется Ачба. – И добавляет: – Не поверишь – председателем Службы Безопасности. И заметь, я один был против. Понимал, что журналист и чекист – совершенно разные амплуа. Не так ли?

Не успел я ответить, как открылась дверь в кабинет Ардзинба и оттуда вышли уже известные в Абхазии командиры: Ибрагим Яганов, Мухамед Килба, Шамиль Басаев и еще кто-то, которых я не зал. Они, попрощавшись с Владиславом, ушли. Я, оглушенный словами Зураба Ачба, стоял не двигаясь. В это время в приемную вошел Нугзар Ашуба. Владислав Григорьевич, поздоровавшись с нами обоими, сказал мне:

– У нас с тобой разговор будет долгим, так что немного подожди. – И затем он пошел обратно в кабинет, следом за ним – Ашуба.

Вначале я не сомневался, что Зураб пошутил со мной. Но теперь, когда Владислав предупредил, что разговор будет долгим, призадумался: а если это правда? Тут снова появился Нугзар Ашуба и, показав мне на дверь кабинета, сказал:

– Я назначен председателем комитета по репатриации. А ты зачем сюда?

В ответ я развел руками, мол, не знаю и прошел туда, откуда вышел новоиспеченный руководитель.

Владислав наливал из графина воду. Спросил меня – не хочу ли выпить?

– Нет, не хочу, вода вряд ли успокоит, если то, что сейчас мне сообщили соответствует действительности, – ответил я.

– Как сейчас, а разве ты не знал, что вчера Президиум в полном составе голосовал за тебя, – удивился искренне Владислав. – А завтра сессия, будем тебя утверждать. Дело, в принципе, решенное. Я хотел поговорить с тобой о некоторых проблемах и нюансах, связанных с этой специфической работой.

– Не понял что-то, – перебиваю Владислава Григорьевича, – выходит все то, что в приемной сообщил мне Ачба, соответствует правде, – растерянно спрашиваю снова. – Да можно ли так, не спросив и не поговорив, переквалифицировать меня из журналистов в чекисты!

– Подожди, не горячись, здесь за тебя горой стояли и рекомендовали настойчиво Альберт Тополян, Станислав Лакоба, Юрий Воронов и другие. – Да и я не против был, словом, все, кроме Ачба, который, как и ты, считает, что журналист не может быть чекистом. А зря! Толковый журналист – это уже аналитик. А это все равно, что хороший чекист, не так ли? – улыбается Владислав. – И что тебя так взбудоражило? Сейчас война. И нам не до церемоний. Можешь быть и журналистом, но коли предложено идти в чекисты – выполняй задание. Или ты считаешь все-таки по-другому, – уже с серьезным выражением лица говорит Владислав Григорьевич.

– Прекрасно понимаю, что мы в состоянии войны, и что каждый должен честно и добросовестно выполнять свои обязанности, – отвечаю Владиславу. – А я вот не уверен, что эту работу, а не газетную, смогу делать профессионально и качественно.

– Почему ты так думаешь, – замечает Владислав. – Не Боги, как говорится, горшки обжигают. У тебя, знаю, для этого есть все: образование, опыт работы в партийных органах, в печати. Что еще нужно? К тому же, что редкое явление, члены Президиума Верховного Совета сами предложили твою кандидатуру. А я, честное слово, думал, что ты в курсе этого.

– Но если душа не лежит к этой работе, что тогда, – пытаюсь таким манером убедить Владислава отставить это дело. – Нет у меня способностей Лаврентия Берия, – уже совсем неудачный привожу аргумент.

– Ну, ты, старик, хватил! Как раз, наоборот, ребята тебя рекомендовали, и я согласился, именно потому, что нам не нужен человек со способностями приснопамятного Берия. Это одно. Другое – это проблема сугубо аналитическая. Сегодня нам не хватает глубокого анализа ситуации, умения предугадывать замыслы грузинской спецслужбы, отвечать ей контрмерами. Не отставая от наших недругов, опережать их на шаг, а то и на два. Ты понимаешь, сейчас, после нашей неудачи,

они усиливают свою деятельность, опираясь, при этом на свою агентуру в наших рядах. Эти люди у нас есть, еще с советских времен. Признаться, что работали на советскую систему стесняются, вот и находятся по сию пору на крючке у грузинской спецслужбы. Взяли одного такого недавно. Словом, необходимо обыгрывать грузинских «Бондов». Такое возможно на данном этапе? – то ли меня спрашивает, то ли риторический задает вопрос Ардзинба.

– Вряд ли, – однозначно отрицаю эту возможность. Для этого, я хоть и не чекист, но понимаю, у нас нет самого главного – банка данных по агентуре. Во-первых, эти данные остались в оккупированном Сухуме, а частью вывезены в Тбилиси. Во-вторых, абхазов-чекистов не допускали к серьезным агентурным данным. Этим, не секрет, занимались грузины, на уровне, полагаю, председателя Службы или его замов. Есть и другие моменты.

– Так, значит, с грузинами, говоришь, тягаться трудно. Хоть и мрачноватый, но анализ твой почти верный. Скажи тогда, кто сейчас в Сухуме ведет абхазских агентов на нашей территории, как думаешь? – неожиданно задает вопрос Ардзинба.

Вопрос для меня был не сложный. Проработав долгое время в областном комитете партии, я знал людей, их возможности, в том числе и в тогдашнем Комитете Государственной Безопасности (КГБ). И не став валять дурака, дабы отказаться от предложения пойти в чекисты, честно, как думал, ответил: полагаю, что это бывший председатель КГБ времен Союза ССР Комошвили.

– Молодец, попал в точку, – с довольным выражением лица замечает Владислав. – Смотри ты, угадал с первого раза. Интуицией обладаешь, значит. Это неплохо.

– Не совсем так, – отвечаю. – Гадание здесь ни при чем. Просто надо знать: кто есть кто. Нынешний председатель Автандил Иоселиани не так давно работает на этой должности, да и по способностям, профессионализму, хваткой, он, конечно, здорово уступает Комошвили. Этот зубы проел на многолетней работе, а Иоселиани – больше кайфарик, тусовщик, по верхушкам ходит.

– Вот недавно встречался с нашим агентом Комошвили. – Догадйся, где? – снова спрашивает меня Владислав.

– Думаю, в Ростове, – отвечаю. – Ближе нельзя. Сочи, все-таки город небольшой. Агент может спалиться. А он для них – ценный. Целый заводделом республиканской газеты. Правда, они там не знают, что он уже двойной агент, прощенный тобой, Владислав, и работает на нас. Или нет, может я ошибаюсь ?

Владислав Григорьевич, как я вижу, удивленный моими «познаниями» сосредоточенно молчит, осмысливая услышанное и, верно, размышляет: откуда у меня это информация.

Тут только я понял, что наговорив столько, сделал себе же хуже. Как же потом убедить его, что работа чекиста не по мне. Хорошо что я не поделился с ним и тем, как выловили на фронте этого самого агента, бывшего в то время замкомроты. Поймали его с поличным, когда он выезжал из республики на встречу с Комошвили в Ростов. Выследил его и задержал один из наших лучших оперативных работников Зураб Агумава.

Как у журналиста и редактора газеты Верховного Совета у меня, конечно, были свои источники. Мне доверяли. Но и я не злоупотреблял этим доверием. И даже Владиславу не сказал всего, что знал. А зачем? Он – то обладал данными гораздо большими, чем я. К тому же, до меня дошло, что это утвердит его во мнении, что я именно тот, кто подходит на должность главного чекиста Абхазии. Этого как раз опасался больше всего. Ведь одно дело наблюдать со стороны, другое – делать самому эту работу. Причем, не профессионалу.

Мои размышления прерывает Владислав:

– Напрасно отказываешься, – говорит он. Ты сможешь быстро войти в колею. Мы будем помогать. Вместе подберем кадры. Да, кстати, скоро к нам явятся из оккупированного Сухума наши, работавшие до недавнего там, в Службе Безопасности. Захотят на работу. Чины у них, сам знаешь, не малые. На первые роли их допускать не собираюсь: долго там пребывали, не очень им доверяю. Возьмешь их замками, так, думаю, будет лучше. Будут под контролем, – говорит Владислав и впросительно смотрит на меня.

– Это кто же под контролем будет, профессионалы – полковники что ли? А может, наоборот, я у них – в роли дилетанта, даже курсов, кроме армейских, не проходил никаких. Так что за моей спиной

те, кому не доверяешь, могут делать все, что захотят – такое ведь надежное прикрытие в моем лице. Разве это неправда? – задаюсь вопросом.

Вижу, после этих слов, Владислав задумался. И мне чуть полегче стало. «Даст Бог, все-таки выкручусь как-нибудь, – появилась надежда.

– А что я скажу членам Президиума? – спрашивает Ардзинба. – Уже есть решение. Вот сам придешь на сессию и объяснишься, – недовольно говорит Владислав.

Так я и сделал. Когда на сессии встал вопрос о моем утверждении, Владислав Григорьевич вначале сам попытался объяснить причины моего отказа. Но члены Президиума запротестовали, увидели в том какие-то подводные камни. В конце-концов Ардзинба, чтобы успокоить коллег-депутатов, предложил мне самому обосновать свой отказ. Я встал и с места, без всяких объяснений, заявил, что это не моя работа, и что об этом мы с Владиславом Григорьевичем говорили намеренно вечером более двух часов кряду. И затем, извинившись, что вынужден покинуть сессию по делам газетным, ушел восвояси.

ПОСТСКРИПТУМ Этот случай подтверждает то обстоятельство, что Владислава Григорьевича, при желании, всегда можно было убедить в правомерности или, наоборот, нецелесообразности тех или иных решений. При этом, конечно, должна была присутствовать доказательная база: факты, аргументы, логика. Владислав, я замечал не раз, часто прислушивался к мнению тех, кто обладал умением четко и аргументировано отстаивать собственную позицию. С уважением он относился к тем, кто, наряду с перечисленными качествами, отличались еще и добросовестным отношением к порученному делу. И уж очень ценил тех, которые интересы государства ставили выше личностных. Таких людей, особенно в период войны, рядом с Владиславом было много. Чего, к сожалению, не могу сказать о послевоенном времени. Но это к слову.

О ЧЕМ НЕ УСПЕЛ СКАЗАТЬ ЖЮЛИ ШАРТАВА...

Самолет СУ-25, штурмовик грузинских ВВС, во всю силу своего ревущего двигателя спикировав над мостом, выпустил по нему несколько ракет. Промахнувшись, он отвалил от моста и, накреняясь, начал готовиться к новому заходу, чтобы теперь уже атаковать точно, наверняка.

Это было похоже на последнюю попытку врага уйти от поражения. Им, грузинам, видимо, казалось: разбомби они Гумистинский мост – не будет подкреплений войскам, и, значит, захлебнется, как не раз уже случалось, массированный штурм абхазами города. Но то были несбыточные надежды. Говорят же: утопающий хватается за соломинку. Так командование агонизирующих оккупационных войск надеялось на чудо.

... Штурмовик, сделав круг, это было видно, снизился до последнего предела. И тогда на его грязно-сером алюминиевом туловище смутно обозначились плохо покрашенные пятиконечные звезды – знакомые символы той, недавно ушедшей в небытие, советской эпохи. Стремительно пролетев над мостом, самолет опять выпустил свои ракеты. Мы – журналисты, наблюдавшие за атакой с возвышенности, замерли в тревожном ожидании: неужели смертоносный заряд попадет в узкие пролеты моста-красавца?! Слава Богу, пронесло! Мы вздохнули с облегчением. Пилот, убедившись в неудаче, набирая скорость, летел в сторону моря. Стало понятно, что штурмовик вряд ли вернется на третий заход. Летчик, конечно, должен был сообразить, что теперь его могли ждать наши бойцы противовоздушной обороны со стрелами «Земля-воздух».

Мы даже удивились тогда – почему военные не прикрывали столь важный объект? Возможно решили, что дело сделано: боевые действия уже шли в центре Сухума. Оставались считанные часы до его полного освобождения. Все это происходило в теплое осеннее утро знаменательного дня – 27 сентября 1993 года.

Ближе к полудню, по возвращении в Гудауту, я оказался в приемной Владислава Григорьевича. И еще не знал по какому вопросу потребовался в столь ответственное время. Он же, я видел, был сильно занят. В его кабинет, то и дело, входили и выходили, проходя мимо меня, только военные. Но и они долго не задерживались там.

Пока я, сидя в ожидании, размышлял о ситуации, которая впервые за время войны, если не считать освобождения Гагры, складывалась для нас весьма удачно, в приемную вошел российский генерал в форме десантника. Я встал, чтобы приветствовать его. Поздоровавшись со мной за руку, он весело и, в то же время, по-солдатски, грубовато, заметил:

– Ну что, абхазы, умыли грузинам морду! Молодцы, мужики, умеете воевать!

– Еще придется повоевать, – говорю, – впереди пол-Абхазии.

– Теперь мало осталось, – отвечал генерал, – можешь не сомневаться. – Покатятся грузины после Сухума без остановки. Вояки, мать их! – прошелся он по ним нецензурно. Только тут я врубился: а ведь это командующий воздушно-десантными войсками Александр Чиндаров.

В это время, услышав знакомый голос, в приемную вышел Владислав Григорьевич.

– Вот, оказывается, кто шумит здесь, а то я подумал: кто смелый такой...

– Прибыл лично поздравить Вас с освобождением столицы Абхазии, Владислав Григорьевич, – взяв под козырек, отрапортовал Чиндаров. – Утерли нос грузинам абхазы, – добавил он, но уже сдержанно, без известной лексики.

– Спасибо, товарищ генерал, – ответил Ардзинба, – думаю, это справедливо во всех отношениях. Я, конечно, этому рад. Да вот только боль и тяжесть на сердце – полегло немало наших людей. И еще впереди – бои. Надо нам как-то обойтись малой кровью. Я дал команду

остановиться военным, не замыкать окружение, не загонять грузин в «котел». Пусть уходят: нам не нужны лишние жертвы и кровь, мы дорожим жизнью своих людей.

Я слушал Владислава и думал: «Отчего он так поступает. В кои веки у нас успех. Надо развивать его. А тут, прямо-таки, филантропия какая-то...».

И генерал тоже промолчал. Видимо был удивлен решением главы Абхазии. По всем военным меркам в таких случаях развивают успех, пока, как говорится, враг не очухался...

Я позже спрашивал Владислава Григорьевича – как появилось его решение не замыкать кольцо окружения? Не Российская ли эта просьба, связанная с эвакуацией Шеварднадзе, застрявшего в то время на госдаче? Именно об этом впоследствии размышляли аналитики и наблюдатели, приходившие в итоге к выводу, что это сделано было для спасения главы Грузии и по просьбе Москвы.

– Пусть так и думают, – ответил Владислав. – На самом деле Шеварднадзе вывели в течение получаса. А сколько времени стояли наши войска без движения?

– Почему все же военные выжидали? – интересуюсь, хотя в ту пору я догадывался, зачем это было сделано.

– Чтобы гражданское население беспрепятственно могли уйти. Не дай Бог, если простые люди, не воевавшие с нами, столкнулись с нашими бойцами. Ведь у многих погибли близкие, родственники, друзья. Кто дал бы в то время гарантию, что у них выдержат нервы, не замутится в отчаянии рассудок...

– Выходит тем самым избежали самосуда. И если бы это произошло, – заметил я, – тогда бы все мировое сообщество ополчилось на нас.

– Вот-вот, правильно мыслишь, – подхватил Владислав Григорьевич, – ведь пытался же Шеварднадзе после войны на саммитах Европарламента – в Будапеште и Лиссабоне – обвинить абхазов в геноциде грузин. Не вышло. Даже друзья Грузии – Европейские страны – не смогли найти достаточных аргументов, чтобы обвинить нас в столь тяжком преступлении. Приписали нам, выдумав, некие «этнические чистки».

...Я вспомнил тот день – 27 сентября. Разговор с Владиславом состоялся после того, как отбыл генерал Чиндаров. Владислав Григорьевич сказал тогда, что ждет высокопоставленных грузинских пленных. «Неужели взяли Шеварднадзе, виновника всех наших бед», – с радостным удивлением подумал я. И это, видимо, отразилось на моем лице. Владислав, заметив мое состояние, усмехнувшись, сказал:

– Однако ты сильно планку не поднимай. Жду наместника, тоже, скажу, птица немалая. И что важно – очень уж осведомленная. Жюли Шартава, ты должен знать, близкий человек Шеварднадзе, его доверенное лицо. Я дал команду: их всех должны привести сюда – в целости и сохранности. Мы же не воюем с гражданскими лицами.

В то время я еще не знал, что, оказавшись в окружении абхазов и их союзников – добровольцев, грузинское оккупационное правительство, подняв белый флаг, сдалось на милость победителей. Владислав, узнав об этом, поручил «силовикам» – руководителям МВД и СГБ – под их личную ответственность – препроводить пленных в Гудауту.

И вот теперь он ждал сообщения о неукоснительном исполнении своего распоряжения. Заодно беседовал со мной, разъясняя значение той информации, которую предполагал получить из первых рук – от ставленника главы Грузии.

– Он расскажет много интересного, – заметил Владислав Григорьевич. – И, чуть помедлив, спросил меня: – тебе лично, как журналисту, не любопытно знать – кого Шеварднадзе прочил на роль главы автономии, кого в премьеры, вице-премьеры? Если бы, конечно, все решилось по грузинскому сценарию, – добавил Владислав.

Я растерялся. В то обостренно-тревожное время о таком раскладе не помышлял. Было такое чувство, что вот-вот, только стоит еще нажать, еще добавить последнее усилие – и в течение месяца-двух придет долгожданная Победа. Ведь Сухум уже был освобожден – и радость была великая! Но кто мог представить тогда, что пройдет еще несколько дней – и вся Абхазия будет очищена от оккупантов.

Мои мысли о счастливом и победоносном завершении войны прервал Владислав:

– Твоя задача, как журналиста и редактора, донести до общества и народа правду, – сказал он, – нельзя, чтобы, после столь тяжелой

войны, которая нам обошлась большой кровью, герои и коллаборационисты имели равные права на почести и заслуги. Это нечестно и подло по отношению к тем, кто пал смертью храбрых за свою любимую Родину.

– Согласен, – говорю, – с такой постановкой вопроса. – Но откуда знать, кто именно за те самые «тридцать серебряников» собирался сдавать Родину.

– Так вот для этого и везут по моему приказу Шартава и его подчиненных, – отвечает Владислав. – Они многое скажут, особенно Шартава...

– Не хотелось бы верить в такое, – вставляю реплику в речь Ардзинба.

– Посмотрим, – замечает Владислав Григорьевич, – я, разумеется, имею на этот счет информацию. – Впрочем, мало ли что я думаю. Другое дело, если об этом скажут кукловоды из Тбилиси. Как я знаю, Шеварднадзе наметил в свое время пять кандидатов из числа абхазов на теплые места в будущей автономии. Шартава, уверен, осведомлен об этом. Как только его взяли наши, он сразу попросил, мне об этом уже сообщили из Сухума, встречи со мной: дескать, имею секретные сведения для Ардзинба. Полагаю, что он хочет поведать о грузинской креатуре в Абхазии. Если это так, то мы должны немедленно, повторяю, донести правду до народа. Злые корни коллаборационизма должны быть выкорчеваны изначально. Иначе, спустя время, они могут принести народу большие бедствия.

ПОСТФАКТУМ Шартава и других пленных не довели в тот день до главы Абхазии. Их расстреляли по дороге, недалеко от Гудауты. Когда Жюли Калистратович увидел, что пришла смерть, он отчаянно закричал: «Не убивайте меня, я очень важную информацию должен донести до Ардзинба!». Тем самым он окончательно подписал себе смертный приговор. И его крик стал предсмертным гласом вопиющего в глухой пустыне. Его не слышали. У них – у исполнителей – было задание: ничего не слышать!

Ардзинба, я знал, был сильно возмущен, хотя этого он никому не демонстрировал. Ведь не все его могли правильно понять: завершалась кровавая война, а расстрелянные были враги. Это, конечно, так.

И все же тайна Шартава, которую он хотел раскрыть Владиславу, не исчезла бесследно. Она содержится в документах, в грузинских, разумеется. Знают об этом и спецслужбы. И не только абхазские. Владислав Григорьевич поведал о том и доверенным лицам. Словом, полагаю, время расставит все точки над i.

*В. Ардзинба 14 августа 1992г. в 12 часов дня у входа в здание
Верховного Совета с гл.редактором газеты «Республики Абхазия»
В. Чамагуа*

*Владислав Ардзинба призывает народ Абхазии к сопротивлению
грузинским агрессорам. 14 августа 1992 года*

Ардзинба и командиры абхазского ополчения

*Комбриг Виталий Смыр,
Герой Абхазии*

Ардзинба, Ельцин, Шеварднадзе: недружественное рукопожатие. После подписания Итогового документа в Москве 3 сентября 1992 года

*Стучит в сердце, требуя отмищения,
пепел сгоревших над Сакеном*

Ардзинба: прощание с героями

Главный редактор газеты «Республики Абхазия» Виталий Чамагуа, корреспондент газеты «Республики Абхазия» Владимир Цвижба и начальник разведуправления абхазской армии Эдуард Ажиба. Идет обсуждение первого номера армейской газеты «За Родину»

**ГЛАВА 3.
БЛОКАДА:
САМОЕ СТРАШНОЕ –
ПОЗАДИ.
САМОЕ ТРУДНОЕ –
ВПЕРЕДИ**

СВОЙ ЖЕ ГОРОД ГРАБИТЕ, НЕГОДЯИ...

Говорят, а иной раз и пишут, что мародерами не рождаются. Скорее всего, мол, это явление – неразлучный спутник войны. Мародерство насчитывает, вероятно, века, а быть может и тысячелетия. Стало быть, человечеству надо бы давно привыкнуть к мародерству. Ан нет! Многие государства, причем могущественные, и их выдающиеся лидеры пытались искоренить это зло. Но ничего не помогало. Примером тому Великая Отечественная война. Вначале войны тащили все возможное из России немцы. Правда, все это было поставлено на государственные рельсы, то есть грабежи происходили в рамках известного немецкого «орднунга», что в переводе означает не что иное, как «порядок» в том самом мародерском деле. Затем все стало наоборот: тащили уже из Германии союзники-победители, от рядового до генерала. Хотя официально в СССР боролись с этим злом. СМЕРШ писал докладные наверх, Сталину. И все же везли трофеи. Причем, ассортимент был достаточно разнообразен: от иголок до автомашин, от тряпок до картин. Не чурались золотых изделий и других ценностей. Что касается государств, то они занимались вывозом из Германии крупных предприятий, заводов и фабрик, кораблей и железнодорожных составов... Зачем было мелочиться.

Но все это считалось не мародерством, а, скорее, вознаграждением посредством трофеев из чужого, побежденного государства. Как это водилось в средние века у монголов Чингисхана. Да и у других народов...

У нас в Абхазии – иное дело. Здесь сначала отличились грузинские мародеры, тащившие добро к себе, в Грузию. Что все же понятно. А наши – растаскивали все, что возможно, внутри собственного государства, что весьма преступно и непростительно.

На это обратил внимание в один из своих приездов в послевоенную Абхазию известный московский журналист Геннадий Жаворонков – «золотое» перо Российской журналистики, к прискорбию, ныне покойный. Работая в «Общей газете», которая не всегда разделяла позицию Абхазии, Жаворонков, тем не менее, делал интересные материалы о нашей республике, которые привлекали внимание российской общественности. Весьма толковый и наблюдательный был журналист. И он, однажды, после войны, спросил меня:

– Мародерство у вас отпущено на поток или с ним все же ведется какая-то борьба?

– Конечно, боремся, как можем, – отвечаю. – И, порой, этим занимается даже первое лицо республики, хотя для этого у нас предостаточно служб и ведомств. – И я рассказал ему об одном случае, чему сам являлся непосредственным свидетелем.

...Война только – только завершилась. Мирная жизнь, будучи еще под влиянием военного лихолетья, трудно, со скрипом входила в колею. По ночам слышна была стрельба, наглые группы вооруженных мародеров в поисках добычи шастали по квартирам и брошенным домам, фабрикам и заводам, магазинам и складам. Комендатура, которую возглавлял Герой Абхазии, заместитель министра Внутренних дел, полковник Виталий Смыр, разрывалась, видел своими глазами, прямо-таки на части. Бойцы комендантской роты, во главе с комендантом, по тревоге постоянно были на выезде, курсировали то по микрорайонам, то по пригородам столицы Абхазии. Часто перекрывали мародерам маршруты по верхнему и нижнему мостам через Гумисту. Нередко приходилось вступать почти что в схватки, доходило даже до рукопашной. Случалась и стрельба. Если, по определению Виталия Хазаратовича, мародеры «слишком борзели» и пытались идти напролом. Тогда комендант отдавал команду: «Зушки», к бою!» В таком разе матерые трофейщики, знавшие твердый характер бывшего комбрига, бывшего Сухум в лоб, сдавались на его «милость». Он их разоружал и отпускал по домам. Трофеи отбирались и складировались в специальном помещении. Но случалось, что отдельные отморозки не подчинялись и пытались прорвать пикеты комендатуры. Тогда раздавалась команда: «Огонь на поражение!» Это означало на языке коменданта вести огонь

поверху, брать на испуг. Сам видел, когда ребята брали меня с собой: это хорошо срабатывало – улепетывали мародеры резво, аж пятки, как говорят, сверкали.

В такое беспокойное время, через три-четыре дня после освобождения Сухума, еду из Гудауты в нашу столицу. Только проехал Гумистинский мост, впереди, метрах в двухстах, заметил стоявшие подле трассы черные правительственные автомашины, а почти на самой трассе, по которой непрерывной чередой шли фуры, энергично жестикулировавшего, и, как казалось, громко кричавшего человека.

«Что там такое могло случиться? – Может пикет комендантский? Тогда причем, снующий то назад, то вперед, человек в гражданском. И вокруг никого. Странно и непонятно, что происходит», – размышлял я.

Тем временем, подъехав ближе, остолбенел от изумления: по кромке дороги мечется Владислав Григорьевич, глава победившей Абхазии, то и дело, пытаясь вскарабкаться на ступеньки едущих сплошняком большегрузных фур. И при этом, преодолевая шум моторов, громко, во весь голос, ругаясь русским матом, кричит:

– Сухум, чей город, негодяй!.. Свою столицу грабите, сволочи!.. Это же Абхазия, а не Грузия!

Я вышел из машины. Но не сразу решился подойти к нему: настолько он был разъярен происходящим.

Действия Владислава, его усилия, чувствую, вряд ли могут образумить оголтелых мародеров. Глава страны на трассе, выходит, в роли милиционера. Это выглядит со стороны просто трагикомично. Может, к тому же, произойти, и очень даже, непоправимое: кто-то со страху, не дай Бог, способен и наехать на Владислава, все еще мечущегося между машинами.

«Что делать, – крутилась мысль в голове, как остановить его?»

Осмотревшись по сторонам, я заметил, что «личники» (личная охрана Ардзинба) находятся чуть в стороне, но держат все под контролем. Видимо, так распорядился Владислав. Метрах в ста от нас стояли два руководителя высокого ранга, возглавлявшие силовые структуры республики. Наблюдали за ситуацией на дороге спокойно, не вмешиваясь, словно это их нисколько не касалось. Хотя мимо беспрепятствен-

но везли разного добра на десятки и сотни миллионов рублей, а то и больше. Не говоря уж об опасности, грозившей самому Ардзинба.

Наконец, не вытерпев, подхожу к нему и, чтобы отвлечь его хоть на мгновение, громко говорю:

– Владислав, что происходит? Ты же не комендантская рота, для этого есть специальные службы (мы тогда были на «ты»).

– Не видишь, что происходит, – со злостью говорит он, – эти гады хуже грузин! Те грабили чужое, то есть наше. А эти подонки воруют у своего государства, у народа! За это что ли, воевали?! – негодует он.

Вижу, слава Богу, пока Владислав возмущался, перестал суетиться перед колесами фур. Значит гнев уже отходит. Надо его отвлечь еще как-нибудь.

– Вон, посмотри туда, – говорю, – как спокойно наблюдают за твоими стараниями те ребята, большие начальники, с большими правами, обяжи этих субчиков навести здесь порядок. Это их кровное дело. Ты вот здесь паришься, а они и в ус не дуют.

Владислав, глянув в сторону «силовики» и, скривившись, словно съел пол лимона, бросил:

– Боятся мародеров, потому и недвижимы, как-будто их паралич хватил. Да их порвут враз на куски, как тузик тряпку, эти паразиты. К черту всех, поехали... – сказал он. У меня сразу отлегло от сердца.

– Понимаешь Геннадий, – обращаюсь к собеседнику, – там всякое могло произойти. У мародеров, хапнувших добра на миллионы, глаза зашорены. От жадности и страха, что у них отберут трофеи, не дай Бог, могли задавить, и, что не исключено, стрелнуть. А потом – иди ищи...

– Да, представляю, как трудно будет республике вернуться к мирной жизни, – отвечал Жаворонков. Тяжко народу, трудно Владиславу Григорьевичу. Я вот успел поговорить с простыми людьми по душам и начал убеждаться, что вы все же выкарабкаетесь из этой послевоенной ситуации. Если народ выстоял в войну, то непременно переборет и нынешнее состояние. К тому же, если у руля такой лидер, как Владислав Ардзинба. Вот я выслушал твой рассказ об эпизоде на шоссе и в голову пришла такая мысль: нам бы, россиянам, такого руководителя. Представляешь, куда бы шагнула Россия. Но, увы, пожеланиями, известное дело, сыт не будешь...

Позже он писал много об Абхазии: реалистично, без лакировки, но с любовью и уважением к абхазам. В одной из подобных публикаций, вернее в интервью Владислава Григорьевича, опубликованном в «Общей газете» 19 июня 1997 года Геннадий отмечал: «Помню Ардзинбу на мосту. Раскинув руки, он пытается остановить «крыс-мародеров», ринувшихся в освобожденный абхазскими гвардейцами Сухум. Все было бесполезно, даже кумир нации не мог усмирить взбунтовавшую толпу. Да и как можно было объяснить людям, что они должны забыть об убитых родственниках, о своих сожженных домах, об утерянном имуществе?»

Геннадий Жаворонков, светлая ему память, как талантливый журналист и душевно чуткий человек написал о том времени и реалистично, и справедливо, и красиво, объединив все это в единое целое. Если бы он, как некоторые другие журналисты, стал бы расставлять акценты, возможно, мы в глазах читателей московской «Общей газеты» выглядели бы не очень хорошо. Гена, будучи другом Абхазии, и глубоко уважительно относившийся к ее лидеру – Владиславу Ардзинба, верил, что глава Абхазии сумеет преодолеть послевоенный беспредел и «Страна души», обретя второе дыхание, станет, как раньше, привлекательной и родной для его сограждан – россиян. Так оно и случилось: Российская Федерация, еще при жизни Владислава, признала государственность Республики Абхазия и стала гарантом ее независимости и свободы.

Владислав Ардзинба всегда был прав: и тогда, когда возглавил сопротивление народа против агрессоров; и когда поднимал вместе с народом Абхазию из послевоенной разрухи; и тогда, когда боролся в послевоенную пору с врагами и оппонентами, пытавшимися всеми способами водворить свободную Аpsны в лоно Грузии; и когда неоднократно провозглашал о том, что, рано или поздно, Россия признает независимость Абхазии.

Значит, и тогда он был прав, когда, рискуя собственной жизнью, пытался остановить неразумных мародеров, корысти ради, грабивших родную Отчизну. Из таких вот негромких и незаметных широкой аудитории поступков также складывалась биография человека, имя которому – Первый Президент Республики Абхазия Владислав Григорьевич Ардзинба.

ТЫ, ГЕНЕРАЛ, ЛИШИШЬСЯ ПОГОН, ОБЕЩАЮ...

Технология провокации: политические и военные аспекты

С начала 1994 года обстановка в регионе грузино-абхазского конфликта стала обостряться. Хотя последние месяцы предыдущего года этого не обещали. Тогда состоялись переговоры представителей Абхазии и Грузии в Женеве и Нью-Йорке. В ходе их были подготовлены Коммюнике и Меморандум о неприменении силы. Но, в последний момент, грузинская сторона отказалась их подписывать, так как эти документы предполагали мирный способ разрешения грузино-абхазских противоречий. Что же, в таком случае, спрашивается, побудило Тбилиси уверовать в иной – силовой путь достижения своих реваншистских целей?

Осмелели в Тбилиси, конечно, после подписания российско-грузинского договора. Сказалась и поездка грузинского лидера в США. Руководство России, подписывая договор, признало, выходит, территориальную целостность Грузии. Последняя посчитала, что Москва согласна с тем, что Абхазия входит в состав Грузии. Там же, в договоре, содержалась статья о передаче Грузии вооружения, оказании ей помощи в техническом оснащении армии. Словом, чем не «Дагомыс – 2»?

В Вашингтоне, разумеется, в пику Москве, было принято совместное грузино-американское заявление о военном сотрудничестве. Руководство США также пообещало Грузии (что, кстати, было выполнено в полном объеме) помощь в подготовке грузинской армии. И что яв-

лялось очень важным условием для Шеварднадзе, американцами был подписан документ о создании программы – Грузии и США – совместной безопасности.

Таким образом, Россия и США – две великие державы, каждая, естественно, в собственных интересах, вселяли уверенность в грузинского лидера, что проблему Абхазии можно решить не только мирными средствами и путем переговоров.

В тот сложный период и руководство Абхазии не сидело, образно говоря, почивая на добытых войной лаврах. Абхазская делегация побывала за короткое время в Женеве и в Нью-Йорке. Глава Абхазии Владислав Ардзинба встретился с председателем Совета Безопасности ООН Мэриме, замгенерального секретаря ООН Гулдингом, командованием миротворческих сил ООН, представителями государственного департамента США. Именно тогда Шеварднадзе потерпел фиаско с предложением ввести в зону конфликта миротворцев ООН, с которым он выступил на Генеральной Ассамблее этой организации. В этом вопросе, скорее, прислушались к выводам абхазского руководителя: в докладе генсека ООН было сказано о том, что не может быть сейчас осуществлена миротворческая операция, потому что не созданы для этого условия.

Тем не менее, обострение грузино-абхазских отношений продолжалось. Переговоры практически прервались после принятия парламентом Грузии в марте 1994 года решения о роспуске Верховного Совета Абхазии. Это случилось после выступления Шеварднадзе в Совете Безопасности ООН, в котором он призвал распустить действовавшие в ту пору органы государственной власти Абхазии.

Все эти факторы позволили Владиславу Григорьевичу сделать вывод, что «Грузия вновь возвращается к силовому решению проблемы».

Тбилиси, при этом, действуя по известной поговорке, что дважды в одно и ту же реку не войти, замыслил разжечь пожар войны чужими руками. На тот момент с Тбилиси с особым усердием заигрывала Москва. Почему бы им, некоторым московским политикам и высокопоставленным военным чинам, к тому же, зачавшим в последнее время в Тбилиси, не поручить роль поджигателей будущего конфликта? Если виновником первой мировой войны оказался всего лишь некий

сербский студент, то у Грузии для этого имеются личности, рангом выше, – так, наверно, размышлял Эдуард Амвросиевич накануне сентябрьской авантюры с участием российских миротворцев.

Замыслы главы Грузии имели, заметим, веские основания. Министр обороны России генерал армии Павел Грачев являлся крестником своего грузинского коллеги – генерал-лейтенанта Вардико Надибаидзе, служившего в советское время, если не ошибаюсь, зам. командующего одним из военных округов. Заместитель Грачева – генерал-полковник Кондратьев, усердно выполнявший приватные поручения своего начальника, также был вхож в высшие грузинские политические сферы. Не прочь был послужить грузинам, по слухам, небезвозмездно, как, впрочем, и его шеф по кличке «Пашка-мерседес».

Думается, что эти два российских генерала являлись исполнителями сентябрьской провокации, целью которой было возвращение беженцев, задуманной высокими политиками в Москве и Тбилиси. Что могло, безусловно, привести к широкомасштабной войне. Но твердая воля и решимость лидера Абхазии заставила авторов провокационного сценария отказаться от опасных планов разжигания новой войны. Но давайте все же по-порядку.

«Подводные камни» благородной миссии

Миротворческие силы были введены в конфликтную зону по приглашению сторон – Грузии и Абхазии – от 14 мая 1994 года. Заранее отмечу, что свою задачу миротворческие силы России выполнили сполна, не допустили возобновления войны. При этом понесли значительные потери личного состава. Более ста миротворцев погибло от рук грузинских диверсантов и бандитов. Народ Абхазии всегда будет помнить об этом.

Но, к сожалению, были случаи, когда высокопоставленные политики и военные использовали миротворцев в грязной политической игре. И это, как не парадоксально, задумывалось изначально, со времени планирования их ввода в зону конфликта. Обратимся к авторитетному комментарию главы Абхазии по поводу этих тайных планов: «Несколь-

ко позже мы узнали, что при разработке официального текста «Соглашения» определенные представители Российской Федерации (полагаем, что это были глава МИД Козырев и руководитель военного ведомства Грачев – **авт.**) обещали грузинской стороне, что введение войск будет использовано для массового возвращения беженцев под контролем и охраной МС (миротворческих сил – **авт.**). Об этом можно было судить хотя бы по заявлениям, которые делал господин Шеварднадзе. Он говорил о том, что им обещали вернуть беженцев, но обещание не выполняется».

Владислав, как я помню, накануне ввода миротворческих сил в зону конфликта, в узком кругу, прозорливо подметил: «Конечно, эти силы нам нужны, хотя бы для того, чтобы остудить реваншистские настроения Грузии. В тоже время, когда принималось Соглашение по миротворцам, я прекрасно понимал, что здесь заложены, безусловно, и «подводные камни». Но надо было дать передышку нашим людям, которые, пройдя тяжелую войну, еще более полугода прикрывали границу. И понесли здесь большие потери».

Прав был Ардзинба. Все эти «подводные камни» проявились позже. И кто только, какие разные центры силы, не пытались манипулировать миротворцами в собственных интересах. Несмотря на то, что официальным Соглашением им предписывались обязанности по разъединению противоборствующих сторон. «Друзья Грузии» – страны Запада – старались в угоду Тбилиси вменить миротворцам полицейские функции. Российские же некоторые генералы и политики пытались организовать несанкционированные массовые переходы абхазской границы беженцами. Тбилиси и Москва часто грозились вывести миротворцев из зоны конфликта, каждый в своих целях, а порой и амбиции ради. Все эти действия – и Москвы и Тбилиси, и Запада – в целом были направлены против одной из сторон конфликта – Абхазии. Это были не просто угрозы, дело доходило до очень опасных провокаций, граничивших с возможностью начала новой войны.

По этому поводу Владислав Григорьевич отмечал: «По ходу учений, не ставя нас в известность, миротворцы ушли в глубь Гальского района, оголив три ближайших к Ингурскому мосту блокпоста. Вы представляете, что могло случиться? – восклицал с негодованием Ардзинба в разговоре с корреспондентом газеты «Правда» Игорем Лен-

ским. – Хорошо, что мы вовремя выдвинули своих пограничников. Если миротворцы еще раз оставят позиции, я их туда назад не пущу!» – твердо заявил тогда Президент Абхазии.

И все же, самой опасной провокацией стало происшествие, случившееся на Ингуре почти через год после окончания грузино-абхазской войны. В тот период большие политики, как в Москве, так и в Тбилиси, играли фактически с огнем. И, не дай Бог, если полыхнуло тогда, Россия и Абхазия, на радость грузинской верхушке, пожинали бы горькие плоды отчуждения на долгие годы.

Острейшую обстановку, сложившуюся в тот период, в том же интервью в «Правде» убедительно раскрывает Владислав Ардзинба: «Все помнят 13-14 сентября 1994 года, когда была предпринята попытка массового возвращения беженцев под прикрытием миротворцев. Нашим представителям в Гале было сказано, что беженцы будут возвращены, если кто-то будет этому препятствовать, то миротворцы откроют огонь на поражение. В тот момент мы фактически были на грани столкновения», – констатирует президент.

Владислав Григорьевич описывает эту грандиозную авантюру весьма лаконично. На самом деле, случай этот имел свою предысторию. Об этом, кстати, мне поведал сам Ардзинба.

Грузинское руководство в то время поставило задачу, или, так сказать, наметило программу-минимум: вернуть всех беженцев скопом, вначале в Гальский район. Своих сил, конечно, им не хватало. И тут в помощь им подоспела Москва, у которой имелись собственные цели – крепко-накрепко интегрировать Грузию в структуры СНГ, а также упрочить положение Российских военных баз в Вазияни, Батуми, Ахалкалаки. К тому же и личные связи Грачева с Надибаидзе играли не последнюю роль. Вот и стали часто курсировать между Москвой и Тбилиси российские политики и генералы. Эти выводы подтверждаются воспоминаниями приснопамятного «вора в законе» и грузинского государственного деятеля по совместительству Джабы Иоселиани.

В один из таких визитов зам. министра обороны Кондратьева принял заместитель главы Госсовета Грузии Иоселиани. Между ними произошел примерно следующий диалог. Иоселиани спрашивает генерала Кондратьева:

– Вы гарантируете безопасность тысяч беженцев, которых обещаете перевести через границу в Гальский район. Это сделать непросто. Там ваши посты, наблюдатели ООН, а об абхазах вообще не говорю – они станут стеной.

– Господин Иоселиани, можете не сомневаться, я уполномочен министром решать все возникающие проблемы с миротворцами. Их, этих проблем, просто не будет. Я лично дам команду и они блокируют абхазов. Те, уверяю, (вместо звука «к» Кондратьев с придыханием произносит «х» – **авт.**) пихнуть не посмеют. – Ваша задача – собрать соответствующее количество беженцев и автобусов, а дальше – наше дело. Мы не подведем.

Джаба Иоселиани, пристально глядя на генерала, вдруг резко бросает:

– Господин Кондратьев, вы отдадите себе отчет, как на все эти действия прореагирует Владислав Ардзинба?

Генерал вначале растерялся. Затем, кое-как собравшись с мыслями, машинально говорит:

– А «кто» такой Ардзинба? Я же вам обещаю...

– Ладно, там посмотрим, как все это произойдет, – то ли с сарказмом, то ли пессимистично, закругляет разговор Иоселиани.

Забегая вперед, замечу, что в книге воспоминаний, написанной небезымянным Джабой в местах, не столь отдаленных, он приводит то самое выражение генерала: «А «кто» такой Ардзинба?» И, затем, дальше отмечает, что, после той авантюры с беженцами, зам.министра Кондратьева вскоре освободили от должности. И делает саркастическое заключение: «Вот тебе, «кто» такой Ардзинба!». Но вначале все было по-другому.

Экстремальная ситуация: как это происходило

...Утро 13 сентября для жителей райцентра ничего тревожного не предвещало. Однако, наступивший день час за часом вызывал беспокойство у руководителей района, почувствовавших что-то неладное в стане миротворцев. Тревога усилилась, когда стало известно о перемещениях техники и живой силы, причем сосредоточение их в 18:00

шло в г. Гал. В 20:00 посты нашей милиции доложили, что миротворческие силы сняты по всему периметру абхазо-грузинской границы и отправлены в штаб, то есть в райцентр, а пост на мосту Ингура заменен «миротворцами» из числа грузинских контрактников, проходивших службу на противоположном берегу.

Затем началась заправка сгруппированной в райцентре техники: автомашин, танков, БМП... Руководители района пытались связаться с командованием миротворцев и получить от них разъяснение по поводу складывающейся ситуации. Ответ был сух и лаконичен: идут командно-штабные учения. И, что, мол, местные власти при этом в известность не ставятся.

Все эти действия не могли не насторожить руководителей района. Бывшие боевые командиры Абхазской Армии Руслан Кишмария, Вячеслав Вардания, Валерий Ломия, четко проанализировав сложившееся положение, приняли решение, адекватное создавшейся экстремальной ситуации. Был создан штаб по координации действий правоохранительных сил, других служб района, который сосредоточился в здании раймилиции, налажена круглосуточная связь с Сухумом, поставлены посты милиции на границе.

Тем не менее, ночь протекала тревожно. Ведь рядом – внезапно оголенная граница с весьма агрессивным соседом, готовящим, как было известно, 14 сентября массовый ее переход беженцами. И вдруг – непонятные маневры миротворцев. Впрочем, уже стало ясно, что не столь уже странные эти перемещения, приуроченные невидимым дирижером к вышеупомянутой дате.

...Лязг и грохот гусениц танков разорвал тишину утра 14 сентября. Рассказывает Валерий Ломия.

– В семь часов утра к зданию РОВД, где размещался наш штаб, подошли семь единиц бронетехники и до 150 десантников на машинах. Майор, возглавлявший подразделение, дал команду: «К бою!»

Четыре десятка работников правоохранительных органов и руководители района мгновенно сориентировались в обстановке. РОВД ошестинился автоматами, пулеметом на чердаке, гранатометами из окон.

Подается четкая команда: «К бою!». И в дополнение: «Первыми не стрелять!»

И все же разум победил, кровь не пролилась. Не пролегла та межа, после которой возникает вражда на долгие годы, и синдром недоверия между народами.

Здесь у РОВД, твердость и отчаянная решимость защитить свою свободу были поняты теми, кто, будучи призванными, исполнять миротворческую миссию, принуждены были реализовать коварные планы нечистоплотных политиков.

...После напряженных переговоров в течение получаса блокада милиции была снята. Однако, события, накручиваемые невидимыми режиссерами, продолжали развиваться на других участках противостояния.

Узел связи – жизненно важный в данной ситуации объект. Отсюда отдавались распоряжения, адекватные ситуации, которые менялись ежеминутно. На объекте – телефонисты и их охрана, которым отдана команда, оборонять узел любыми средствами.

Лишить районный штаб связи с Сухумом – логический замысел тех, кто решил на авантюру. Не прошло 30-40 минут после попытки захвата здания РОВД, как была предпринята попытка блокирования узла связи. Но, предвидя сопротивление, миротворцы не перешли ту грань, за которой – огонь и кровь. Они заявили, что захват узла связи в их планы не входит.

А что все же входило в планы тех, кто организовал эту грандиозную провокацию?

Это проясняют события на мосту через реку Ингур утром 14 сентября. Рассказывает первый заместитель главы Администрации района Вячеслав Вардания:

– В 10:00, как только чуть-чуть стабилизировалась обстановка в районе узла связи и нашего штаба, я, взяв с собой 15 милиционеров, выехал к мосту. Из кого состоял там российский пост, уже говорилось. Оттуда подъехал наблюдатель ООН и спросил:

– Какие вы будите принимать меры, если сейчас пойдет колонна беженцев? Какие у вас распоряжения от руководства на этот счет?

В. Вардания: «Если миротворческие силы не остановят их, я, как начальник штаба по координации действий в сложившейся ситуации, отдал приказ открывать огонь, как только появятся нарушители границы...».

Наблюдатель ООН: «Этот приказ вы отдали от себя или от правительства?».

В. Вардания: «Имею разрешение принимать решения, исходя из создавшейся ситуации... Предлагаю вам принять все возможные меры для предотвращения массового, несанкционированного перехода границы беженцами в нарушение четырехстороннего соглашения».

Наблюдатель ООН: «Не понимаю, что происходит, и удивлен действиями миротворческих сил...».

Почувствовав, что миротворцы явно настроены организовать массовый переход на нашу территорию, В.Вардания перебросил к мосту еще 40 милиционеров. Затем, предупредив начальника заставы, что будет размещать людей для защиты границы, попросил вызвать командира зоны полковника Шевчука. Кстати, машина последнего с 10:30 стояла у моста, а он сам явно сюда не спешил. Однако, после решительного заявления о защите границы, полковник не заставил себя долго ждать.

Шевчук (кричит): «Что вы делаете на российской территории?».

В. Вардания: «По какому праву вы собираетесь сопровождать беженцев?»

Шевчук: «Покиньте Российскую территорию... Я все равно проведу беженцев, хотя они и не все ... выживут».

В.Вардания: «Кто отдал приказ сопровождать беженцев?»

Шевчук: «Мой президент. Уйдите или я вас всех уничтожу за пять минут... Я выполняю приказ президента».

В.Вардания: «Я выполняю приказ своего президента по защите границы...».

В подтверждение этих слов нашим ребятам была дана команда занять оборону и открывать огонь по любым нарушителям границы. Вместе с Вардания действиями наших защитников руководили начальник милиции С.Сабекия и начальник Службы безопасности А.Аршба. Твердость духа и волю к защите своей Родины проявил каждый из тех нескольких десятков наших воинов, фактически первыми грудью заслонивших Абхазию от большой провокации. Думается, большинство офицеров и солдат миротворческих сил также осознавало неправомерность того, что происходило. Явно было видно, что «забота» о бе-

женцах липовая. Используют их лишь в качестве розыгрышной карты. Свидетельством тому данные компетентных источников. Для перехода границы 14 сентября, к примеру, были подготовлены 15 «Икарусов», причем в них, наряду с т.н. «правительством автономной республики Абхазия» во главе небезызвестными личностями типа В.Колбая, находились военные преступники, их семьи. До 15-ти тысяч человек должны были по сценарию переходить границу пешим ходом, всех их вылавливали на рынках Зугдиди и других городов Мегрелии и насильно отправляли в специальный лагерь.

Словом, провокация была сорвана. Стойкость и разум победили. Так оценивает сложную ситуацию, сложившуюся 14 сентября, Руслан Кишмария – глава Администрации Гальского района.

– Скажу больше – ситуация была взрывоопасной, один неверный шаг мог привести к кровопролитию. Но, благодаря мудрой, взвешенной политике руководства Абхазии, четким и слаженным действиям военного руководства, мужеству и решительности наших воинов мы с честью вышли из этой ситуации. В самые критические минуты и все эти дни рядом с нами постоянно находился заместитель министра обороны республики генерал-майор Мираб Кишмария. Своего апогея ситуация достигла в тот момент, когда генерал Кондратьев (зам.министра обороны РФ – **авт.**) в ультимативной форме заявил нам, что намечаются мероприятия по возвращению беженцев. Мы выразили ему решительный протест и сообщили о складывающейся обстановке руководству республики, которое в тесной взаимосвязи с местными властями приняло срочные меры по недопущению этой коварной акции. Надежно действовали в этой обстановке представители почти всех городских и районных отделов милиции и МВД республики в целом.

Ты генерал, лишишься погон, обещаю...

...Эхо вышеотмеченных событий до Сухума стало доходить ближе к вечеру. К этому же времени к резиденции президента стали подходить встревоженные слухами люди. Руководители собрались в приемной президента. Я подошел туда, наверное, позже всех. По пути в

голову приходили разные невеселые мысли. Только-только пережили такую кровопролитную войну и на тебе – теперь можем схватиться уже не с Грузией, а, во что не верится, с Россией, на которую всегда смотрели как на союзника и защитника.

Поднялся на второй этаж и увидел повсюду чиновные лица: взбодраженные, растерянные, отчаянно взирающие в сторону кабинета главы Абхазии. Я спросил у кого-то: «Что там?» «Там генерал Кондратьев», – был ответ, который мне тогда ни о чем не говорил. Знал, что тот – генерал-полковник, зам. министра обороны Российской Федерации. Подхожу к дверям кабинета Ардзинба, они были двойные, передние чуть приоткрыты, внутренние и вовсе не закрыты. Я отодвинул одну дверцу на несколько сантиметров – и предо мной явилась занимательная картина. Владислав Григорьевич сидел в своем кресле за массивным столом из дуба. Перед ним, сложив руки по швам, навывтяжку стоял военный в генеральской форме. Я успел расслышать, что он явно оправдывался. И вдруг, я даже вздрогнул от неожиданности, громовой голос: «Генерал, что за авантюру ты затеял на Ингуре, что за игры такие, еще миротворцев втягиваешь в это! Убирайся с глаз моих, не хочу слушать твоих оправданий. Я тебе обещаю – ты лишишься своих погон! Вон из кабинета!».

Оглушенный голосом и словами разъяренного Владислава, я едва успел отойти от дверей. В этот миг оттуда почти вывалился, как я уже знал, тот самый генерал Кондратьев, с капельками пота на красном, словно горячим солнцем обожженном лице, и ринулся стремглав вниз по лестнице.

Люди, стоявшие у входа в резиденцию, потом вспоминали: «Из здания выскочил, как угорелый, краснолицый генерал и, оглядываясь по сторонам, торопливо забрался с сопровождающим его военным в бронемашину и укатил в сторону военного санатория».

Как стало известно, по пути следования водитель генерала, заметив необычное взволнованное состояние начальника, видимо, растерявшись, наехал на какой-то «жигуленок». Но, слава Богу, генералу хоть в этом повезло: никто не пострадал. Кондратьев же заперся на ночь в санатории МВО (Московский военный округ – **авт.**).

После того, как генерал стремительно убрался из кабинета Ардзинба, оттуда вышел с зажженной сигаретой в руках, улыбающийся

Владислав Григорьевич. И мы все враз вздохнули с облегчением: поняли, что война отменяется. Он же внимательным взглядом осмотрел всех, кто здесь находился. Наконец, его взгляд остановился на моей персоне. Я стоял поодаль от дверей его кабинета, возле угловой урны, и, время от времени, затягивался крепкой, без фильтра, сигаретой.

– Ну, что, товарищи, кризис, полагаю, преодолен, – заметил, обращаясь к нам, Владислав. – Можете сегодня спать спокойно. Тем более, как я вижу, здесь с нами находится главный редактор «Республики Абхазия», – шутливо подначил он меня. – Затем, потихоньку, один за одним, мы разошлись по домам.

ПОСТФАКТУМ Ближе к утру следующего дня жителей города разбудили несколько гулких, характерных очередей явно крупнокалиберного пулемета. В предутренней тишине звуки выстрелов отчетливо были слышны даже в пригородах Сухума, вызвав у многих граждан тревогу. Но, затем, все опять успокоилось. Никто так ничего и не понял – отчего была стрельба. Знали об этом те, кому положено.

Я же, много позже, случайно вспомнив историю с Кондратьевым в кабинете Ардзинба, спросил Владислава Григорьевича – встречался ли он после того случая с генералом?

– Нет, не пришлось. – Обходил меня стороной, помнил, что сильно нашкодил, да и расстались мы с ним не очень дружелюбно. Заперся он после всего в санатории, может помышлял о том, чем еще напакостит. Ведь не справился с заданием... Я ведь запросил тогда Москву, потребовал объяснений по поводу действий Кондратьева. И МИД и Минобороны оказались «не в курсе». Поняли там уже, что сценарий провалился. Вот я подумал: оставлять его здесь, с российскими миротворцами, никак нельзя. Подогнали, значит, «зушку», дали несколько очередей поверх здания санатория: что означало, надо, мол, генералу и честь знать, пора домой отправляться, в Москву. И, взаправду, понятливый генерал оказался: прилетел за ним вертолет и увез его от греха подальше.

Таким образом поставил точку в той истории глава Абхазии Владислав Григорьевич Ардзинба.

И У МЕНЯ БОЛИТ ДУША...

Декабрь 1994 года. Начинается Чеченская война. Телеканалы России показывают, как танковые клинья рассекают территорию Чечни и Ингушетии, а передовые части российских войск ведут ожесточенные бои в Грозном.

В это время в газете «Республика Абхазия» – официальном государственном издании – появляется публикация под красноречивым заголовком: «Тбилисский синдром» кремлевских руководителей». Лейтмотив статьи: это – агрессивная война, весьма схожая с той, через которую прошел абхазский народ. Заметки писались с ходу, со дня ввода войск, и потому мною, как я понял позже, не был учтен ряд обстоятельств. К тому времени, правда, еще никому неизвестных в Абхазии.

А дело было в том, что накануне войны президента В. Ардзинба пригласили в Москву, и на самом высоком уровне предложили поддержать план военных действий по наведению в Чечне конституционного порядка. Ардзинба, разумеется, без каких-либо колебаний, наотрез отказался. Он понимал, что такой его шаг будет расценен как акт предательства по отношению к Чеченским добровольцам, защищавшим свободу Абхазии от грузинских агрессоров. Кроме того, во время встреч с российскими политиками, он настойчиво предостерегал их от военного пути решения чеченской проблемы. Предлагал себя в посредники, гарантируя, что все спорные вопросы можно уладить за столом переговоров. Это также вызвало раздражение в верхах, у всесильных министров: Грачева, Ерина, Козырева, возглавлявших министерства – обороны, внутренних и иностранных дел. Именно они склоняли Б. Ельцина к военным действиям, обещая быстрое и почти бескровное

решение проблемы. Тому подтверждением приснопамятное выражение: «Одним, мол, десантным полком возьмем Грозный»

Ардзинба, убедившись, что бесполезно разговаривать с теми, кто решил воевать до победного конца, обратился 9 декабря, за несколько дней до начала войны, напрямую к президенту Российской Федерации с официальным письмом. В нем, в частности, отмечалось: «Сегодня, когда речь идет о судьбе целого народа, репрессированного в недавнем прошлом, не время искать правых и виновных, главное – не допустить кровопролития. Нет таких проблем, которые при наличии доброй воли нельзя было бы решать за столом переговоров, тем более, что руководство Чеченской Республики готово на диалог».

Заметим, что, кроме Ардзинба, ни один руководитель, будь-то из числа стран СНГ, или республик Северного Кавказа, в целом Российской Федерации, не поднял голос в защиту Чечни. Собственно, Ардзинба остался в одиночестве, что позволило Ельцинскому режиму уверовать в свою правоту, а значит, в успешность военной кампании. А что касается Абхазии, и ее «строптивного главы», последовало соответствующее наказание – жестокая блокада: политическая, экономическая, информационная.

В такой, весьма непростой обстановке, появляется статья в государственной газете, главной рефрен которой – агрессивная сущность войны. В Московских верхах посчитали, что эта статья – дело рук Ардзинба. Гневное недовольство высоких Российских чиновников, которым сразу же подсунили газету наши грузинские оппоненты, тут же ощутил президент Абхазии.

Газета со статьей вышла 14 декабря, а утром следующего дня мне позвонил помощник президента Беслан Барганджия и спросил: «Не болен ли я?» Я ответил, что чувствую себя вполне нормально. Он опять предложил мне, причем с намеком, «заболеть», несмотря на то, что меня приглашает к себе Ардзинба. Я ответил, что буду непременно, догадываясь при этом, что речь пойдет о моей публикации, и что разговор с Владиславом Григорьевичем предстоит жесткий.

Я не ошибся. Как вошел в кабинет сразу заметил: Владислав взбешен. Он был на ногах, и, быстро прохаживаясь, держал гневный монолог: «Кто вам дал право разнузданно толковать политику России.

Почему несете отсебятину?! Вы, что, умнее всех!» – так, примерно, звучали его слова.

Осмотревшись, я увидел, что в кабинете, кроме меня, находятся первый зампреда Верховного Совета Станислав Лакоба, гендиректор Абхазского ТВ Гурам Амкуаб и помощник главы Абхазии. Меня заело. Я понял, что гендиректор ТВ приглашен за компанию, чтобы знал как наказуема неразумная инициатива и сделал соответствующие выводы. Так я подумал тогда. И, не сдержавшись, отвечал президенту довольно опрометчиво. Хотя потом, позже, до меня дошло, что лучше было бы тогда промолчать: прошел бы гнев, как летняя гроза. И не оказались мы с Владиславом на грани разрыва отношений.

Но, в запале и ослепленный обидой, говорю:

– Я что, уже не имею права высказать собственное мнение. Моя статья, как я полагаю, не означает позицию руководства государства.

Это, конечно, была слабая аргументация, учитывая статус газеты. И по сему получилось, что подлил масла в огонь:

– Посмотрите, – воскликнул Ардзинба, – все умные, оказываются, а я вот видите ли... – Есть же определенные рамки разговора – в спокойном, сдержанном тоне. Вам, что, неведомо как я призывал к мирному разрешению проблемы. И в Москве говорил об этом, и о том же писал в письме к Ельцину. Почему же вас не устраивает такая постановка вопроса? Вместо того ваш лексикон, все, что пишете, создают нам очень серьезные проблемы.

Я хотел опять что-то добавить в свое оправдание, но тут подошел ко мне С. Лакоба и тихо на ухо сказал:

– Он всю ночь не спал, звонили ему из Москвы и, ссылаясь на статью, пригрозили: запомним, дескать, вашу позицию.

Честно говоря, я тогда здорово обиделся и заметил Станиславу:

– Передай, я пошел собирать свои вещи. Не буду работать, если не могу выразить своего отношения к подобному событию, как война против небольшого народа. – Затем, не попрощавшись, ушел вконец расстроенный.

Вскоре, однако, вернее, на следующий день, произошло наше с Владиславом «замирение».

Утром, часов в 10, раздался звонок. Я подумал: стоит ли брать трубку, коль решил уходить. Но все же поднял и из правительственного аппарата раздалось: «Здравствуй, старик, прошу тебя, если не очень занят, подойди, хочу поговорить». Звонил Ардзинба и по его голосу я чувствовал, что он чем-то сильно озабочен.

«А что мне терять, – подумал я, – пойду и еще раз, уже окончательно, объяснимся, а то вчера так и не смог, да и не дали мне, сказать о моей мотивации».

...В кабинете Ардзинба находился С.Лакоба. Мы поздоровались. Владислав пригласил меня за журнальный столик. Секретарь приемной тотчас занесла три чашки кофе. Я молчал, думая о том, как бы мне сдержанно, не горячась, высказать свою «обиду» и поставить точку на работе в газете.

Владислав, конечно, догадывался о том, что творится у меня на душе. У нас с ним никогда не происходило подобных коллизий, всегда были ровные и уважительные отношения.

Отпив кофе, он поднял на меня глаза и сказал:

– Как ты думаешь, у меня не болит душа за то, что сейчас происходит в Чечне? Содержание твоей статьи, должен заметить, в основном, соответствует реалиям и чувствам всех абхазов. Но эмоции и присутствующий там лексикон – могли бы быть иными. Я, как и ты, да и все нормальные люди, не приемлю эту войну, сопереживаю с чеченским народом. Действительно, народ в тяжелейшей ситуации. Но, уверяю тебя, мы были в еще худшем положении, стоял вопрос: быть или не быть Абхазии. Я пока не могу сказать обо всем: о тех, кто создал нашему народу трагические условия, и о тех, кто заранее предрешил его судьбу. И сегодня, буду откровенен, мы еще не преодолели опасную черту, у нас немало оппонентов, о врагах я уже не говорю – они известны. Как полагаешь, каким образом, в день выхода газеты, твоя статья уже лежала в российском МИДе?

– Грузины, конечно постарались, они это умеют, – вместо меня ответил Станислав Зосимович. – Владислав же продолжил:

– Затем ее подсунули кремлевским чиновникам. Вот так оперативно решают свои вопросы заингурусские недруги. И затем мне звонят из Москвы высокопоставленные лица из окружения Российского

президента и разговаривают как с руководителем враждебного России государства. Приятного, замечу, мало. Представь себе: там, за Ингуром, вызывающая к реваншу Грузия. На другой стороне, за Псоу, кое-кто пытается, в связи с Чеченской войной, также сделать из нас врагов. В таких условиях разумнее всего думать, в первую очередь, о собственном народе. Нас мало, в сравнении, допустим, с той же Чечней. Потому нам необходимы гибкость и осторожность. Мы прошли через такое лихолетье, чего еще раз наш народ может не выдержать. Больно мне, как и всем нам, за чеченский народ и потому, повторюсь, я сделал все, что было в моих силах и возможностях. И Абхазия сказала свое слово, требуя на митингах мирного разрешения имеющихся проблем. И не сомневаюсь, что народ чеченский сохранится. У него большой потенциал. Там вскоре все наладится. Это в интересах и самой России.

– Да и мировое сообщество зашевелилось, поднимает голос в защиту Чечни, не то что в нашем случае, – замечает С.Лакоба.

– А что касается вчерашнего разговора, – после паузы говорит Ардзинба, – допускаю, что был резок, но ты, уверен, поймешь меня: я думал, в первую очередь, о нашем народе, о той непредсказуемой ситуации, к которой может привести эта война. Здесь непозволительны опрометчивые поступки.

Слушая Владислава, я постепенно отходил от чувства обиды. Я понял, что он сделал все, как никто другой, чтобы остановить эту несправедливую войну. Ардзинба предвидел, что война затронет не только Россию и Чечню, но и другие республики Северного Кавказа, что и Абхазия не останется в стороне. Так и случилось: мы оказались на долгие годы в блокаде формально по причине Чеченской войны. А на деле – в результате сговора Грузии с Ельцинским режимом. Продолжилась блокада и после войны. Более того, с 1996 года режим санкций решением СГГ СНГ (Совет Глав Государств – **авт.**) был ужесточен.

Расставаясь с «миром», Ардзинба спросил: «Не дарил ли мне памятные, с абхазской символикой, часы?» Я ответил: «Пока, мол, не удостоен такой чести». Он тут же, достав из шкафа часы, вручил их мне. И пообещал, несмотря на тяжелое финансовое положение в стране, помочь редакции в приобретении бумаги и оргтехники.

В дальнейшем, замечу, газета на регулярной основе освещала события в Чечне: ход военной кампании, переговорного процесса, публиковала интервью чеченских лидеров, в том числе президента Дудаева, и другие материалы. И не одного упрека или замечания в адрес газеты от Владислава так и не случилось. И, что показательно, все его предсказания по поводу дальнейшей судьбы братского чеченского народа оказались провидческими. Свидетельством тому развивающаяся быстрыми темпами Чеченская Республика, а также рост численности чеченцев, насчитывающих ныне почти 1,5 млн.человек. Значит, прав был В. Ардзинба, когда отмечал, что народ, стремящийся к свободе, силой не победить. Так оно и случилось.

У ТЕБЯ СОВЕСТЬ ЕСТЬ, ПОЧЕМУ НЕ ЗАЙДЕШЬ...

После войны, в середине 90-ых, первый час на работе Владислав отводил газетам. Их собиралось ежедневно с десятков, а то и больше. Это была и местная пресса и, разумеется, зарубежная. Но начинал он чтение всегда, так и не изменив устоявшейся привычке, с газеты «Республика Абхазия». Впрочем, вряд ли это было привычкой. К этой газете у него, я чувствовал, было особое отношение. А иначе не могло быть, поскольку он создавал ее, сам придумал название. Также, впоследствии стала называться свободная и независимая, благодаря ему, наша Республика Абхазия.

...Звонок по служебному телефону случился часов в 10 утра. Поднимаю трубку. Не успел сказать обычное «слушаю» как оттуда раздается: «У тебя совесть есть, почему не зайдешь пока я не позвоню!»

Попытался машинально спросить, как водится в таких случаях, «кто говорит» и тут только до меня дошло: это голос Владислава Григорьевича.

– Я ведь недавно был, все вроде обговорили, – отвечаю.

– Если не занят, прошу, зайти, у меня много новых материалов, – сообщает он.

И вот через десять минут я в приемной президента Абхазии. Здесь всегда многолюдно: члены правительства, депутаты, главы администрации районов, граждане по личным и иным вопросам.

Здороваясь, при этом соображая, куда бы приткнуться. Меж тем Раиса Погорелая – помощник президента – говорит: «Сейчас доложу». Присаживаюсь на свободное место. И тотчас дверь в кабинет Ардзинба открывается, и она произносит: «Виталий Зиевич, вас ждут».

Подробно описываю этот эпизод неспроста, а с целью показать то значение, какое придавал глава страны государственной газете, главным редактором которой я тогда являлся, и в целом печатному слову.

...Захожу в кабинет. Владислав на ногах и стремительно идет навстречу, здоровается за руку и, движением головы, показывает на журнальный столик. Но для меня – это лишнее: я не помню, чтобы мы обсуждали ту или иную газетную проблему за, так называемым, представним столом. А журнальный «столик» был достаточно вместительным. Весь забитый газетами, вырезками из них, разными справками и копиями документов, он представлял из себя настоящую творческую лабораторию или, вернее, мозговой центр, где вырабатывалась президентом наша тактика и стратегия по многим «горячим» проблемам послевоенного периода. В том числе и по информационной политике. Об этом говорили важные материалы, публикации и документы, собранные здесь. Адреса этих документов, кстати, были весьма разнообразны. По разным каналам, официальным и неофициальным, они стекались из ООН, Европарламента, Москвы, Нью-Йорка, Тбилиси...

Некоторые из них были на языке оригинала – английском, отдельные места которых были подчеркнуты знакомым мне почерком – рукой Владислава Григорьевича. На полях – его пометки, правда, уже на русском.

Читатель может спросить: зачем столько внимания этим бумагам? Отвечу следующее. Хотя бы потому, что на их основе и по их следам, написаны мною десятки статей, комментариев, политических обозрений и заметок. Идея многих из них – прямо подсказана В.Ардзинба. И вот как это происходило.

Содержание упомянутых документов и материалов зарубежных газет, касающихся абхазской проблематики, нами обсуждалось, как я уже отмечал, за упомянутым журнальным столиком. Здесь же мы обговаривали основные параметры их использования.

Владислав Григорьевич – ученый с именем в научных кругах, доктор исторических наук, академик. Вместе с тем он был весьма скрупулезен, можно сказать, даже строг к тому, что называется небрежностью и поверхностным отношением к делу. Замечал не раз как он отчитывал за то сотрудников, в том числе и высокопоставленных. Однажды сия чаша не минула и меня.

– Ознакомься с этим весьма интересным материалом, – иной раз говорил он, предлагая мне прочесть пятнадцатистраничный отчет или справку прямо в кабинете.

– Прочту на работе, у себя, – отвечаю ему, – здесь на это уйдет много времени.

– Ты о моем времени не беспокойся, – бросает он. – Я хочу знать твое мнение сейчас: стоит ответить или нет нашей газете?

Делать нечего, читаю, причем, медленно и внимательно, поскольку уже раз обжегся. Читал однажды большой отчет Совбеза ООН, пропуская куски текста, пытаюсь уловить лишь смысл документа. Владислав, оказалось, не только курил в это время, но и наблюдал за моим чтением.

Заметив мой прием по экономии времени, пристыдил, упрекнув, что от редактора государственной газеты не ожидал подобного школярства.

Я, растерявшись от того, что он заметил мое ухищрение, стал оправдываться: мне, мол, не по себе в том смысле, что я более часа нахожусь у президента, а в это время в его приемной сидят и ждут премьер, министры правительства, и другие люди. Неудобно как – то получается.

– Не надо оправдываться, – с усмешкой заметил Владислав. – У них свои проблемы, мы обсуждаем не менее важные, не играем же здесь в шахматы, – серьезно произносит он. – Подождут, никуда не денутся. Если ты такой стеснительный, чего за тобой особо не замечал, перед уходом можешь попросить у них извинения, на абхазский лад. Я бы, на твоём месте, того не делал.

На самом деле вопросы, которые мы обсуждали с президентом, были весьма сложными и ответственными. И потому обговаривали в каком аспекте или ракурсе подать их в газете. Касалось это решений Совета Безопасности ООН по Абхазии, проблематики взаимоотношения Абхазии и Грузии, а также с Россией, странами-посредниками – США, Германией, Францией, Великобританией, занимавшими, как обычно, прогрузинскую позицию.

Помимо непосредственного обсуждения, он снабжал меня копиями документов, вырезками из газет по теме, где его рукой были под-

черкнуты основные моменты, на которые следует обратить внимание. Это, в огромной мере, облегчало мне работу над публикациями, придавало уверенности в том, что верно выбрано направление, правильно расставлены акценты, весомы аргументы и выводы. Все это имело значение, поскольку речь шла о большой политике.

За долгое время сотрудничества с президентом я пришел к мысли, что он, систематически и целенаправленно загружая меня вышеотмеченной работой, в тоже время регулярно помогал материалами и советами. Ардзинба, как творческая личность, сознавал, что публицистика – тяжелый труд, зачастую неблагодарный, поскольку газетная публикация живет одним днем. Владислав Григорьевич прекрасно понимал, что писать изо дня в день о наших оппонентах – небольшое удовольствие. Сам не раз утверждал, что успеха в творческой работе жди тогда, когда она, работа, в охотку, близка душе и сердцу. И потому, при наших встречах, Владислав часто повторял: «Терпи казак, дело это нужное, оружиею слова на нынешнем этапе предназначена важная задача – защита наших завоеваний, нашей свободы и независимости».

И в этом я всегда был солидарен с ним.

ПАРТИЮ СОЗДАТЬ МОЖНО, НО ЧТО СКАЖЕТ НАРОД...

Грузино-абхазская война, завершившаяся поражением Грузии, не привела, как предполагали многие, к падению тбилисского режима. Власть Шеварднадзе, не без помощи России и Запада, все же удержал. По выходу из пораженческого шока руководство Грузии повело излюбленную игру с Москвой, рассчитывая политическим путем компенсировать крах своей военной авантюры. Для этого постепенно появились необходимые предпосылки. Россия продолжала заигрывать с Грузией в надежде удержать Тбилиси в векторе своего влияния, а также сохранить свои военные базы. Тбилиси вначале отвечал взаимностью, обещал не спешить со сменой геополитических интересов. Взамен потребовал уступок в «абхазском вопросе». Вот здесь как раз нашла российско-грузинская коса на абхазский камень. В Сухуме о сдаче позиции и не помышляли. И поэтому обстановка в регионе постепенно стала накаляться. Под предлогом Чеченской войны (а на самом деле это был сговор Шеварднадзе с Ельцинским режимом) на границе Абхазии и России были введены жесткие блокадные санкции. На Ингури участились провокации высокопоставленных российских военных: Кондратьева, Соколова и других, пытавшихся организовать с помощью миротворцев массовый, несанкционированный переход грузинских беженцев в Галский район Абхазии.

Масла в огонь противоречий подлило и то, что руководство Грузии в середине 90-х годов отказалось от переговоров, которые велись на основе документов, подписанных ранее, 4 апреля 1994 года Абхазией и Грузией, а также Россией и ООН. К тому времени абхазские и грузинские представители на основе этих документов обсуждали проект

«союзного государства». В нем речь шла о равенстве обоих субъектов, которые должны были войти в единое союзное государство в рамках границ бывшей ГССР. И вдруг, не поставив заранее в известность абхазскую сторону, российский посредник вытаскивает, словно факир из волшебного ящика, новый проект, на поверку оказавшийся грузинским. Там, естественно, нет равенства субъектов, и Абхазии представлялись права, которые выделит ей Грузия. Собственно, это была та самая автономия, которую абхазы уже отвергли. Причем, закончилось все это тогда кровавой войной. Словом, Москва, всюду пыталось ублажить грузинское руководство и, как надеялись кремлевские стратеги, отвести Тбилиси от планов интеграции с Западом. На переговорах, проходивших в 1995 году в Москве, абхазская сторона отказалась обсуждать, по сути дела, грузинскую версию проекта. Тогда посредник, как это было обычным делом в то время, решил надавить на Сухум. Представитель МИД России Б. Пастухов обвинил абхазскую делегацию в срыве переговоров. Недовольство абхазов также вызвало заявление Б. Ельцина о том, что статус Абхазии будет определен парламентом Грузии.

Руководство Абхазии быстро среагировало на откровенно прогрузинскую позицию Российских верхов. С рядом заявлений по ситуации выступил президент Владислав Ардзинба. Он отметил, что сегодня главный стратегический ориентир Российского руководства – сохранить вожделенные военные базы в Грузии, а национальные интересы народа России оказались категориями второго порядка.

Касаясь идеи Ельцина о мирной конференции по Кавказу, Владислав Григорьевич заявил: «Нас никто на эту конференцию не приглашал. Некоторые, вроде господина Шумейко (председатель Совета Федерации Федерального Собрания РФ – **авт.**), полагают, что можно обсуждать проблемы народов и государств без участия самих этих народов. Это затея бесперспективная. То, что обсуждается без нашего участия, никакой силы иметь не будет».

Такая вот резкая по форме, но справедливая по содержанию, реакция Владислава, конечно, не нравилась Кремлевским небожителям. Это и понятно. Раз они решили пособить Грузии в «абхазском вопросе», то лидер Абхазии, по их мнению, просто обязан был уступить,

сдать те позиции, на которые они настаивают. Вот образчик их мышления, озвученный в тот период представителем Ельцина Борисом Пастуховым: «Если даже Абхазия и Грузия по союзному государству между собой договорятся, то Россия это не признает». На что Владислав по этому поводу в газете «Правда» отмечает: «Вот, таков уровень посредничества!»

...В ту пору я часто писал на тему грузино-абхазских отношений. Нередко, по сложным моментам, консультировался с Владиславом Григорьевичем. Он и сам проявлял инициативу, приглашал меня к себе, и, в непринужденной беседе, просто и доходчиво объяснял суть проблем, возникавших на разных этапах грузино-абхазского переговорного процесса. Раскрывал некоторые «секреты» российской и грузинской политической кухни, обращал внимание на противоречия и коллизии, имевшиеся у тогдашних стратегических «союзников». И часто предрекал, что союз этот весьма иллюзорен и что скоро прикажет долго жить. Все это, конечно, было интересно и познавательно: мои статьи, комментарии и заметки основательно обогащались интересными фактами, аналитика становилась более качественной, аргументы – доходчивее, выводы – убедительнее. Такое общение мне, как журналисту, приносило много пользы.

В одну из таких встреч, я поделился с главой Абхазии, как тогда думал, весьма интересной идеей. Это случилось, если не ошибаюсь, сразу после ужесточения режима экономических санкций против Абхазии на Московском саммите глав государств СНГ в январе 1996 года. Это решение было воспринято населением Абхазии как издевательство над народом – победителем. Получалось, что мы, понеся неимоверные жертвы в ходе кровопролитной войны, теперь еще, вдобавок к тому, подверглись жесточайшей блокаде. И, что особенно было обидным, делалось это по указке агрессоров руками Москвы, на которую абхазы десятилетиями, со времени советской власти, надеялись как на защитницу малочисленного, российскоориентированного народа.

Находясь, как и все, в состоянии обиды и разочарования, говорю Владиславу Григорьевичу: «Надо немедленно создать прозападную политическую партию. Пусть знают там, в Москве, что на них, как гово-

рил мне один западный дипломат, свет клином не сошелся. Есть, мол, и другие страны, которые поймут нас, пойдут на контакт с нами. А то ведь, что не скажи и попроси Тбилиси, российские верхи тотчас выполняют. Будто там опять объявился «отец народов». Шеварднадзе никогда не смог бы протащить на саммите, без помощи России, план по ужесточению блокады. Партию, как я понимаю, создавать следует силами общественности, без участия властей Абхазии».

И тут я остановился, заметив, что Ардзинба улыбается. Чем же я его так развеселил? – подумалось мне. Это несколько смутило меня, хотя совсем недавно, на пресс-конференции сам Владислав метал громы и молнии по поводу плана Шеварднадзе-Козырева, направленного на удушение абхазов. Отмечал, что решения глав государств СНГ идут в разрез ранее принятым документам, подписанным сторонами в конфликте, Россией и ООН, нарушают права человека и т.д..

– Значит, полагаешь, чтобы поправить ситуацию необходима партия западного толка? – перебивая мои мысли, спрашивает иронически Ардзинба. – Чтобы, как я понимаю, поднять Запад в защиту Абхазии. Так они же здесь, рядом с нами: и политики, и разведчики, и личный представитель генсека ООН. В Сухуме расположена целая миссия ООН, насчитывающая более сотни человек. А каков результат? Да по большому счету никакой отдачи от них нет. Захоти Запад, ООН, уверен, уже давно выступила с протестом против блокады Абхазии. Сама международная организация, ее влиятельные члены – все они друзья Грузии. В этом мы убедились в ходе войны, то же самое видим и сейчас. Ты же знаешь как Запад, и ООН в том числе, пытались разделить Абхазию по Гумисте. Это дипломаты ведущих западных стран – США и Германии – предлагали очистить Абхазию от абхазов. Дальше, как говорится, некуда. Так к кому будет апеллировать твоя, так называемая прозападная партия? – обращается ко мне Владислав Григорьевич.

– Можно никуда не обращаться. Главное, на мой взгляд, предупредить Ельцинское окружение, что с абхазами нельзя постоянно поступать так, как велят грузины. Что народ, над которым по существу издеваются, моря его голодом, лишая также возможности передвижения, может сменить вектор политических интересов. Ведь мир широк и разнообразен. У нас есть диаспора, проживающая в Турции, в Ев-

ропе. И чтобы там, в Кремле, наконец-то поняли, что мы не будем их вечно просить: смените, дескать, гнев на милость, отмените блокаду.

– Понятно, ты полагаешь, что это хитро задуманная игра, – живо реагирует на мои слова Владислав. – Послушай, а что ты скажешь своему народу, когда будешь выстраивать «прозападную» политику. Это, мол, делается понарошку, чтобы в Москве все эти Козыревы, Пастуховы, Шумейко и прочие, очнувшись, призадумались: если мы с абхазами не станем хорошо обращаться, они, не дай Бог, могут уйти от нас. У них, там, видите ли, диаспора, Турция и Европа в придачу. А если народ не поймет, или что хуже, не захочет понять, что это игра. Ведь люди ныне в тяжелейшей экономической ситуации. Напряжены все их силы, чтобы выдержать блокадный натиск. И психологически они, надо думать, на грани срыва. Нельзя их, тем более в таком состоянии, будоражить нереальными идеями, к тому же и рискованными.

– Но не можем же мы бесконечно терпеть издевательство и произвол в отношении того же народа, – говорю с обидой, – заперли нас, как зверей в клетке и не выпускают. И все это решается в Тбилиси, а затем дублируется в Москве. С Ельцинским режимом у нас ничего не выйдет. До него нам не достучаться. Все наши нынешние беды не столько с Шеварднадзе связаны, сколько с Ельциным.

– Подожди, не кипятись, – останавливает меня Ардзинба, – обида и гнев в политике – самое последнее дело. Причем, запомни, всегда проигрышное. Недаром говорят, что на обиженных воду возят. Вот и нас хотят вывести из себя наши недруги, столкнуть с Российскими верхами. Это золотая мечта грузинского руководства. Ведь Шеварднадзе редко, когда сам что-то решает и делает. Он привык, как это у него водится, чужими руками горячие каштаны из огня таскать. Войну он проиграл. Но ситуацию эту хочет выправить, разумеется, с помощью своего лобби в Москве, добиться, если не военного, то политического реванша. Заметь, в этом вопросе у него в союзниках – однозначно весь Запад. О России этого не скажешь. Здесь разные силы. И Ельцина, думаю, не стоит воспринимать лишь в черно-белом измерении. Нам, конечно, обидно, что он, отстаивая российские военные базы в Грузии, вынужден ладить с грузинским руководством, находить с ним консенсус за счет интересов нашей страны. Впрочем, все это видится пока в

гипотетическом контексте. Мы не собираемся торговать интересами Абхазии. В этом наш народ поддерживают весь Северный Кавказ, Юг России, все республики Российской Федерации, большинство в Государственной Думе, определенные влиятельные круги в исполнительной власти России, российская общественность. Российский же народ, я не сомневаюсь, если, к примеру, провести референдум, в подавляющем большинстве своем будет за Абхазию.

После этих слов, Владислав, призадумался, о чем-то размышляя. Я тоже не спешил продолжать диалог. К тому же, я начал понимать, что моя идея с «прозападной» партией, вряд ли получит поддержку. Да и сомнения, после аргументов Ардзинба, стали одолевать меня: там в России, если не верхи, то хоть народ нам сочувствует, сотни россиян воевало на стороне Абхазии, многие добровольцы погибли за нашу свободу. А на той, Западной, стороне что? Даже, если понарошку, ради политической игры, создавать партию, все равно элементарная логика подскажет: зачем огород городить, коли на том же Западе, ни у кого – ни у политиков, ни у народов – интереса к абхазам нет.

Владислав Григорьевич, понимая, что я думаю над его словами, заметил:

– Коэффициент полезного действия, говоря языком техники, от твоего предложения будет невелик. А вот что касается последствий – они могут быть чреваты. В политике, особенно в отношениях между народами и государствами, нельзя шарахаться из стороны в сторону. Тем более небольшому народу. Трагизм абхазов в 19 веке, особенно его второй половины, заключался как раз в отсутствии сбалансированной политики. Народ, оказавшийся один на один с трагической ситуацией – на острие геополитической борьбы двух великих держав: Турецкой и Российской империи – под давлением обстоятельств оказался в большинстве своем на чужбине. А позже – в меньшинстве на своей Родине. А вот наши оппоненты, сегодня прозывающие Россию «империей зла», тогда избежали подобной участи, самосохранились и приумножили свою численность под крылом той же Российской империи. И сегодня рассчитывают играть роль первой скрипки в Кавказском регионе. С помощью опять-таки России, которую, при случае, называют оккупационными силами и прочими эпитетами аналогичного

свойства. Впрочем, грузинским верхам не привыкать, мягко говоря, к политической гибкости, которую правильной назвать политической изворотливостью. За примерами ходить недалеко. Тот же Шеварднадзе, который ныне спит и видит Грузию пристегнутой не столько к СНГ, сколько к НАТО и Евросоюзу, в свое время вдохновенно восклицал, что солнце для Грузии встает на Севере. Несмотря на столь очевидный географический парадокс, Кремлю это нравилось, а Грузии была большая польза. В ее сторону на протяжении десятилетий нескончаемой вереницей шли составы с хлебом, маслом, сахаром, стройматериалами и прочими благами. Ныне проклинаемая в Тбилиси советская власть в ту пору в лице Политбюро, Госплана и Госснаба чутко относилась ко всем запросам и пожеланиям южной республики. И как только это «сладкая жизнь» была прервана в силу известных обстоятельств, тот же Шеварднадзе, уже, правда, не партийный лидер, а глава демократической Грузии, не смущаясь, враз заметил, что солнце для Грузии, переместившись с Севера, теперь светит с далекого Запада. И, как водится, щедрый Запад не скупится на помощь бедным грузинам.

– Это политика двойных стандартов, – вставляю я свою реплику в речь Ардзинба. – И удивительно, что не пообещают грузины, им верят на слово. И пожинают они неплохие плоды. Все им помогают: русские, американцы, европейцы...

– Сколько веревочке не виться, а конец будет. Есть такая поговорка, – замечает в ответ на мои слова Владислав Григорьевич. – И заметь: никто им не верит. Таких глупцов в мире нет. Просто их пытаются, и не без успеха, использовать в геополитике большие игроки. Грузинские лидеры, понятно, за вознаграждение согласились участвовать в этом. Но это очень опасно. Грузины не столь большой народ, как полагают их лидеры. Нам незачем подражать плохим примерам. Мы должны быть уверены в том, что российский народ не предаст Абхазию. Придут, обязательно появятся у власти в России руководители с чувством национального и государственного достоинства. Они поймут: кто им друг и верный товарищ, а кто просто попутчик до поры до времени. Здесь, на Северном Кавказе, живут наши братья, вместе с нами отстоявшие свободу и независимость Абхазии. Это очень важно для нас во всех отношениях.

Я молчал. возразить мне было нечем. И тогда, завершая разговор на тему создания «прозападной» партии, Владислав сказал так:

– Абхазия должна разговаривать со всеми, в том числе и с Западом и с Востоком. Но крепить дружбу и братство необходимо с Российскими народами. В таком случае мы обретем безопасность и твердую уверенность в завтрашнем дне-и на будущее.

ЕЗЖАЙ В СВОЙ ТБИЛИСИ, ЕСЛИ НИЧЕГО НЕ ХОЧЕШЬ ПОДПИСЫВАТЬ...

В середине 90-х прошлого века в Абхазии царила гнетущая блокадная обстановка. К тому же, режим санкций, ужесточенный в начале 1996 года решением саммита глав государств СНГ, вызвал в абхазском обществе шквал негодования. Все знали, что это сделано с подачи Грузии и под давлением Российской Федерации. Негодовали простые люди, проклинавшие Ельцинский режим и Шеварднадзевскую Грузию. Роптали даже доселе корректные политики. В абхазском парламенте звучали призывы, что пора отказаться от российского посредничества. В любой момент атмосфера в Республике могла стать крайне взрывоопасной. В этой связи Владислав Ардзинба вынужден был заявить в СМИ, что терпение народа не беспредельно. И что в один прекрасный день абхазцы так прореагируют, что это очень сильно аукнется в той же самой России.

...В такой обстановке, утром, часов в 10, мне позвонили из приемной Президента Ардзинба и сообщили, что в 12 часов в Новом Афоне состоится трехсторонняя встреча: России, Абхазии и Грузии. Тема переговоров – грузино-абхазские отношения. И сказали, что это поручение Владислава Григорьевича. Я был удивлен: обычно этим занимался отдел политики газеты. Значит, подумалось мне, в Новом Афоне предстоит неординарное событие.

К 12-ти часам я уже был на месте. На госдаче собрались представители всех СМИ республики. Вскоре подъехал и эскорт президента Абхазии. Поздоровавшись с журналистами, и, поговорив с ними на коротке, Владислав Григорьевич сообщил, что этой встрече он придает важное значение. Заметил также, что вот-вот должны прибыть другие

участники переговоров: Борис Березовский, зам.секретаря Совета Безопасности Российской Федерации и грузинская делегация во главе с Зурабом Жвания, спикером грузинского парламента.

Я подумал: чего особенного ждать от этой встречи, известно ведь, что грузино-абхазские переговоры в последнее время основательно застопорились. Не хотят они подписывать Протокол о создании, по предложению абхазской стороны, так называемого Федеративного Союза, в который Грузия и Абхазия вошли бы на равных правах. И неспроста. Я знал из беседы с Владиславом Григорьевичем, что грузинам на каком-то этапе переговоров посредники пообещали уломать абхазов: не берите высокую планку, их, дескать, мы придавим, и они согласятся на любые ваши условия. И потому, вероятно, Грузия отказалась от ранее принятого решения вести переговоры на основе формулы «Союзного государства», в котором, как уже отмечалось, Абхазия и Грузия признавались бы двумя равноправными субъектами. Таким образом, посредники нарушили основополагающее соглашение – Заявление о мерах по политическому урегулированию, подписанное 4 апреля 1994года Абхазией, Грузией, Россией и ООН, в присутствии Генерального секретаря Организации Объединенных Наций. В заявлении прямо говорилось о возможном воссоздании в будущем конфедерации Абхазии и Грузии.

«Москву теперь почему-то сильно беспокоит территориальная целостность грузинского государства, – с иронией говорил тогда Ардзинба. – А сами, на поверку, готовы подписать с Чечней договор, как с суверенной республикой. Заигрывают с Тбилиси, полагаю, лишь с одной целью – продлить пребывание российских военных баз в Вазиани, Батуми и Ахалкалаки. Но мыслят все же в Москве по старому шаблону, а время – то другое. Хотят здесь играть роль главных кукловодов, и не замечают, что к этой роли больше готовы геополитические соперники России – США и Европейские страны. Грузия держит как раз их сторону. Значит, перспектива для российских баз весьма и весьма плачевна. Здесь и Абхазия не поможет. Я говорил об этом российским руководителям. У меня складывается впечатление, что они не совсем отчетливо представляют обстановку, складывающуюся на Южном Кавказе. Все так же, как раньше, пытаются задобрить наших оппонентов. В тоже

время от нас требуют пойти навстречу грузинским условиям. Теперь не по душе им, как и Тбилиси, «общее государство». Чувствую, что и Москва и Тбилиси, в итоге, определяют Абхазию «широкую автономию». Свидетельством тому известное высказывание Б. Пастухова на минувших переговорах: «Если даже Абхазия и Грузия по союзному государству между собой договорятся, то Россия это не признает».

Эти слова Владислава вспомнились в ожидании российской и грузинской делегации. Прошел уже битый час, а их все еще не было. Подумалось: опять, наверное, грузины забузили. Зачем им эти переговоры, если речь не об автономии. Но, оказалось, что на этот раз они ни при чем: Жвания, оставив сопровождавших его журналистов в фое, прошел в зал заседания. Не явился пока лишь представитель Москвы Борис Березовский. Что могло задержать высокопоставленного российского политика и мультимиллионера по совместительству? – задавался вопросом, полагаю, не только я, но и все, собравшиеся на госдаче. А случилось, как я узнал позднее от Владислава, следующее.

Абхазы в тот день устали ждать гостей. Жвания тоже опаздывал, поскольку ехал на автомашине. Березовский, полетав на МИ-8 над Гудаутским небом минут сорок, вернулся обратно в Адлер. Оттуда по телефону попросил Ардзинба воздействовать на российскую военную базу в Бомборе, которая не приняла заместителя секретаря Российского Совбеза. Получалось прямо-таки трагикомичная ситуация: российские военные не дали приземлиться на аэродром военной базы своему политическому руководителю. И последний теперь апеллирует к абхазскому президенту. Что делать? Официальные каналы – это время, да и неудобно как-то: почему абхазы должны влезать в российские разборки. А что это именно так Владислав, конечно, сразу догадался. Позвонил главе Гудаутской Администрации и дал ему задание: решить этот вопрос с командованием базы, со ссылкой на него, на Ардзинба. Через некоторое время ему сообщили: Березовский может смело лететь на базу, здесь его примут. Таким образом, минут через 30-40 переговорщики в полном составе приступили к своим обязанностям.

Журналисты, в свою очередь, за неимением другого предмета интересов (переговоры проходили в закрытом формате), обступили сотрудников Бориса Абрамовича. Видно было, что те не отошли еще от

шока: случившееся в небе над Гудаутой их сильно потрясло. Мы тогда не знали подробностей, но их реплики и негодование давали пищу для осмысления случившегося чрезвычайного происшествия.

– Борис Абрамович, – заметил один из его помощников, – никогда не простит им (имелись ввиду российские военные –авт.) такого отношения к себе. Он не из тех, кто забывает о нанесенном оскорблении. И у него имеются все возможности для наказания виновных.

Остальные, сопровождавшие Березовского, сидели молча, не вступая в разговор. Наблюдая за ними, я видел, что все сотрудники Совбеза, приехавшие с Борисом Абрамовичем, были людьми сугубо гражданских профессий, далекими от военной сферы. Пытался также понять – отчего такая неприязнь армии к Березовскому? Все же, видимо, оттого, подумалось мне, что, во-первых – богат, а таких в России никогда не привечали, во-вторых – окружил себя сплошь своими людьми, в-третьих, это... пресловутая пятая графа.

...День клонился к вечеру. Пошел пятый час переговоров. Уже объявлялось несколько перерывов. Во время одного из них, спросил Министра Иностранных Дел Абхазии Сергея Шамба:

– Как думаешь, что-нибудь получится, согласится Жвания подписать документ?

– Вряд ли, – ответил он, – тянет, как всегда, время, в надежде, что уломают нас их союзники на автономию. – Я вот соображаю, как увести его от гнева Владислава, который, это уже заметно, еле сдерживает себя.

Воспользовавшись приоткрытой дверью в зал заседаний, я решил послушать, о чем там говорят. Заглянув внутрь, замечаю за столом переговоров Березовского, а затем, сидевшего чуть поодаль Жвания. Ардзинба был виден только со спины. Он, как я понял, говорил о необходимости принять уже не раз согласованный документ, требовал не уходить отсюда с пустыми руками. Утверждал, что людям надоело ждать, что надо разруливать ситуацию и не избегать решения проблем. Березовский энергично так, как бы соглашаясь с Владиславом, кивал головой.

Тут в речь Ардзинба вставляет какую-то реплику Жвания, но слов я так и не расслышал. И тотчас раздается гневный голос Владислава:

– Зачем ты приехал сюда, если не хочешь ничего подписывать. Езжай в свой Тбилиси, и чтобы духу твоего больше в Абхазии не было! – со злостью говорит Ардзинба. – И в этот момент с места вскакивает Березовский и громко кричит:

– Перерыв, перерыв, господа! После продолжим...

...Минуло время. Я, как-то по пути в Сухум, заехал на госдачу в Новом Афоне. В разговоре с комендантом коснулся темы недавних переговоров с участием Березовского, Ардзинба и Жвания. Я спросил: что было за рамками переговоров?

– Мы накрыли стол, как обычно это делали для гостей, к обеду, но прождали до восьми вечера, – отвечал комендант Ясон Бганба. – Переговоры, как знаешь, завершились раньше и безрезультатно. Но после, когда все вышли наружу, почти час уговаривали Владислава Григорьевича поужинать с гостями. Он не соглашался: «Я с этим гусем тбилиским за стол не сяду», – отвечал он непреклонно на слова увещевания.

В стороне стояли, о чем-то разговаривая, Жвания и Березовский с сопровождающими лицами. Они, разумеется, ждали, что их вот-вот позовут за стол. В какой-то момент Березовский, видимо, особенным чутьем ощутивший что-то неладное, оставив Жвания, подошел к Ардзинба. Все наши враз замолчали.

– Владислав Григорьевич, – вроде невзначай заметил он, – говорят, я, правда, не пробовал еще, что абхазская кухня весьма своеобразна и что там ни одно блюдо без аджики не готовится. Такое может быть? – глядя на Владислава, спрашивает Березовский.

Доселе стоявший с мрачным видом Владислав, вдруг, во весь голос рассмеявшись, отвечает:

– Сейчас увидим, Борис Абрамович, так ли это. Прошу всех к столу, – радушно сказал он и вместе с Березовским направился в сторону банкетного зала.

Я напомнил Владиславу об этом в свое время, чтобы узнать о роли Березовского в грузино-абхазских переговорах, о его отношении, в частности, к нам – абхазам.

– Человек он непростой, – ответил Ардзинба. – Бывший ученый, доктор наук, ныне – богатейший бизнесмен и очень влиятельный политик, близкий к семье Ельцина. Насколько я знаю, у него общий биз-

нес с мужем дочери российского президента. Политикой он занимается, как я понимаю, в виде приложения к финансовой деятельности, правильнее будет сказано, для ее стимулирования.

– Интересовался ли он, в качестве бизнесмена, возможностями создания каких-нибудь проектов в Абхазии?

– Понравилась ему наша Пицунда. Территория, конечно, а не эти жилые коробки на берегу. У него развито, это заметно, острое коммерческое чутье. Он заметил сразу, что на Пицундской земле можно построить современный курортный комплекс, не уступающий лучшим курортам Средиземноморья. Неспроста же он предложил за это место значительную сумму в долларах.

– Неужели пожелал закупить весь курорт Пицунда, – удивляюсь я.

– Вот-вот, и не только курорт, а всю территорию, вместе с землей, – улыбается Ардзинба. – Для таких, как Березовский, деньги решают все. Для него не секрет, что Абхазия сильно нуждается в деньгах, скуден наш бюджет, что поступления финансовые ограничены из – за блокады. Предложил двести миллионов долларов. Я ему ответил, что согласен. Правда, только на аренду. Таковы наши законы, объяснил ему, и торговать посему государственной собственностью не имеем права. На что он, с сожалением, заметил: «Жаль, пропадает хороший проект, да и деньги вамгодились бы».

– Только Пицунда запала ему в душу? – вставляю я реплику.

– Интересовался также Борис Абрамович и Новоафонской горами, – продолжил тему Владислав. – Восхищаясь красотой тамошней природы, говорил мне: «Завидую вам, Владислав Григорьевич, у меня собственность на Лазурном побережье Франции, есть подобное и в других местах. Но такой красоты, как здесь, в Афоне, я еще не видел. Наверное, почти каждый день наезжаете сюда?» – восторгаясь, спрашивал меня. Я же ему отвечал, что не бывал здесь уже продолжительное время. Обстановка, мол, не позволяет отдыхать на природе. Вот, однако, по случаю вашего приезда, сделал исключение. В ответ Борис Абрамович, то ли восторженно, то ли удивленно, развел руками. Я тогда понимал, что Березовский выступал не только как тонкий ценитель природного ландшафта. Он, видимо, таким образом, раз-

мышляя, прикидывал в уме какие финансовые выгоды принесли бы ему эти богатства. Но это, к слову. На самом деле, будучи зам.секретаря Совбеза России, он активно подключился к грузино-абхазскому переговорному процессу. Весома его роль, к примеру, в подготовке приложения к Протоколу «О грузино-абхазском урегулировании», что мы обсуждали тогда в Новом Афоне. Я думаю, что он, конечно, преследует определенные цели. Ведь престижно и для него сдвинуть создавшуюся ситуацию с мертвой точки. Да и на той упомянутой встрече Березовский, как я видел, старался сблизить наши позиции, пытался сбить накал страстей. Это внешняя сторона проблемы. А что там за кулисами – трудно сказать. Факт в том, что, образно говоря, переговорный воз и поныне там. В этом, конечно, целиком и полностью вина грузинской стороны и ее всесильных опекунов, – так закруглился тогда Владислав Ардзинба.

ДА, ЭТО Я – БОРИС ПАСТУХОВ...

Война против Абхазии начиналась не только по воле правителей Грузии. «Блиц-криг», спланированный грузинами, «благословили» различные «центры силы», как на Востоке, так и на далеком Западе. И такое развитие ситуации Ардзинба не исключал еще до начала агрессии.

В 90-е годы прошлого столетия в одном из своих интервью, вскрывая роль Шеварднадзе, как зачинателя агрессивной войны, Владислав отмечал: «Я уверен, что он получил на это полное согласие. Наверно, с лидерами могущественных государств обсуждался такой вопрос. Допускаю, Шеварднадзе заверил их, и разрешение на это не заставило себя ждать. Мы же не наивны: хорошо понимаем – достаточно было одного звонка, чтобы танки остановились. Судья по всему, такого звонка не было. Я же пытался в этот день, 14 августа 1992года, дозвониться до Тбилиси, но никто не брал трубку. И я понял, что «старшие братья» демонстрируют: Абхазия – наглядный пример того, как будут наказаны другие, если появится у кого-либо мысль отделиться от «извечной» территории».

Владислав Григорьевич, глубокий аналитик, с первых дней войны понял, что на руководство ведущих стран мира рассчитывать не приходится. Как и на международные организации, ими же образованные и субсидируемые. Было ясно, что никто не остановит агрессора, кроме самой Абхазии и ее основного союзника – братских народов Северного Кавказа. И потому Владислав направил все свои усилия на мобилизацию собственных сил и ресурсов, взаимодействие с влиятельными общественно-политическими движениями Северного Кавказа, Юга-России, с определенными кругами Российской элиты и общества.

И все же, замечу, даже осознавая, что особой отдачи ждать не приходится, он написал в период войны 16 официальных обращений в адрес Организации Объединенных Наций. Та же, игнорируя жалобы абхазской стороны на протяжении всей войны, проводила политику поддержки агрессии Грузии.

Главным защитником Абхазии в мире выступил, в основном по собственной инициативе, Конгресс Народов Кавказа (КНК). Несмотря на гонения российских властей, пошедших даже на арест президента КНК Мусы Шанибова, организация возглавила добровольческое движение из республик Северного Кавказа и казачьих регионов в Абхазию. С первых дней войны, по призыву Конгресса, сотни добровольцев труднопроходимыми горными тропами пробивались в Абхазию. А здесь, у нас в Гудауте, с самого начала агрессии, находился штаб организации, руководимый координаторами КНК.

И только позже, после освобождения от оккупантов Северо-Западной Абхазии, широкомасштабного мартовского 1993 года наступления абхазских войск, показавших, что абхазы близко подошли к своей цели – освобождению оккупированных территорий, политическая ситуация начала меняться.

Российские правящие круги, встревоженные взрывоопасным положением на Северном Кавказе, отступили от части своих планов. И, вместо однозначной поддержки Грузии, предприняли некоторые меры, в основном на словах, создавая видимость учета интересов абхазского народа. Так, после майской 1993 года встречи лидеров России и Грузии, Б.Ельцин заявил следующее: «Наша позиция неизменна, это: целостность Грузии, однако, и абхазцы должны чувствовать уважение своих прав. Здесь надо подумать о разграничении функций». Другим шагом в направлении смягчения позиций, после выше отмеченных переговоров, в отношении Абхазии свидетельствует его заверение в том, что сначала будет прекращен огонь, а затем начнется вывод тяжелой техники из зоны конфликта, то есть из Абхазии. Как известно, без тяжелой техники воевать невозможно. Значит, тем самым, в завуалированной форме, отмечалось условие вывода войск Грузии из Абхазии. Именно об этом, как известно, настойчиво ставил вопрос лидер Абхазии 3 сентября 1992 года во время Московской встречи глав России, Грузии и

Абхазии. Но тогда Москва, однозначно поддержав Грузию, и, исходя из своих целей, отвергла то самое предложение, к чему вернулась много месяцев спустя.

И теперь, когда возникла тревожная ситуация на Юге России, было принято решение о прекращении огня и перемирии с 20 мая 1993 года. Итак, Россия решила играть, говоря спортивным языком, не в одни, как раньше, абхазские ворота. И, чтобы продемонстрировать некую равную удаленность от участников конфликта, Б.Ельцин назначил своим специальным представителем в Абхазии Бориса Пастухова, первого заместителя министра иностранных дел Российской Федерации.

В этот же время Запад также не оставлял своего подопечного Шеварднадзе один на один с Москвой. Там, на Западе, видимо, рассудили: а вдруг, мол, сломается – не выдержит давления: российского и абхазского. Хотя, конечно, там понимали, что Россия ведет свою игру. Но с подозрением смотрели на то, что иногда, в ходе конфликта, интересы Абхазии и Москвы совпадали. И, чтобы глава Грузии не пал духом после заявления Ельцина о выводе тяжелой техники, представители СБСЕ заверили его в своей поддержке. Они обещали внимательно наблюдать за происходящими в Грузии процессами и правдиво информировать мировую общественность. Усилила опеку Эдуарда Амвросиевича и ООН, Генсек которой назначил своим спецпредставителем в Грузии Эдварда Брунера.

Таким образом, те, кто способствовал, или, по крайней мере, не остановил эту несправедливую войну, обзавелись теперь своими специальными представителями. Каждый из них, понятно, работал на своего патрона: этот – на Запад, а тот – на Россию. Иной раз, казалось, что разные у них подходы и интересы и они вроде не совпадают. Ан нет, когда дело касалось Шеварднадзе всякая объективность исчезала, как у одного представителя, так и у другого. Словно Эдуард Амвросиевич обладал волшебной дирижерской палочкой: взмахнет ею и поют они, вопреки тому, что говаривал классик литературы, «песни Грузии печальной», которую своенравные и неразумные абхазы почему-то постоянно обижают. Вот так и не меньше.

За это они, эти самые спецпредставители, становились объектом эмоциональной, и вместе с тем, беспощадной критики Владислава Григорьевича.

Как-то я спросил его:

– Стоит ли ему тратить нервы и энергию на критику тех, кто не вершит большую политику, а всего лишь исполняет волю своих всемогущих начальников.

– Вот так, наверно, многие и думают: чего это Ардзинба разоряется на людей, у которых немного власти, и те или иные решения по Абхазии от них не зависят. Сие, замечу, большое заблуждение. И вот почему. Нас постоянно ущемляют, поступают несправедливо по отношению к нам. С этим мы сталкивались и во время войны, и в настоящее время это имеет место. Я же прекрасно понимаю, что происходит подобное не по воле Пастухова или кого-то еще. Такие решения принимаются на самом верху. Но не могу же я все что говорю в адрес того же Бориса Николаевича Пастухова, сказать тому, кого он представляет – его высокопоставленному тезке – президенту Российской Федерации. В таком случае, учитывая накал моей критики и темперамент Ельцина, нам, абхазам, оставалось бы сделать только одно: объявив войну России, сразу ей же сдаться. – Улыбнувшись, Владислав Григорьевич, продолжил: – Я, в свое время, поразмыслив, построил свою тактику в этом вопросе так. Пусть лучше терпит мою критику, а она всегда по делу, личный представитель. И не сомневаюсь, что по главным проблемам, мое отношение к тому или иному вопросу, без всякого сомнения, ретранслируют настоящему адресату, тому, кто принимал решения, вызывающие у абхазов негативное к ним отношение.

Теперь понятно, отчего такая зубодробительная критика в адрес Пастухова, подумалось мне. Она, конечно, справедлива, поскольку зачастую с нами поступают не только не корректно, а просто нечестно. Возьмем, к примеру, послевоенный период. Нам выкручивали руки: договаривайтесь, мол, с грузинами, хотя бы за счет существенных уступок, вплоть до сдачи собственных интересов. Будто бы не мы, а грузины выиграли войну. Но кого это интересовало, если Борис Ельцин пожелал ублажить Шеварднадзе за счет уступок по Абхазии и пристегнуть Грузию крепко – накрепко к СНГ. Дабы, как говорится, не смотрело Сакартвело в сторону вождя Запада.

Вот именно эти задачи был призван решать спецпредставитель Российского президента. Должен был сильно стараться, в ином случае –

враз заменят на более расторопного. Вот и выкладывался Пастухов и... попадал, образно говоря, под «горячую руку» Владислава Григорьевича. И не только он один, нередко в компании с другими оппонентами Абхазии. Вот любопытный пример того. Цитирую Ардзинба из интервью газете «Правда» середины 90-ых годов: «Есть определенный круг влиятельных лиц, стоящих не на принципах посредничества, а лоббирующих определенные интересы. Я имею ввиду Шумейко (Председатель палаты Совета Федерации – **авт.**) и Пастухова. Откровенно говоря, меня потрясает использование столь бездарных политиков... Шумейко всякий раз считает необходимым пройти по Абхазии. По существу выступает в роли платного грузинского провокатора...».

Такую оценку личности и действиям третьего лица в Российской Федерации, исходя из табели о рангах, дает Владислав Ардзинба, руководитель небольшого Абхазского государства. По заслугам, как говорится, и «честь». Шумейко в то время, исполняя заказ грузинского лидера, обвинял абхазов в поддержке Чечни, создании на территории Абхазии лагерей по подготовки боевиков, снабжении их оружием. Таким образом, он способствовал ужесточению режима санкции против нашей республики.

Досталось тогда и Пастухову, по поводу которого Владислав Григорьевич отмечал: «По окончании последнего раунда переговоров Пастухов сделал заявление для печати. В доказательство того, что мы плохо себя ведем, Пастухов напоминает: «Остаются открытыми принципиальные политические вопросы грузино-абхазских взаимоотношений, а также такие острейшие проблемы, касающиеся жизней тысяч и тысяч людей, как возвращение беженцев, восстановление разрушенной кровопролитным конфликтом экономики региона. И все это в условиях, когда не работают железнодорожный и воздушный транспорт, не хватает топлива и электроэнергии, а на пороге осень и зима». Что же получается? – возмущается Ардзинба выводами Пастухова. Но адресует следующие слова не столько ему, сколько тем, кто установил жестокую блокаду: «Блокировать границу, обрекать народ на голод и лишения, перекрывать транспорт, не давать горючего – а потом говорить, что жалеет народ?! Это откровенный цинизм», – делает Ардзинба нелицеприятный для российских верхов вывод.

Ясно, что столь острая критика из уст Владислава Григорьевича направлена против организаторов антиабхазских санкций. И вот четкое подтверждение того, кто несет ответственность за лишения и тяготы, порожденные блокадой. Владислав прямо говорит об этом: «Наши проблемы, прежде всего, связаны с МИДом России. Бездарная политика, которая проводится в отношении Абхазии – это политика МИДа. Это трактовка чиновников, которые до сего дня полагают, что их начальник живет в городе Тбилиси», – такую негативную оценку российской политике выдал абхазский лидер на страницах газеты «Правда» 1995 году. Это, разумеется, вряд ли могло понравиться обретавшимся на российском политическом олимпе. К тому же, понятно было, что даже при прогрузинском Козыреве, все-таки главной вектор российской политики определялся не столько в МИДе, сколько в Кремле. Но Владислава Григорьевича, знавшего, и не понаслышке, о всех хитросплетениях отношений, имевших место в жизни и деятельности Ельцинского режима, ничто не могло остановить, когда речь шла о судьбе Абхазии и ее народа. Таким образом, вероятно, накапливалось недовольство строптивым лидером, который, по выражению того же Пастухова, был очень упертый, и ни за что не шел на компромиссы в ущерб абхазским интересам, чего постоянно от него требовали влиятельные покровители Грузии. Это и Ельцинская Россия, страны – друзья Грузии: США, Германия, Франция, Великобритания. А кто еще из сильных и могучих государств оставался в стороне?

Абхазия в ту пору была одинока в этом мире. Но у нее перед другими странами, борющимися за независимость, было разительное преимущество – Абхазию возглавлял в тяжелейшую пору лидер, который смело, в то же время и гибко, умел отстоять ее интересы, причем в борьбе с представителями ведущих государств мира. В этом, поистине титаническом единоборстве, наряду с талантом политика и дипломата, львиную долю успеха приносила его непреклонность в сочетании с предвидением тех политических процессов, которые должны были свершиться, по расчетам Ардзинба, в будущем. Он всегда верил в то, что тяжелая обстановка, растянувшаяся на годы, изменится к лучшему, в пользу Абхазии. Владислав ждал этих перемен, потому и обнадеживал свой народ, отмечая: «Рано или поздно, Россия все равно признает Абхазию».

А тем временем, в условиях удушающей блокады, он твердо противостоял натиску Грузии и ее союзников. Отвечая на вопрос российского журналиста – с чем он связывает свои надежды в очередном раунде предстоящих грузино-абхазских переговоров, Владислав Григорьевич, отмечал: «С тем, что грузинская сторона поймет, что и ей надо идти на компромиссы. Пока что они знают одно: в Москве им обещали – не беспокойтесь, мы так задавим этих абхазов, что они поднимут руки и сами к вам побегут! ООН тоже не торопится, потому что им г-н Пастухов обещал: вы подождите, мы их так придушим, что они на все условия согласятся и любые договоры подпишут. Не будет этого!»

Эту твердость лидера в отстаивании прав и интересов Абхазии, безусловно, ясно и четко ощущали и в ООН, и в Москве и в Вашингтоне. Кстати, это в Госдепе США, там, где, по сведениям недавних интернет открытий г-на Асанджа, любят давать нелицеприятные характеристики и прозвища руководителям государств, глава Абхазии тоже удостоился внимания. И, как он сам говорил мне, получил лестную на его взгляд, характеристику и прозвища «Упертый» и «Бешеный». В одном случае «Упертый» в значении, мол, что твердо защищает интересы своей страны. В другом – делает то же самое, но с энергией, достойной лучшего применения. Скажем, в сторону согласия и на предмет уступок Грузии. Тогда бы он, вне всякого сомнения, был бы определен в «сонм» толерантных политиков, пользующихся расположением сильных мира сего. Как на Западе, так и на Востоке.

Но «упертого» Владислава, не только в одночасье, но и вовсе было не изменить. Более того, его можно лишь привести в «бешенство» античеловечной блокадой, устроенной согласованными действиями Москвы и Тбилиси, при поддержке Западных стран. И он, поминая того же Пастухова, предупреждает истинных виновников бедственного положения своего народа: «Вы понимаете, какое циничное «сострадание»: господин Пастухов сам создает такие условия, и он же «льет крокодиловы слезы» по поводу того, что в Абхазии сложилось такое положение. Как можно при таком посреднике вести переговоры по мирному урегулированию?»

Конечно, Пастухов – не посредник. Он всего лишь личный представитель российского президента. Посредник – это Россия, возглав-

ляемая Борисом Ельциным, опекуном и подельником Эдуарда Шераднадзе. Вот куда метят стрелы критики Ардзинба: хватит, дескать, издеваться над нами, иначе можем подумать о смене посредника. Смелый, заметим, шаг. Владислав, однако, всегда считал, и я это не раз слышал от него, что альтернативы России, как посреднику, нет.

За что тогда, спрашивается, страдал Пастухов? За то, вероятно, чтобы и к нам прислушивались российские верхи.

Я, в свое время, спросил Владислава Григорьевича – в каких он отношениях с Борисом Николаевичем Пастуховым, общается с ним или все-таки в ссоре?

Владислав, от души посмеявшись над моими словами, заметил:

– Отчего мне ругаться с Пастуховым, он что – у руля большой политики? Он всего лишь исполнитель, прошедший известную школу: комсомол, партию. Хорошо угадывает пожелания начальства, неукоснительно исполняет свои обязанности. Здесь, впрочем, все понятно. Таким должен быть и мой личный представитель, и любой другой. Правда, поубавить нужно гонор, что он-де представляет великую страну. И выбирать выражения в более осторожной нейтральной форме: не с туземцами неразумными ведь разговаривает. К тому же, если и рыльце-то в пушку перед абхазами.

Я также напомнил Владиславу случай, имевший место в военное время: дескать, представителя великой державы выставили с заседания сессии Верховного Совета маленькой страны, к тому же еще частью и оккупированной.

– Пастухова никто не выставлял, – ответил Владислав. – Понятно, что решался вопрос войны или перемирия с грузинами. Дело это сугубо абхазское. И посторонним при обсуждении подобных вопросов на сессии быть не рекомендуется. Тем более, что Пастухов был заинтересованным лицом. Это Россия поставила вопрос и добилась Сочинских соглашений от 27 июля 1993года. И с подачи Грузии. Мы уже находились на подступах к Сухуму, грузинские войска были деморализованы. Шеварднадзе испугался, что не удержит город. В российские планы не вписывалась победа абхазов и поражение грузин.

События после перемирия показали, что Владиславом Григорьевичем сделан совершенно точный анализ ситуации. Июльское со-

глашение было принято под давлением России и в интересах Грузии. доказательством тому, что, после перемирия, не один пункт соглашения грузинами не был выполнен. Кстати, Россия не справлялась тогда с миротворческой миссией. Поэтому, предвидя это, многие депутаты Верховного Совета Абхазии противились Российской инициативе. Считая, что Москва дает Грузии передышку, возможность собраться с силами и остановить абхазское наступление. Другая, правда, часть депутатов полагала, что и нам нужно собраться с силами, поскольку велико было напряжение народа, ограничены людские и материальные ресурсы. Так характеризовал обстановку в тот период и Владислав Ардзинба.

В связи с этим вспоминается такой эпизод. Главнокомандующий Вооруженными Силами выступает с экрана телевидения с призывом к населению поддержать войска, штурмующие столицу Абхазии – Сухум. После обращения Ардзинба, на следующее утро в Гудаутский районкомат явилось подкрепление, которое Владислав Григорьевич незамедлительно... отослал по домам.

А случилось это так. После сообщения из военкомата, Владислав решил сам посмотреть на новобранцев, от которых, возможно, зависел успех наступления.

На небольшой площади стояли рядами, отдельно друг от друга старики и подростки, пришедшие по призыву главнокомандующего. Возраст одних явно превышал 60-летний рубеж, а то и более лет. Чуть дальше, было видно, выстроились совсем юные, по всему ученики восьмых, девярых и десятых классов.

Владислав тогда, долгим и пристальным взглядом окинув собравшихся, громко, во весь голос скомандовал:

– Приказываю, до особого случая, всем разойтись по домам!

Он в тот момент, как вспоминал много позднее, прямо-таки кожей ощутил, какова цена наступления наших Вооруженных Сил. Резерва практически не было. Народ, истекая кровью, выжимал из себя все, что было в его силах. Разве должен был знать об этом тот же Пастухов?

...Перед началом сессии Верховного Совета я занимался выпуском газеты в типографии. Чувствовал, что опаздываю на заседание, на котором должны принять решение: быть или не быть очередному

перемирию с грузинами. У всех тогда было ощущение, что нас опять хотят обмануть. Знали мы, что резервов нет, и что отказаться от перемирия в любом случае невозможно. Россия надавит. За отказ, как это водится, закроет границу. И сразу станет ясно: кто в доме хозяин. А без снабжения, известное дело, Абхазия не выдержит тяжелое бремя войны.

С такими мыслями я вошел в здание Гудаутской районной Администрации и направился в зал заседаний, где должны были собраться депутаты Верховного Совета. Посмотрев на часы, понял, что опаздываю весьма прилично: минут на тридцать. Тем не менее, поднявшись на второй этаж, вхожу, как я тогда называл прихожую, в предбанник, тускло освещавшийся слабосильной лампочкой. Здесь, за неимением соответствующего места, иногда в углу, я хранил в первые дни войны энное количество газет – так называемый архив.

Собрался было, открыв дверь, войти внутрь, в зал заседаний, как в этот момент мое внимание привлек силуэт человека, сидевшего в одиночестве на одном из двух стоявших здесь стульев. Попытался разглядеть незнакомца с поблескивающими очками на лице, как и я, подумалось, опоздавшего на сессию.

В это же время, в ответ на мое пристальное внимание, из полутемного угла раздалось:

– Да, да, молодой человек, это я – Борис Пастухов, заместитель министра небольшой страны – России, сижу в прихожей Верховного Совета великой Абхазии. И терпеливо жду решения депутатов: быть ли миру или войне?

Я вначале растерялся. Не верилось, что в «предбаннике» сидит спецпредставитель президента Российской Федерации. Но факт оказался налицо. Мне было совестно, оставив гостя в одиночестве, пройти в зал заседаний. К тому же, я видел, что здорово припозднился. И потому, раздумав идти на сессию, присел рядышком с Борисом Николаевичем. И, видимо, в знак благодарности Пастухов вкратце поведал мне суть происшедшего.

– К началу работы сессии я был в зале, даже выступил с сообщением о желании России остановить войну, начать переговоры о мире, об условиях, на которые согласна Грузия. Все шло вроде нормально.

Но затем, перед обсуждением этих предложений, – заметил Пастухов спокойным тоном, но не без доли сарказма в голосе, – Владислав Григорьевич предложил покинуть сессию, сказав, что мне сообщат решение депутатов. И вот я здесь, в прихожей: жду, как велено, вердикта абхазских парламентариев.

По словам Пастухова, по его интонации, я видел, что Борис Николаевич не очень-то и в обиде на Владислава Ардзинба. Осознавал, полагаю, что причина происшедшего в зале заседании – прогрузинская политика российских верхов, проводником которой он, по существу, являлся и в этот раз. В подобных ситуациях Пастухову, как он это уже не единожды испытал, послаблений и любезностей от главы Абхазии ожидать не приходилось. И июльский случай 1993 года – тому подтверждение.

ЕХАТЬ В ТБИЛИСИ НАДО, ХОТЯ ЕСТЬ СОМНЕНИЯ...

В Тбилиси убили, отравив ядом, главу Абхазской Советской Республики Нестора Лакоба. Отравитель, что доподлинно известно, руководитель Грузии Лаврентий Берия. Заказчик сего злодейского акта, что тоже не секрет, Иосиф Сталин – «отец народов», обретавшийся в Москве.

Об этом знают все, ничего здесь нового не открываю. Но хочу отметить: это коварное убийство абхазского лидера так и не стало уроком для нас – абхазов.

Полагаю, читатель задастся вопросом – чем продиктовано столь категорическое утверждение? Отвечу так: некоторыми, не совсем ясными, обстоятельствами загадочной болезни, приведшей к гибели другого нашего выдающегося лидера, основателя современного абхазского государства Владислава Ардзинба. Так же, кстати, съездившего в грузинскую столицу в разгар грузино-абхазского противостояния. Но начну все же по порядку.

...В первой половине августа 1997 года в Сочи состоялась встреча президента Абхазии и министра иностранных дел Российской Федерации. Как позже отметил Ардзинба, это была инициатива Евгения Примакова. Он сообщил Владиславу, что едет в Тбилиси и приглашает его с собой. Владислав отказался от предложения шефа МИД России, пояснив, что, в принципе, всегда готов встретиться с грузинским лидером, но на нейтральной территории.

Затем, как я знаю со слов Ардзинба, Примаков, сославшись на Бориса Николаевича Ельцина, заявил, что на поездке главы Абхазии в Тбилиси настаивает президент России. На это Владислав Григорьевич

ответил, что решение будет принято в Сухуме, и об этом он известит Примакова. На том они и расстались.

Вернувшись в Сухум, Владислав собрал небольшое число руководящих лиц и объявил им следующее: ему предложено Москвой встретиться с Шеварднадзе в Тбилиси 14 августа. И тут же добавил: он готов к встрече, она действительно нужна, много вопросов накопилось. Но есть и некоторые сомнения. Встреча назначена в Тбилиси, а не на нейтральной территории. Дата ее проведения – 14 августа, что тоже воспринимается негативно.

– Что скажете по этому поводу? – обратился Ардзинба к присутствовавшим на совещании руководителям.

Никто не отвечал. Молчание затягивалось. Владислав Григорьевич, окидывая взглядом собравшихся, верно, подумал: «Вряд ли кто-нибудь что-то скажет. Может быть не стоило сразу подчеркивать, что поездка в Тбилиси – это инициатива Москвы».

В это время прозвучало:

– Считаю, что в рамках обозначенных условий, которые здесь озвучены, встречаться нецелесообразно, – так категорично высказал свое мнение С. Лакоба.

– Это почему же, Станислав? – сразу подметив откровенную категоричность Лакоба, спрашивает Владислав Григорьевич.

– В основном вы сами уже сказали об этом: это и дата встречи, что весьма кощунственно для ее устроителей, и место, где она должна проходить, что также наводит на печальные воспоминания, – аргументировал свою позицию Станислав Зосимович.

– Но, товарищи, – теперь уже ко всем обращается Ардзинба, – в Москве, на самом верху, я уже говорил вам, предлагают нам эту встречу. К тому же, хочу еще раз подчеркнуть, что встреча нужна и нам. Если там наметятся подвижки по грузино– абхазским взаимоотношениям, договору о неприменении силы, возможно, появятся основания для, если не снятия, то хотя бы смягчения режима санкции. Надо же нам что-то делать, чтобы вырвать народ из тисков удушающей блокады! – эмоционально заключил Владислав.

– То, о чем вы говорите, эти проблемы давно обсуждаются и в Москве, и в Женеве, и в Нью-Йорке, а подвижек как не было, так и нет.

Меня все же беспокоит, повторяюсь, и дата встречи, намеченная, словно назло нам, на 14 августа. И, если хотите, еще больше тревожит другое: мы забываем о судьбе Нестора, как поступили с ним именно там, в столице Грузии. В Тбилиси, кстати, не ездит, опасаясь за свою жизнь, даже лидер Аджарии Аслан Абашидзе. А мы находимся в состоянии войны с Грузией, – однозначно негативно высказался снова Лакоба.

Эти слова, видимо, задели Владислава. Он встал, посмотрел внимательно на молчавших соратников, и, убедившись, что никто не изъявляет желания выступить, резко отреагировал на слова Лакоба:

– Вот ты, Станислав, обрати внимание: все согласны с поездкой, а ты один против. Я думаю, ты не прав. – Все промолчали. Не стал больше говорить и Владислав. На том тогда и завершили совещание.

В назначенное время, 14 августа, абхазская делегация во главе с Ардзинба отбыла в Тбилиси. Летели из Сочи вместе с министром иностранных дел Российской Федерации Евгением Максимовичем Примаковым. Для тех, кто не знает, или запамятовал, сообщу, что в свое время Примаков был директором Института Востоковедения. Там же, под его началом, трудился в должности заведующего сектором Владислав Ардзинба, вначале кандидат, а затем доктор исторических наук. Позже Примаков возглавлял Службу внешней разведки России. И, несомненно, был хорошо осведомлен о «тайнах тбилисского двора»

Прилетели в Тбилиси благополучно. Когда Примаков и Ардзинба сошли с трапа самолета, они оказались в окружении большого числа высокопоставленных грузинских руководителей. Это было несколько не привычно для абхазского лидера. И он машинально замедлил движение. Примаков же, отделившись от Владислава, и сделав рукой подобие реверанса в сторону грузинской публики, громко провозгласил: «Вот видите, я привез вам Ардзинба!»

Кто-то скажет, наверное, по поводу странного экспромта главы Российского МИД, что сей театрализованный жест простителен для того, кто значительное время жил и общался с грузинами. И является, к тому же, почетным гражданином г. Тбилиси. Но с другой стороны, подобная выходка высокого официального лица есть некое подобие цинизма, характерного для тех, кто привык вершить большую политику. И при этом распоряжаться судьбами людей по своему усмотрению. Если, в нашем случае, это – ни кое – что похуже. Но об этом разговор ниже.

Если оценивать коэффициент полезного действия той поездки и встречи с Шеварднадзе по прошествии определенного времени, то можно отметить, что польза от этого была нулевая. Никаких договоров тогда подписано не было. Приняли лишь заявление, в котором сторонами декларировались пожелания не применять силу в решении грузино-абхазских проблем. А вскоре, менее чем через год, в мае 1998г., Грузия сотворила очередную военную авантюру с целью отрыва от Абхазии Гальского района.

В итоговой пресс-конференции, которая состоялась после поездки в Тбилиси, Ардзинба высоко оценил роль Примакова, выполнявшего, по словам Владислава Григорьевича, «непосредственное задание Б.Н.Ельцина». Эти слова я слышал самолично и отразил в своем отчете, опубликованном в газете «Республика Абхазия» 20августа 1997года.

В то же время я обратил внимание, что аргументируя необходимость поездки в Тбилиси, Владислав привел совершенно иные обстоятельства того, как появилась идея самой встречи.

– Во время беседы с министром иностранных дел РФ Евгением Примаковым (она состоялась в Сочи по инициативе Примакова –авт.), который 14 августа собирался в Тбилиси, – отмечает Ардзинба, – мне было предложено поехать вместе с ним.

Получается, что вначале Примаков от своего имени предложил Ардзинба поехать в Тбилиси, а затем, когда тот отказался, появилось предложение Ельцина. В этом-то как раз нестыковка и двусмысленность. Как все же понять: по своим личным или российским делам отправлялся Примаков в Тбилиси, или же ехал туда все же в роли посредника по поручению президента Российской Федерации?

Мне кажется, что подобное ощущение испытывал Владислав Григорьевич. Поэтому он, собрав политический «консилиум», вынес вопрос поездки на обсуждение. Те, кто хорошо знал Владислава, должны помнить: подобные серьезные проблемы он решал самостоятельно. Или же отдельно с кем-нибудь из руководства. Так это происходило всегда: отбывал ли он в Москву или Нью-Йорк, в Женеву или Стамбул... Или в тот самый Тбилиси во времена Гамсахурдиа.

Странно и то, что в столице Грузии, как отмечал Ардзинба, Примаков практически не участвовал в процессе переговоров, занимаясь,

видимо, личными вопросами. Так в чем же заключалась его роль, как посредника? Выходит, привез лидера Абхазии, и, тем самым, завершил свою миссию.

Размышляя об этой поездке, и, проводя некоторые параллели, прихожу к выводу, что та пресловутая встреча никакой реальной пользы не принесла, а вот вопросов поставила не мало. Кстати, по прошествии некоторого времени, я не раз слышал от Владислава Григорьевича, что, после поездки в Тбилиси, застопорился переговорный процесс, что Шеварднадзе избегает новых встреч, что до него невозможно дозвониться и решить текущие проблемы.

– А вот раньше такого за ним не водилось, – подчеркивает Владислав, – был вежлив и внимателен, если даже не выполнял обещанного, а теперь просто избегает разговора и контактов. Словно выжидает чего-то.

Эти размышления Владислава тоже наводят на определенные мысли. После войны Шеварднадзе, как известно, сам искал контактов с Ардзинба, не раз встречался с ним, в том числе и в Абхазии. А после randevu в Тбилиси, где Владислав Григорьевич, к сожалению, переночевал в правительственной резиденции, Шеварднадзе больше так и не встретился с главой Абхазии, несмотря на неоднократные предложения о том абхазского лидера. Действительно, это было похоже на то, что он чего-то упорно ожидал. Кстати, в этом плане не проявляли инициативы и посредники.

Шло время. И, совершенно случайно, общаясь с Владиславом по делам служебным, однажды заметил, к своему удивлению, что он переворачивает страницы довольно напряженно, не одним или двумя пальцами, как это водится, а чуть ли не пятерней. Еще раньше, помню, как-то в беседе, он поделился со мной, что у него проблемы с деснами, от того и слова некоторые ему трудно выговаривать.

После этого я стал внимательнее присматриваться к нему. Это было не трудно, поскольку наши встречи были регулярными. И видел воочию, что болезнь (Владислав уже знал, что это не десны), прогрессирует: говорить ему стало тяжелей, страницы и слова давались с трудом.

В одну из наших встреч, заметив мое пристальное внимание на то, как он переворачивает всеми пальцами руки страницу, Владислав сказал:

– Знаешь, старик, болезнь моя что-то сильно затянулась, никак не могу выйти из этого состояния...

Тогда, потрясенный его признанием, я молчал. Не знал, что ответить, как, какими словами, поддержать этого, сильного духом и волей, человека.

– А ведь тогда, когда собрался ехать в Тбилиси, – вновь заговорил Владислав Григорьевич, – я спросил, собрав наших, как быть? – Москва настаивает, министр иностранных дел от имени руководства России предлагает поехать и дает гарантию, что все будет нормально. И только один человек был против поездки, остальные все согласились... Вот так это и произошло, – тихо, словно себе, заметил он.

Я совсем растерялся, когда до меня дошло, о чем подозревал Владислав. Хотя в Абхазии многие уже связывали его болезнь с той роковой поездкой в Тбилиси. Но для меня стало шоком то обстоятельство, что об этом же думал и сам Владислав.

И все же я нашелся, заметив с опозданием, что бывает так, когда болезнь вначале затягивается во времени, а потом, в одночасье, отступает. И еще что-то говорил в этом роде.

Владислав, выслушав мое дилетантское, с точки зрения медицины, утешение, улыбнулся и перевел разговор в другую плоскость.

ПОСТСКРИПТУМ. Позже, когда обострилась борьба за власть, Владислав в своих интервью и обращениях часто иронизировал над своей болезнью и теми политиками, которые пытались, вместо сочувствия, спекулировать на его недугах. Делал это весьма остроумно, иной раз посредством острого словца, пословиц и поговорок. Так, к примеру, устами Ардзинба сообщалось, как говаривал классик, что «слухи о моей смерти сильно преувеличены». Это означало, что, дескать, не спешите рваться к власти, я еще живой. Другой раз прибегал к абхазской пословице, которая гласила: «Упавшего с дерева, змея укусила». В интерпретации Владислава это был призыв к чести и совести оппонентов: недостойно, мол, согласно абхазским меркам и традициям, власти ради добивать заболевшего. Не исключено, что заложенный в контексте смысл был гораздо глубже. Об этом, однако, нам уже не дано знать.

ХОЧУ БЫТЬ ВАШИМ ОБОЗРЕВАТЕЛЕМ...

Владислав Григорьевич, постоянно, на регулярной основе, занимаясь политической и государственной деятельностью, в тоже время, как мне виделось, всегда стремился к творческой работе. Почти в каждом интервью на вопрос журналистов, как местных, так и зарубежных, – чего бы он желал больше всего в личном плане? – отвечал без колебаний: только одного, возвращения к истокам, к научной работе, в частности, в Абхазский институт гуманитарных исследований.

Владислав, как я также догадывался, всегда лелеял мысль о том, что он когда-то должен заняться публицистикой, писательским делом. Понимал, разумеется, что тот огромный объем информации, который он держал в своей феноменальной памяти, надо было закрепить в письменном виде. Тем самым, оставить в наследство потомкам бесценные исторические сведения о нашей переломной судьбоносной эпохе. Но пока этого не получалось: лихолетье войны, послевоенная блокада требовали постоянной титанической деятельности иного характера. Здесь лидер нации, глава государства выступал как военный организатор, полководец, талантливый дипломат и прозорливый политик, отдавая все свои силы и знания защите интересов народа и государства.

Но тяга к творчеству все же не отпускала его даже в таких условиях. Как-то, пригласив меня к себе домой, где уже находился его помощник Астамур Тания, Владислав Григорьевич обратился к нам обоим со следующим предложением.

– Не могли бы вы помочь мне в одном деле, – начал он разговор, – замыслил я писать воспоминания о пройденном пути. Это и работа в Москве, в Верховном Совете бывшего Советского Союза, и события минувшей войны, и время послевоенного становления абхазской го-

сударственности. У меня много информации накопилось в виде документов, еще больше – в голове. Надо успеть все это подготовить к печати, жаль будет, если не обнародовать такие материалы.

Тогда мы согласились с просьбой Владислава Григорьевича помочь ему. Хотя я так и не понял до конца – в чем заключалась наша роль. Редактировать Владислава? Это поистине смешная постановка вопроса. Я проработал долгое время в руководящих структурах при разных режимах, повидал многих руководителей. Одним, помнится, писал тексты выступлений, другим – готовил материалы для печати. Дело доходило даже до сочинений как панегириков для соответствующих торжественных мероприятий, так и траурных речей для отошедших в мир иной. Всякое было.

Но Владислав Григорьевич никоим образом не походил на подобных руководителей: он все делал сам. Писал собственноручно речи, свои выступления перед людьми, обращения к депутатам парламента, официальные письма политическим и государственным деятелям разных стран мира. Только генсеку ООН за время войны направил шестнадцать тщательно отработанных в политическом плане писем.

И когда сегодня некоторые личности, ничтоже сумняшеся, представляют себя чуть ли не авторами некоторых выступлений Владислава, в том числе связанных с началом войны, это выглядит просто смешно, и рассчитано сие все же на простаков.

Глава Абхазии, будучи харизматической личностью, обладая в совершенстве даром убеждения, прямо приковывал своей речью внимание аудитории. Вспомним, хотя бы его известное выступление в Верховном Совете СССР, прозвучавшее в июне 1989 года. Оно явилось для нас – абхазов в эмоциональном отношении, уверен, со мною многие согласятся, самым радостным потрясением за последние десятилетия нашего безрадостного сожительства с грузинами. Не только абхазы, но и представители всех народов бывшей великой страны, присутствовавшие на съезде народных депутатов, затаив дыхание, слушали абхазского оратора. Впрочем, я уже это где-то отмечал, что Владислава с интересом слушали и те, кто его страстно ненавидел – наши оппоненты. Таково свойство выдающейся личности, коим и был Первый Президент Абхазии.

И потому, замечу, мне не совсем была ясна задача, которую тогда ставил нам Владислав Григорьевич. Это позже, много лет спустя, я догадался, что он имел в виду под помощью. Видимо, разбор материалов, диктовку машинистке подготовленного текста и некоторые другие моменты технического характера. К сожалению, у него в те годы так и не нашлось свободного времени для реализации задуманного.

Но тяга к творчеству не отпускала Владислава Григорьевича, требуя использования этого потенциала в том или ином формате. И вот, однажды, Владислав Ардзинба – глава Абхазии становится обозревателем газеты «Республики Абхазия». Правда, под разными псевдонимами.

Об этом факте мало кто знает. Предыстория этого, неординарного случая такова.

Как-то, после обсуждения редакционных проблем, Ардзинба вдруг неожиданно сказал:

– Хочу сотрудничать в газете.

Я был удивлен, и, не уловив его мысль сразу, ответил:

– А разве мы не сотрудничаем?

– Да нет, – говорит Владислав, – ты не понял: я хочу писать, как корреспондент, обозреватель, комментатор, название не имеет значения, главное – творчество.

Мне подумалось: «Да откуда у него на это время?» Он, почувствовав мои сомнения, тут же заметил:

– Это не блажь, старик, обещаю по мере возможности давать вам материалы. – У меня немало их накопилось: из архивов, из закрытых фондов. Разве это не интересно? – словно бы он уговаривал меня.

Мне все-таки не верилось: при его загруженности и еще подготовка материалов для газеты – это слишком.

Владислав Григорьевич, чувствуя мой скептицизм, уже горячо, можно сказать, даже запальчиво, восклицает:

– Слушай, что плохого в том, если я стану вашим корреспондентом.

– Хорошо, мы будем только рады, – все еще удивляясь, соглашусь с ним.

Президент Абхазии, как крупный ученый, даже будучи загруженный государственно-политическими проблемами, при любой малей-

шей возможности, окунался в архивные тайны. Еще в Советское время, он, как народный депутат и член Верховного Совета, имея доступ в закрытые фонды архивов, стал обладателем большого количества материалов по абхазской проблематике. Эти сведения, под грифом «совершенно секретно», казенным, канцелярским языком повествовали о всех тех злодеяниях, совершенных в Абхазской республике в течении десятилетий сталинско-бериевским репрессивным режимом. Ряд материалов Владислав передал абхазским ученым для разработки темы, многое, полагаем, осталось в его личном архиве.

В газете «Республика Абхазия» впервые были опубликованы некоторые из этих материалов под редакцией Владислава Григорьевича и с его комментариями. Например, под рубрикой «Белые пятна истории», которую он вел под псевдонимом Чыгрыц Джыр-ипа, был напечатан материал под заголовком «Как абхазские крестьяне относились к созданию колхозов». Это – спецсводка НКВД по гудаутскому уезду под грифом «Совершенно секретно», датированная 1930 годом. Она предваряется комментарием ведущего Ч.Джыр-ипа(В.Ардзинба), разъясняющего подоплеку крестьянских волнений в Абхазии в пору колхозного строительства в бывшем СССР.

Интересна характеристика, которую дал Владислав руководителю абхазской республики Нестору Лакоба: «Выдающийся сын абхазского народа Н.Лакоба, используя свой авторитет и влияние, смягчил процессы коллективизации и вывел тем самым из –под удара большие массы крестьян. Дело это было в ту эпоху не легким и весьма опасным», – подчеркивает Ардзинба. Далее в комментарии он делает вывод о том, что «Эту щадящую политику Лакоба запомнили враги абхазского народа Сталин и Берия, подписавшие ему смертный приговор».

«Как расхищали имущество греков» – так называется другая публикация, напечатанная в газете под рубрикой, которую вел Ч.Джыр-ипа. И здесь материалы под грифом «Совершенно секретно» из личного архива Владислава Григорьевича. К ним дается его глубокий и острый комментарий. Понимая, что для газеты материал объемный, Ардзинба сам разбивает его на части, и, чтобы публикация легче и увлекательнее читалась, предпосылает каждой из них привлекательные подзаголовки. Звучали они так: «Технология грабежа», «К грекам при-

шла беда, а грузины заняли их дома», «Судья Ехвая: возвращения греков не допущу», «Берия: ваш дом передается переселенцу». Словом, и в журналистской «кухне», как видим, Владислав явил себя профессионалом.

Завершается это большая публикация таким выводом В.Ардзинба: «Всевластие Сталина и Берия, их местных наймитов трагическим образом отражалось на судьбе как греков и абхазов, так и других народов, населявших бывший СССР. Забыть такое – значит допустить возможность повторения тех злодеяний».

Вызывают интерес аналитические заметки Чыгрыца Джыр-ипа, подготовленные на основе архивных материалов, опубликованные затем в двух номерах газеты «РА» под заголовком «Грузинские источники о событиях апреля 1967 года». Автор разбивает объемный текст на части с подзаголовками: «Письмо восьмерых», «Виноваты...отдельные представители абхазской интеллигенции», «Д. Г. Стуруа: «Статья академика Бердзенишвили не содержит ничего оскорбительного для абхазцев...».

Владислав Ардзинба, рассматривая ситуацию апреля 1967 года, дает глубокую трактовку тех событий, определяя их в целом как «гневный протест абхазского народа против неуклонно ширившейся грузинской экономической, политической, культурной и демографической экспансии в Абхазии».

Совершенно справедливы, безусловно, выводы Владислава Григорьевича, когда он отмечает, что «Эти материалы (имея ввиду грузинские архивные источники – **авт.**) – своеобразный взгляд со стороны на абхазские события, и в тоже время наглядный пример того, как грузинская репрессивная машина использовала партийную идеологию и партийный аппарат для подавления свободлюбивых устремлений абхазского народа».

В публицистическом багаже В. Ардзинба есть также и другие, написанные им под псевдонимами, статьи, политические заметки, критические комментарии, сатирические реплики. Но об этом в другой раз.

БУДЕТЕ УМАЛЧИВАТЬ ПРАВДУ – ПОСЛУЖИТЕ КРИМИНАЛУ

– Виталий Зиевич, доброе утро, – раздается в трубке знакомый голос, – Владислав Григорьевич дает интервью Абхазскому телевидению сегодня в 11 часов. Просил зайти.

– Николаевна, зачем я там нужен, – говорю чисто машинально помощнику президента, хотя знаю, что идти придется. – Ты же помнишь сколько у нас проблем по утрам – сама работала в редакции.

– Ничем не могу помочь, Зиевич, – роняет Раиса Погорелая, – президент меня предупредил, чтобы ты обязательно был на записи.

– Ясно, значит буду, если по-другому нельзя, – соглашаюсь с ней.

Владислав Ардзинба периодически приглашал меня к себе, когда готовил свои телевыступления. О пресс-конференциях вообще не говорю – редко какую из них пропустил. Может, когда был в отпуску.

Вот завершает он свое интервью или беседу, и, пока операторы и режиссер сворачивают свое хозяйство, спрашивает: «Ну как, ребята, получилось, или можно было еще поработать...»

Нас, после ухода журналистов, в таких случаях оставалось с ним несколько человек: помощники, председатель телерадиокомпании, иной раз и я. Мы, как правило, всегда давали хорошую оценку выступлениям президента. А как иначе, если он мастерски справлялся с поставленной задачей. Я не раз, повторяюсь, было очевидцем того как он экспромтом, с первого захода, выдавал интервью или беседу. Конечно, тема обговаривалась заранее. Но детали и частности – это, разумеется, был его конек. Но бывало, что вся беседа или интервью в целом готовились спонтанно, на основе того же экспромта. И у него здорово получалось. Всем нравился его стиль речи или письма, когда это касалось

печати. Всегда избегал в своих выступлениях штампованных фраз и избитых выражении, так называемых клише и прочего словесного арсенала косноязычной партийно-советской бюрократии. Люди, с затаенным дыханием, что касалось и его оппонентов, внимали ему. Зритель и читатель сразу подмечали, что Владислав искренен в помыслах, чувствовал и переживал те проблемы, которые беспокоили и народ. И, в сравнении с ним, бывшая партноменклатура, пребывавшая в том же золотом парламенте, а позже на высоких государственных постах, своими шаблонными речами и выступлениями, навевала на аудиторию легкую саркастическую грусть по канувшему в лету времени.

Словом, Владислав, в силу своей харизмы, захватывал внимание аудитории, а затем уже, за счет безупречной логики и великолепного ораторского искусства, держал слушателей и зрителей в напряженном состоянии. Он, иногда, как не раз говорил об этом, и сам не предполагал подобного эффекта. Впрочем, таково свойство талантливой личности. Природа, щедро одаривая выдающимися способностями подобных людей, по всему скупно регламентирует их число. Это, кстати, заметно и по многовековой истории человечества. Все это, однако, к слову об ораторском таланте Владислава.

Теперь о том, почему он приглашал меня и не только, при подготовке своих телеинтервью и бесед. Лишь с одной целью, замечу: ему нужна была не только собственная, но и посторонняя оценка выступления, и, как говорится, по «горячим следам». Взгляд со стороны, известно, иной раз подскажет то, что не заметит собственное око. Владислав, как я понимал, строго придерживался этого правила. К тому же, он обладал, хотя некоторые это отрицали, способностью прислушиваться, подчеркну, к дельным советам. Я нередко убеждался в том на практике. Но не все его окружавшие, к сожалению, решались делать это.

...Когда я зашел в кабинет Владислава Григорьевича, там уже было много людей: режиссеры, операторы, сотрудники пресс-службы, помощники. Я кивнул ему головой, он, заметив меня, встал из-за стола и, пожав руку, указал на кресло подле журнального столика. Это стало для меня ритуалом: все мои встречи с Владиславом много лет проходили за этим рабочим, довольно внушительных размеров «столиком», всегда загруженным различного свойства бумагами.

Сел и жду, наблюдая за суетой журналистов. Владислав Григорьевич стоит подле стола и о чем-то сосредоточенно думает. И совсем не значит, что он в этот момент, когда ему режиссер закрепляет микрофон, размышляет о том, что будет говорить в своем интервью. Думать так, волноваться накануне – это удел людей посредственных, тех, кому обозначают, что и как говорить.

Наконец, камера направлена на президента и он начинает интервью с общественно– политической ситуации. Конечно, учитывая блокадное состояние, он не минует грузино-абхазского переговорного процесса, который, как всегда, на «мертвой» точке. Затем – экономика. Это важная тема. Режим санкции тяжелым грузом придавил сельское хозяйство и курортную сферу. Выход, по Владиславу, один: опора на собственные силы. Если, мол, выдержим в экономическом плане, значит, выстоим и в политическом. Что ж, все верно. Ведь нас пытаются взять измором: надоест, дескать, абхазам сопротивляться всему мировому сообществу, и сдадут они свои позиции. Такой исход предполагают могущественные оппоненты абхазской свободы как на Западе, так и на Востоке. И рады будут в Тбилиси: наконец, свершились их замыслы. Не бывать тому, твердо заявляет в микрофон Владислав, мы никогда не сдадим свои позиции! Свобода и независимость Абхазии– не являются темой обсуждения, подчеркивает он. И затем переходит к нашим внутренним проблемам. Они – болезненно жгучи. В республике, несмотря на финансовую бедность, есть все признаки коррупции, поднимает голову криминал. Происходят убийства и похищения людей, грабежи и разбои. Владислав Григорьевич говорит открыто, не лакируя негативные проявления, призывает все общество занять активную позицию в борьбе с этим злом. Одна милиция вряд ли справится с этими преступлениями, утверждает он. Есть факты участия в них и тех, кто с оружием в руках отстаивали свободу и независимость Родины. Но бывшие заслуги – не охранная грамота для людей, преступивших закон и совершающих уголовные преступления. Мы никоим образом не позволим подобным «авторитетам» своевольничать в стране, насаждая свои порядки, – твердо заключает Владислав.

И затем он приводит в пример некоторых лиц, имени которых не помню за давностью времени. Причем называет их, при этом, криминальными элементами или что-то в этом роде.

После этого интервью скоро завершается. Телевизионщики удаляются вместе со своим начальством. Остаемся в кабинете несколько человек. Я все также сижу подле журнального столика и жду вопроса президента. В таких случаях он всегда спрашивал – какие у меня будут замечания.

Но в тот раз Владислав вначале обращается к сотрудникам своей Администрации: «Что скажете, ребята, наверно можно было и лучше сделать?»

– Все хорошо получилось, – отвечают ему. – Вы осветили главные темы, те вопросы, на которые хотели получить ответы наши граждане. Правильная оценка дана преступным элементам: люди устали от блокады, а к тому еще – криминальный беспредел...

– Это действительно так, – подключается к разговору и президент. – Граница закрыта, люди не могут вывезти на продажу продукты своего труда, зарплата мизерная, пенсия и того меньше. А тут еще воры, грабители – все на голову простому человеку. Знаете, получается по той известной абхазской поговорке, которая гласит: «Упавшего с дерева, змея укусила».

– Не так ли? – обращается ко мне Владислав Григорьевич. – А ты почему молчишь, что, никаких замечаний нет?

– Почему же, есть два предложения. Одно серьезное. Надо убрать фразу или внести в нее коррективы. Второе замечание – это на ваше усмотрение.

– Вот те раз, – удивляется Владислав, – отчего сразу не сказал, пока все были здесь.

– Не мог, – поясняю, – при журналистах считаю не этичным делать замечания президенту. Могут не понять правильно.

– Так что же тебе не понравилось. Теперь можешь объяснить? – настойчиво допытывается Владислав Григорьевич.

– Конечно скажу. Вот вы там говорите о конкретных людях, наших гражданах, что они ведут себя, как сущие преступники, и, дескать, они связаны с криминалом и тому подобное. Но на каком основании вы это утверждаете, Владислав Григорьевич, причем на всю республику. Ведь еще не было следствия, и суд также не вынес своего вердикта. Я бы лично, – продолжаю, – этого не делал, не говорил в таком контексте.

Хотя, конечно, в ваших словах содержится, как говорится, сермяжная правда, но есть рамки закона...

– Вот видите, – теперь, оказывается, и о преступниках сказать ничего нельзя, – возмущается искренне Ардзинба. – Рамки закона нам – де мешают... Если будете умалчивать факты, если так пойдет дальше, вас могут заставить и послужить криминальному миру, а кое-кто у нас хочет именно такое выстроить государство.

– Ты как смотришь на это? – обращается ко мне Владислав.

«Зачем он так» – мысленно спрашиваю себя, а вслух, как понял позже, опрометчиво говорю:

– Я вряд ли послужу им, возраст не тот, а вот ваши молодые сотрудники могли бы, – вроде пошутил я, и тут же пожалел о сказанном.

Владислав все еще молчал, но его молодые сотрудники враз встали на дыбы: «Не будем мы служить никому!» – с обидой восклицали они, укоризненно глядя в мою сторону.

Тут включился Ардзинба и шуткой, как он умел всегда, разрядил обстановку. И пока он о чем-то говорил с ребятами, я, встав из-за журнального столика, потихоньку ретировался из президентского кабинета.

ПОСТФАКТУМ Вечером смотрел телевидение. С удовольствием еще раз послушал интервью Владислава Григорьевича. И, конечно, заметил, что объект нашего злополучного обсуждения уже характеризовался на экране совершенно в ином ракурсе, в соответствии с законом и презумпцией невиновности.

ПРОЗВИЩЕМ «БЕШЕНЫЙ» НАГРАДИЛ МЕНЯ ГОСДЕП

Это было в конце 90-х, когда Владислав Ардзинба принял за короткое время ряд высокопоставленных дипломатов ведущих стран мира. В течение, если не ошибаюсь, недели Абхазию посетили послы США, Германии, Франции и Великобритании в Грузии. Они и до того прибывали к нам через неофициальную грузино-абхазскую границу. Это, кстати, тоже вызывало недовольство нашего соседа – России, власти которой нервно и подозрительно смотрели на вояжи западных политиков в Абхазию.

Я, при случае, спросил Владислава Григорьевича о причине столь массированного внимания к нам, особенно в последнее время.

Он, как это водилось за ним, за словом в карман никогда не лез, и на этот раз остроумно заметил: «Думаешь послы моим здоровьем интересовались или их заботило благосостояние нашего народа ? Ничего подобного. Они ныне озабочены другим».

Сказав это, Владислав замолчал. Я решил, что он размышляет: «Стоит ли раскрывать истинную цель приезда высокопоставленных дипломатов».

Это еще больше подогрело мое любопытство. И я, предположив, что он сделает встречное движение, напомнил ему то, о чем когда-то уже вскольз рассказывал ему.

– Есть среди дипломатов, – тихо начал я, – которые иной раз рассуждают нестандартно, а порой и удивляют своими выводами, выходящими за официальные рамки знакомой нам политики.

– И кого ты из таковых знаешь, – вышел из задумчивости Ардзинба, – мне было бы интересно послушать...

– Например, Ливиу Бота, спецпредставитель Генерального секретаря ООН, я как-то говорил с ним «тет-а-тет».

– А мы с г-м Бота, – усмехнувшись заметил Ардзинба, – десятки раз встречались по всевозможным проблемам и, думаю, что, немного представляю его образ мышления, но, тем не менее, чем он все же удивил тебя?

– Я рассказывал об этом, не припоминаете? – спрашиваю его.

– Помню, но смутно, – говорит Ардзинба. – Времени немало прошло с тех пор, расскажи вкратце. Мне нужно это для сравнения минувших реалий с нынешней ситуацией, чтобы провести некоторые параллели: о чем говорилось тогда и какие требования ставятся сегодня.

Теперь я начал соображать, что дело вовсе не в памяти Ардзинба, а в другом. И, по-моему, все это каким-то образом связано с его недавними встречами с западными дипломатами.

По поводу его цепкой, я бы сказал феноменальной, памяти, приведу такой эпизод. Весной 94-го, в один из выходных, я с 8-ми летним сыном Энвером пришел в нашу знаменитую кофейню на Набережной. Туда же, это было редким явлением, подошел Ардзинба. Поздоровавшись со всеми, он спросил у сына – как его зовут и сколько ему лет, на что получил ответы. Побеседовав еще некоторое время с любителями кофе и политики, он поднялся и, уходя, с подначкой заметил: «Спешу, мол, на работу. И, после выразительной паузы, добавил: «в огород». Шутка, тем самым, для нас всех означала: не кофе единым живет человек, тем более весной, и в блокадной Абхазии.

Где-то уже в году 2002-ом, встречаясь с ним на Пицундской даче по делам газетным, я был несказанно удивлен неожиданным вопросом, прозвучавшим в заключение нашего разговора.

– Как живет твой сын Энвер, с которым я познакомился в кофейне, на набережной? – спросил он меня. – Ему, наверное, пошел семнадцатый, если тогда, как я помню, было восемь. Так ведь? Значит, скоро школу закончит. Видишь, как незаметен ход времени. Дети быстро растут и взрослеют, это отрадно. Передай сыну от меня привет, – сказал Владислав на прощание.

Про память – это к слову. Тогда же, по просьбе Ардзинба я, как мне казалось, коротко поведал ему о нашей с Бота встрече, состоявшейся

по его инициативе в стенах редакции «Республика Абхазия». Отметил, при этом, что он пришел в редакцию, я так и не понял точно, в сопровождении то ли охранника, то ли переводчика, который остался ждать в приемной, общаясь с секретарем и прихлебывая кофе с минералкой.

Г-н Бота удивил меня тем, что прилично владел русским языком, был раскован в беседе, не чурался затрагивать острые проблемы, был оригинален в выводах, особенно в сравнении с другими коллегами-дипломатами. Это, видимо, то обстоятельство, о чем хотел еще раз услышать от меня Ардзинба. И потому не останавливал меня, когда я отмечал те моменты, о которых он знал намного больше и раньше, чем я.

В начале диалога г-н Бота довольно прямолинейно спросил: «Почему мы ориентируемся только на Россию?»

Я ответил: «А что, в отличие от России, предложил нам Запад, чтобы, допустим, абхазы не смотрели только в одну сторону»

Бота: «Но Россия вам объявила, в отличие от Запада, жестокую блокаду, закрыла границу, отрезав вас от всего мира, это же очевидно»

– А разве Запад протестовал против этого, рассмотрел и осудил эту ситуацию в ООН, которую, кстати, вы, господин Бота, представляете? Об этом не раз просила абхазская сторона, вы же в курсе.

Бота: «Если бы не односторонняя позиция Абхазии, не все, но многие влиятельные страны мира помогли бы вам в преодолении послевоенной разрухи, в восстановлении экономики, оказали бы финансовую помощь».

– Запад – далеко, а Россия – рядом. К тому же, вы только говорите, а действий – никаких. Если даже они есть, так только в пользу Грузии. Западные политики предлагают нам только одно – вернуться в состав Грузии. Не так ли?

Бота: «Г-н редактор, вы, извините, все же заблуждаетесь в последнем тезисе. У нас нет интереса, чтобы Абхазия вернулась в состав Грузии. Это дело самих абхазов: как им жить и с кем жить. У нас есть другое мнение», – говорит он, пристально глядя на меня.

– Хотелось бы знать, в чем оно заключается?

Бота: «Вас закрывают, вам не помогают, а вы все равно за них держитесь, причем так единодушно и безальтернативно, будто, как это говорят по русски, свет клином на них сошелся... Ну, вы понимаете, о чем я говорю».

– Так, так, давай дальше, уже становится ясно, к чему клонит Бота, – заметив, что я замолчал, припоминая подробности той беседы, подгоняет меня Владислав.

Я ответил Боте: «Нам – абхазам, судя по вашим словам, следует ориентироваться не только на русских, но и на другую часть мира, на страны Запада, скажем. Или нет?»

Бота: «Совершенно верно, г-н Чамагуа, но это не я, а вы сказали. И, думаю, правильно. Мы вам не враги и повторяю – нет такой цели у западных стран, чтобы Абхазия, вопреки ее воле, вошла в состав Грузии».

– Словом, я понял так, – господин Бота, – что нам надо держаться паритета в отношениях Запад-Россия.

Бота: «Вот-вот, правильные слова – именно паритет, это будет верный выбор на данном этапе».

– Примерно так завершился тогда наш разговор, – обращаясь к Владиславу, сказал я.

– Да, весьма занимательно, но вот что я тебе скажу, – говорит Ардзинба, – Ливиу Бота разговаривал с тобой достаточно откровенно, как с журналистом, руководителем средства информации. При этом он пытался убедить тебя в благосклонности стран Запада к Абхазии, признаков которой, однако, что-то не видно. Зато от нас уже требуют паритета во взаимоотношениях Абхазии с ними и с Россией.

– Скажи откровенно, ведь некоторые положения из речи Бота тебе понравились, особенно те места, где он говорил, что никто не принуждает Абхазию силком вступать в Грузию, о том же паритете. Не так ли? – спрашивает Ардзинба. – Можешь не отвечать, – продолжает он, – вижу, что я попал в точку. Эти слова многим могут понравиться. Но на самом деле – это чистейшей воды демагогические речи. Где ты видел или слышал, чтобы представители Запада официально декларировали наше право на независимость, на самостоятельное существование вне Грузии. Этого, естественно, на официальном уровне нет и в помине. Так что, кроме пустых слов, они ни одного шага нам навстречу не сделали, чтобы мы могли им поверить и сотрудничать с ними активно. А, впрочем, разве мы не сотрудничаем? У нас расположен значительный контингент ООН, только офицеров-наблюдателей более ста человек,

не считая гражданского компонента. И что из того? Процесс переговоров, как шел с прогрузинским уклоном, так и идет до сих пор. Сегодня позиция Запада более жесткая, чем даже сразу в послевоенное время. А Россия? Да, сегодня мы в режиме санкции. Но, уверен, будет совершенно по другому – завтра. Когда к власти там придут патриоты и государственники.

– Когда только это будет, – с откровенной безнадегой на то, вставляю и я слово.

– Скоро это произойдет. По моей информации семья (режим Ельцина, близкое его окружение – **авт.**) понимает безысходность существующего положения вещей. Я полагаю, близится время, когда произойдут перемены и обязательно в лучшую сторону. И для нас, разумеется. Убедительным свидетельством тому, не поверишь, как раз то самое обстоятельство, что тебя так сильно заинтересовало. Ты же хотел узнать, почему так массово зачастили к нам послы самых влиятельных стран Запада. Так вот потому, что у них есть информация о грядущих переменах в Российском руководстве. Они, конечно, мне об этом не заикнулись. Но их выдают настойчивые уговоры дистанцироваться от Москвы, и чем быстрее это произойдет, тем лучше будет для Абхазии, – твердят они.

– В чем же лучше будет Абхазии в таком случае? Блокаду они снять не могут – это прерогатива России, они хоть объяснились на сей счет?

– Ты знаешь, какой у них самый, на их взгляд, действенный аргумент? Не догадаешься. Он звучит примерно так: «Господин Ардзинба, только сделайте шаг в сторону от России и мы вас завалим деньгами и Абхазия будет процветать», – вот главный лейтмотив их бесед со мной. Причем, в последний свой приезд послы в унисон твердили именно об этом, обещая золотые горы. И все их речи настолько схожи, словно написаны под копирку.

– О чем это свидетельствует? – спрашиваю я.

– Только о том, что у них – у немцев, французов, англичан – один дирижер, который заправляет всем оркестром, поскольку он осведомлен лучше всех, он знает, что Россия накануне перемен. И если они произойдут, в чем я не сомневаюсь, Абхазия задышит полной грудью, наладятся ее тесные связи с нашим северным соседом. Это позволит

оживить экономику, улучшить жизнь людей. И, что важно, появится гарантия невозобновления войны. Мои собеседники сознавали, конечно, что в таких обстоятельствах с нами невозможно будет разговаривать на языке силы и диктата. Как уже не раз это делали просвещенные дипломаты великой страны: «Вы, г-н Ардзинба, еще пожалеете о своей неуступчивости, неужели вы не понимаете, что рискуете судьбой своего немногочисленного народа». – Так, позабыв о дипломатических приличиях, угрожали они нам тогда, когда я, в ответ на их настойчивые уговоры взять курс на вхождение в состав Грузии, аккуратно, и, полагая, выдержанно отвечал: это, мол, не моя прерогатива выбирать курс, народ абхазский выбрал уже его, почитайте для сведения нашу Конституцию, там все сказано. И указывал, при этом, на небольшую тонкую книжицу с нашим Основным Законом, которая всегда, при всех случаях, находится при мне. Но не помню, чтобы, хоть ради вежливости, кто-то из этих послов взял ее в руки. Но, однако, убежден, что они ее читали, и не раз. Другой раздражитель для Запада и его дипломатических представителей, – продолжает Владислав, – это верность нашего народа вековым отношениям с Россией. Несмотря на жесточайшую блокаду, объявленную нам его нынешним режимом, абхазский народ не ожесточился и, сохраняя эту верность, делает различие между народом российским и правящей верхушкой. В этом заключается мудрость абхазов, пронесших сквозь тысячелетия свои идентичность и государственность.

– Нам советуют избрать другой путь, – напоминаю Владиславу Григорьевичу разговор с Бота.

– Да, сегодня нас настойчиво уговаривают не делать ставку на Россию. Как тот же «демократичный» Бота, в котором внимательный глаз вполне может разглядеть представителя спецслужб и, похоже, не меньше рангом, чем полковник ЦРУ. Он убеждает по-своему: слушает собеседника, четко представляет нюансы нашего положения, не исключено также, что на человеческом уровне, он, быть может, даже и сочувствует абхазам. Но это его личное, внутреннее. А вот, что касается официальной политики, обрати внимание на это, он не выходит за рамки тех установок, которые определяются хозяевами, то есть его работодателями – Советом Безопасности ООН, его постоянными членами.

– Ты видел же, как он выступил на банкете в честь абхазской делегации, данном абхазской диаспорой Стамбула, – напомнил Ардзинба, – чем не панегирик нашему народу и республике? А затем начались грузино-абхазские переговоры, и вместе с тем понеслась критика в адрес абхазов: дескать, не выполняют принятых решений, неуступчивые, неприемлющие ценных советов и предложений и т.д. Особенно рьяно старалась обвинить абхазов во всех грехах, мыслимых и немыслимых, давний наш недруг, посол Франции Мюссо. Кто-нибудь одернул ее, в том числе и координатор Бота? Нет, конечно. Что-то там пытался сказать представитель МИД России, но и то общими словами и довольно невразумительно.

– Я полагаю, при всем различии приемов и методов наших дипломатических оппонентов, – размышляет далее Ардзинба, – цель у них одна: оторвать нас от России. И тот же Бота, и другие, все они, как говорится по пословице, стараются «не мытьем, так катаньем» способствовать интеграции Абхазии в состав Грузии.

– Кстати, о различии их приемов. Ты, помню, говорил, что случайно имел беседу с послом Великобритании, – напомнил мне Ардзинба. – Замечу, что случайных встреч у дипломатов не бывает, и Дженкинс в числе таковых. Я его хорошо знаю. Непростая личность, хитер, иной раз играет в откровенность. Думаю, связан со спецслужбами, как впрочем и его жена Мауриция, – благодетельница наших НПОшников. Так о чем все же он говорил, если не считаешь это тайной?

Вспомнив о днях пребывания в Стамбуле, я не удержался и начал свое повествование с предыстории этого происшествия. Ардзинба, не перебивая, терпеливо слушал меня.

Абхазская делегация, членом которой я был, проживала в гостинице «Хилтон». И каждое утро, прежде чем сесть за стол переговоров с грузинами, мы усаживались за более приятные столы, чтобы спозаранку полакомиться широчайшим набором всевозможных яств. Первые дни так и было, но потом «ярость» блокадная поутихла. Все постепенно перешли на легкие завтраки: чай, кофе и простоквашу – как принято с утра в любом обществе.

Однажды утром я припозднился к завтраку. Взяв стакан чая и еще что-то в придачу, присел к столу, близко к веранде. И тут заметил, что

ко мне, минуя пустующие столы, направляется импозантный мужчина средних лет, с усами и трубкой во рту. Которая, кстати, как я потом убедился, была пуста. Он поздоровался по-русски, и, говоря медленно, попросил разрешения присесть рядом, то есть за мой стол. Я кивнул головой, и только тогда он поставил свой чай в подстаканнике на стол, и трубку положил рядом. Отпив глоток, он спросил меня, как я оцениваю ход переговоров. И тут я догадался: «Ба, так это же господин Дженкинс – посол Великобритании в Грузии. И неспроста он подсел ко мне: сколько свободных столов вокруг, а он – сюда».

– Г-н Дженкинс, я вас узнал, – говорю, – а вы меня – вряд ли. И затем представился ему, назвав только имя и фамилию.

Он кивнул в знак знакомства, а потом заметил: «Вы – редактор государственной, официальной газеты, я с вами заочно знаком, так, по-моему, говорится по-русски. – Приятно познакомиться теперь непосредственно».

– Не получается у тебя коротко, – поддел меня Владислав, – смотри сколько ты отвел на отвлеченные темы. Я уже отмечал, что неплохо осведомлен о нем. Так что можешь опустить общие моменты.

– Если суммировать все, о чем мы побеседовали, то, выходит, по его словам, что «мы, абхазы совершаем очень большую оплошность, ориентируясь на Россию. Дело не только в блокаде, – говорил он мне, – даже если ее снимут будет еще хуже. Россия вас ассимилирует, исчезнут язык, культура, идентичность. Это будет происходить на мирной основе». Таковую мрачную картину рисовал Дженкинс.

– И что нам делать, какой путь избрать? – спросил я его, играя в наивность.

– Надо вам сближаться с грузинами, – ответил он. – У вас одинаковый менталитет, общие традиции, сходны культурный и духовный аспекты. Так что вы во многом похожи. А с русскими что у вас общего? Но приметив, однако, мой скептицизм, Дженкинс тут же пообещал:

– Мы, Запад, дадим вам гарантии, что Грузия не будет вмешиваться в ваши внутренние дела, а мы будем помогать и Грузии и Абхазии.

– С Грузией у нас уже ничего не получится, мы уже прошли этот этап, и он завершился весьма печально, вы знаете, кровавой войной, – ответил я ему однозначно. Он, видимо, понял, что его слова не вра-

зумили меня. На лице доселе спокойного, как я видел, джентльмена, появилась нескрываемая досада.

– Тогда я заявляю вам, что у абхазов, как у нации, проблематично будущее, не надежна перспектива выжить в сложных реалиях нынешнего миропорядка, – откровенно грубо среагировал на мои слова Дженкинс. – Вы, наверное, не знаете, – продолжил он, что я родом из Шотландии. Есть такой народ в Великобритании, побольше вашего, но довольствуется тем, что имеет, и сепаратизма там нет...

– Еще как есть, – перебиваю Дженкинса, находясь под впечатлением его слов о наших перспективах, – все еще у вас впереди. – Я знаю о тех процессах, что там, у вас, происходят. Вы скоро увидите два независимых государства на своем острове: Шотландию и Англию. Все идет к тому, г-н Дженкинс, можете не сомневаться. Ваш народ, думаю, вы мыслите так же, заслужил жить независимо и свободно, как в далеком прошлом, от режима, который вы сегодня представляете. – Таким образом, обменявшись «любезностями», мы расстались, даже не пожав друг другу руки.

– Выходит, поговорили «по душам», – заметил по поводу этого случая Владислав. – Это на него похоже. Он же разговаривал с тобой неофициально, за кружкой чая, и пошел в любовую, на авось. Чтобы проверить, как мыслит абхазский редактор. Любопытно все же, что он вышел из себя, не сдержавшись, высказался уж очень откровенно по поводу нашей судьбы. Это говорит о том, что Дженкинс и его коллеги нервничают, поскольку время играет на нас. Чем дольше мы выдержим и выстоим, тем меньше у них шансов сломить Абхазию, заставить согласиться на поставленные ей условия.

– Я все же думаю вот о чем, – посмотрев на меня, говорит Ардзинба, – о том, что в общении с подобными дипломатами необходимы такие качества, как четкость в изложении собственного мнения и твердость в отстаивании собственной позиции. У руководства Абхазии, слава Богу, это присутствует в избытке, а вот в общественных кругах – по разному. Иной раз встречаем и таких, которые не прочь полюбезничать с господами типа Бота, Дженкинс и иже с ними. А это, как раз то, что размывает наше видение в решении «абхазского вопроса» в целом. У наших оппонентов создается мнение, что если «поработать

хорошо», то можно найти у нас инакомыслящих. То есть думающих о нашей перспективе иначе, нежели народ и те, кто у руководства. Не потому ли, в отличие от тех, кто давно подвизается в стане НПО, которых частенько возят по заграницам, приглашают на всякие там семинары, диспуты и прочие посиделки, есть многие, которые такой «честь» не удостоиваются.

– Вот в твоём случае, я уверен, – снова обращается ко мне Ардзинба, – своей прямоотой в общении с Дженкинсоном, считай, что отрезал пути к подобного рода междусобойчикам. Впрочем, не переживай, если будет что-то стоящее, в смысле поездки куда-нибудь, можешь надеяться на мое содействие. – И, улыбнувшись, добавил: – Но, замечу, что до уровня моей характеристики западными политиками, несмотря на не очень любезное рандеву с Дженкинсоном, ты пока еще не дотягиваешь. Ну и слава Богу. А то обзаведешься прозвищами «бешеный», «упертый», как, скажем, я, тогда уж точно станешь невыездным.

Заметив мое удивление, Ардзинба, рассмеявшись сказал: «Вижу, не знал о том, что Госдеп США вынес мне своеобразный вердикт. Мол, бешено и уперто защищает интересы своей страны. Я, между прочим, доволен этой оценкой: мы выстояли в эти тяжелейшие годы и не дали слабинку, несмотря на титанические усилия Запада, в том числе и его дипломатической рати. Значит, грош цена западным политикам и дипломатам, терпящим фиаско в соприкосновении с абхазским монолитом – народом, верящим в свою счастливую звезду. Такой народ никто не победит», – так завершили мы тогда наш «дипломатический» разговор.

И ПРАВИЛЬНО СДЕЛАЛ...

Незаслуженные награды часто вносят смуту в общество. Особенно тогда, когда они раздаются в значительном количестве. И в том случае, когда не соответствуют реальным заслугам. В таком разе знаки отличия, как правило, обесцениваются. Вольность в обращении с ними нередко приводит как к обидам и огорчениям, так и к разочарованию обладателей высоких государственных атрибутов. В этом плане я припоминаю несколько эпизодов, связанных с наградными историями, о которых рассказал Владиславу Григорьевичу.

...Воевал в грузино-абхазскую войну молодой парень, студент АГУ Хирбей Базба. Прошел фронтовыми дорогами, как и его сверстники, от Гумисты до Ингура. Вскоре, после победы, злодейски был убит на границе грузинскими диверсантами.

И вот, когда, в свое время, награждали однополчан Хирбея, он был также удостоен медали «За Отвагу». Весть о награждении, замечу как свидетель, словно огонь в зимнюю стужу, согрела душу отца и матери, уже не один год скорбевших о погибшем сыне. И врученная им официально медаль героя, а именно так они восприняли ее название «За Отвагу», вселила в их сердца гордость за сына, чувство уверенности и утешения, что погиб он не зря, исполнив до конца долг защитника народа и Отечества. Это высокая оценка заслуг сына по существу стала отдушиной, облегчающей их повседневные скорбь и горе. Все так бы и шло, если не та самая «ложка дегтя»

Как-то звонит мне товарищ из наградного отдела и говорит:

– С твоим близким родственником нестыковка произошла. В наградном представлении недостаточно подробно описаны были, дескать, эпизоды его боевой биографии. Можно все еще поправить, рас-

ширить, уточнить и, словом, вместо медали «За Отвагу», выправить «Орден Леона».

Я был удивлен таким поворотом. И, после некоторого размышления, собрался в село, к отцу Хирбея. В дороге соображал: как все это преподнести, и как воспримет это семья. Представил себе родовое кладбище, памятник с изображением молодого воина в военной форме и боевой награды, той самой медали «За Отвагу» – на груди. И вот теперь, оказывается, я должен сообщить, что вышла «ошибка», ваш сын, мол, достоин иной награды, боле высокой по статусу.

Разговор об этом состоялся прямо у могилы сына. И я пожалел о своих словах, увидев растерянный взгляд Закана Базба и его потухшие глаза, после моего предложения заменить сыну награду на более высокую. Он, какое-то время, молча глядел на изображение сына в граните. Растерянность на лице, я видел, сменилась обидой вперемешку с горечью. Затем, обернувшись ко мне, по-абхазски сказал: «Не надо перебирать государственные награды, особенно у тех, кто погиб. Живые сами разберутся. Я считаю, что мой сын награжден самой высокой наградой, выше которой нет». Так он сказал тогда и отвернулся от меня в сторону, чтобы я, полагаю, не видел его расстроенного лица.

...Через некоторое время, по случаю, у меня состоялся разговор на эту тему с Владиславом Григорьевичем. Он, выслушав меня, заметил, что отец погибшего воина, поступил как настоящий абхазец. Если даже допущена была неточность в описании подвига, все равно медаль «За Отвагу» – это высшая награда за храбрость. И отказываться от нее – недостойно в любом случае. Это глубоко осознал мудрый абхазский крестьянин – родитель молодого бойца, сложившего голову за Родину.

В той беседе я также отметил, что, мол, чем дальше время от войны, тем больше желающих заполучить боевые награды. Речь о тех, кто весьма далеко находился в лихолетье от линии фронта, кто никакими боевыми подвигами не отличился. А герои-фронтовики, как я не раз убеждался общаясь с ними, к тому не особенно стремятся. Я привел Владиславу лаконичное изречение тех, кто был в пекле сражений в мартовском и июльском наступлениях. Один из них – Игорь Габуня. В марте дошел с боями до Ачадарской железнодорожной платформы. Погиб смертью храбрых за десять дней до Победы. Другой – Адгур

Хватыш, записавшись добровольцем, был в числе тех 147, перешедших в июльском наступлении Гумисту, и занявших плацдарм на левом берегу, возле нижнего Эшерского моста.

Помнится, в разное время спрашивал их – как они относятся к боевым наградам, правильно ли их распределяют? Ответы обоих были один в один, схожими, как две капли воды: для бойца самая большая награда – это то, что он вышел живым из сражения. Говорили они это искренне, без бравады и рисовки. Иной раз я все-таки указывал, дескать, вот тот и тот награждены – как они относятся к этим фактам? Ребята отвечали весьма лаконично: начальству, мол, виднее. Здесь, как я замечал нередко, была заложена ирония. Они-то знали: кто есть кто.

Вспоминая слова этих настоящих воинов, я отмечал в разговоре с Владиславом, что некоторые награждения, с учетом нашего небольшого общества, становятся притчей в языцах. Но на это он резонно убеждал, что нельзя из отдельных недостатков отказываться от важного государственного атрибута. Это все равно, что с водой выплескивать ребенка, – утверждал он.

– Ну хорошо, – говорю, – военные награды – это отличие тех, кто держал оружие, являлся участником войны. За исключением лиц, сумевших примазаться к ним. А вот мирные гражданские государственные отличия и награды – это другое дело. Да, многие награжденные орденом «Ахьдз-Апша» – действительно люди достойные. Но не мало и тех, кто ничем особенным ни в национально-освободительном движении, ни в государственном строительстве не отличился. Да и во время войны некоторые пребывали, как утверждают злые языки, в «сочинском» и «московском» батальонах. А на лацкане пиджака, смотришь, красуется тот самый орден «Честь и Слава».

– Да, знаю, есть такие случаи. Когда подают списки, кого-то могут включить «благодетели». Я вот доберусь до них и спрошу сполна, мало им не покажется...

– Вы, если помните, Владислав Григорьевич, подарили мне в декабре 1994 года часы с государственной символикой, – напоминаю ему. – Тогда я был один из немногих обладателей этого атрибута. В то время, в отсутствие «мирных» орденов, это воспринималось своеобраз-

ным поощрением за работу. Гордясь этим, я часто демонстрировал сей знак президентского отличия друзьям и близким. Прошел год или чуть больше. Однажды, в выходной, прихожу в нашу известную кофейню. Пристраиваюсь к компании завсегдатаев и попиваю кофеек. На руке, поблескивая абхазской атрибутикой, красуются те самые часы. Без всякой надобности, я то и дело, бросаю на них взгляд, подмечая в то же время, как реагирует на предмет моей гордости собеседники. И вдруг, о Боже, вижу точно такие же часы на толстом запястье холеной руки человека, весьма далекого от интересов и проблем народа.

«Откуда часы?» – спрашиваю его.

«Оттуда, откуда и у тебя, ведь и мы не сидели сложа руки, когда шла война», – с явной похвальбой отвечает он.

Я, заметив, что Ардзинба нахмурился, замолчал: «Какого черта вспомнил про того, кто просидел в московской гостинице всю войну. И зачем было напоминать про те подарочные президентские часы, когда о них давно все забыли» – думал про себя.

– Ну и что дальше? – спрашивает меня Владислав. И сам же продолжает. – Этих часов было ограниченное количество. Их изготовили сразу после войны. Красиво был оформлен циферблат на фоне нашей символики, просто и со вкусом сделанные часы. Тогда нам помогли люди из московской диаспоры.

– Вот-вот, – отвечаю, – значит оттуда и был тот подарок. В то время я не знал о том, и решил, что одарили этого субъекта в вашей Администрации. Я расстроился тогда и отдал ваш подарок человеку, которому они очень понравились.

– И кому же ты их подарил, так сказать, мой же подарок, – удивляется Владислав Григорьевич моему откровению.

– Очень приличному человеку, начальнику пресс-службы российских миротворческих сил майору Дмитрию Кузнецову. С ним я сблизился на профессиональной ниве...

– Так я слышал о нем, мне командующий миротворцами генерал Якушев рассказывал о происшествии с ним. Остался, дескать, без квартиры за то, что правдиво освещал ситуацию в зоне ответственности миротворцев. У командира дивизии, в которой он служил в Подмоскovie, мать вроде оказалась грузинкой. Тот посчитал его «про-

абхазским». Вот и остался твой приятель без квартиры... Что ж, я не в обиде. Сделал подарок хорошему офицеру, – улыбнувшись, заметил Владислав.

Минуло время. Давно, вместо часов, пошли уже в оборот ордена «Ахьдз-Апша», то есть «Честь и Слава». И когда ими стали награждать чуть ли не конвейерным способом, я не выдержал: где-то пошутил, что правильнее было бы назвать этот орден «Имя-Ветер». (На абхазском таков прямой перевод слов «Ахьдз-Апша»). Об этом, естественно, довели до Владислава Григорьевича: вот такой, мол, шутник главный редактор государственной газеты. Но Владислав был мудр и логикой обладал отменной: в каждой шутке, в том числе и моей, он видел долю шутки, и, в отличие от тех, кто ябедничал, понял смысл моей иронии: не об ордене речь, а о людях, ничтоже сумняшеся, вожделяющих о нем.

И, наконец, дело дошло и до меня. Не даром говорится: за что боролся, на то и напоролся. Как-то звонит по телефону вице-премьер Владимир Зантария и торжественно возвещает: «Виталий Зиевич, поздравляю с государственной наградой. Владислав Григорьевич представил тебя к ордену «Ахьдз-Апша».

Я онемел, но далеко не от великой радости. Оттого, видимо, что заподозрил какой-то подвох. Столько говорил Владиславу разное про награды и отличия. Не все из того, конечно, ему нравилось. И вот тебе – становишься в шеренгу награжденных тем самым орденом.

– Зиевич, ты слышишь меня, – переспрашивает Владимир Константинович, подумавший, наверное, что я одурел от неожиданно привалившего счастья. – Так что еще раз поздравляю...

– Подожди, – отвечаю, – еще не время. К тому же, я официально заявляю о своем отказе от награждения названным тобою орденом, как и прочими другими.

– Не понял тебя, как это отказываешься, что я скажу президенту? – донельзя удивленным голосом вопрошает Зантария. – Это ведь не шутка, Зиевич, – добавляет он.

– Никаких шуток и юмора здесь нет. Прошу, позвони Ардзинба и скажи ему: Чамагуа отказывается от награды. И сообщи мне, пожалуйста, его ответ. Тебя же это не затруднит? – уговариваю вице-преьера.

После довольно продолжительного молчания Владимир Константинович расстроенным голосом говорит: «Хорошо, сейчас позвоню Владиславу Григорьевичу, если ты настаиваешь. И перезвоню тебе».

Минут через двадцать раздается характерный звонок правительственного телефона. Поднимаю трубку и жду разноса Ардзинба. Вместо него слышу голос Зантария: «Зиевич, знаешь, что Владислав Григорьевич сказал, когда я сообщил ему о твоём отказе? Он переспросил: что, Чамагуа отказался? И сам же ответил: правильно сделал! Я все же чего-то недопонимаю, наверное, в этом деле, – удивляется Володя.

– Все нормально, Константинович, – успокаиваю его. – Во всем этом есть своя логика. Владислав и я знаем об этом. Говорить о том сейчас – займет много времени. Как-нибудь расскажу позже, – обещаю я.

Выходит рассказал теперь, по прошествии многих лет. Что ж, как говорится, лучше поздно, чем никогда.

АМЕРИКИ ВАМ НЕ ОТКРЫВАЮ

В марте несчастливого для меня 2000-го, я, похоронив в Гудауте мать, через несколько дней вернулся в Сухум, на работу. Утром, едва успев провести редакционную планерку, раздался звонок служебного телефона.

– Ты уже вышел, – прозвучал в трубке голос вице-президента В.Аршба. Понимаю, что настроение неважное, и все же надо зайти к Ардзинба. Он тебя еще вчера спрашивал.

– Что за срочность, зачем я ему понадобился, может знаешь? – по приятельски, спрашиваю.

– Есть у него предложение к тебе, не буду скрывать, президент просил меня посодействовать в том, чтобы ты поработал в его Администрации. Но ты не думай, что я обещал тебя уговорить. Наоборот, зная твое отношение к аппаратчикам и чиновникам, я сказал ему, что вряд ли согласишься.

– Правильно сделал, – заметил я, вспомнив долгие и нудные годы работы в том здании, то есть в областном комитете партии, проводившем, в основном, генеральную линию ЦК компартии Грузии. И в последующем, бывая там по делам, всегда испытывал желание побыстрее покинуть это серое строение сталинской эпохи, с его мрачноватого – помпезным обликом, длинными коридорами и однотипными, словно тюремные камеры, кабинетами внутри.

– Но я все же прошу тебя, не затягивай, зайдем вместе, там все и объяснишь Владиславу Григорьевичу, – настойчиво приглашал Аршба.

...Ровно в 11:00 того дня Аршба и я зашли в кабинет Владислава Григорьевича. Он проникновенно, от сердца, это было видно, посочувствовал мне в связи с кончиной матери.

– Мать, – это самый близкий человек, самый родной для детей, какого возраста они не были, – заметил он при этом. Я лично всегда ощущаю подобное чувство и, думаю, многим это свойственно, – так, соболезнуя, говорил он мне.

Когда мы присели у журнального столика, чтобы отведать кофе, он приступил к тому, зачем и позвал меня. Правда, при этом начал издалека.

– Ты тоже, наверное, помнишь, и я не забыл об этом, как частенько напоминал мне о необходимости идеологической основы в государстве. Я подшучивал над тобой, отмечая, что это обкомовское воспитание в тебе говорит. А сам, нет-нет, и вспоминал об этом, но руки как-то не доходили до того: война, блокада, разруха. Теперь же, сам знаешь, стало чуть полегче, вот и надумал – нужен нам все-таки этот блок идеологический, информационный. Назвать можно по-разному, но задача, по моему, должна быть одна. Это – повседневное, широкое по охвату и глубокое по содержанию, общение с населением, с нашими людьми, которым, я знаю, все еще очень тяжело. И зарплата маленькая, и пенсии мизерные, у многих и работы нет. А ведь мы, по логике, лучше жить должны, победили все-таки в войне. Вот как раз за это и ополчились на нас скопом, – заметил с горечью и досадой Ардзинба. – Грузия, Запад, СНГ – все против маленькой Абхазии. Как думаете, почему? – посмотрев на нас, спрашивает он. – Увидев, что мы вряд ли скоро ответим на поставленный вопрос, – продолжил: – Да потому, что мы обрели свободу сами, кровью лучших сынов Абхазии, не испрашивая позволения сильных мира сего: ту же Европу, ту же Америку, тех же соседей СНГ-шних. Тем самым мы нарушили, оказывается, мировую иерархическую систему. Ею нам было предписано прозябать в лоне Грузии, как народу, скажем, не самой высокой пробы. Почитайте Бжезинского, как он характеризует абхазов и все станет ясно, почему такая нелюбовь к нам.

– Мы же, согласитесь, вырвались из предписанного миропорядка, обрели свободу и независимость, обустроиваем свое государство, выстраиваем систему власти. Все так, как у 180 государств, признанных ООН, – может я не прав? – риторически вопрошает он. И добавляет: – Имейте ввиду, есть десятки государств, еще весьма далеких до нашего

уровня развития. Это и наша культура, и духовная жизнь, и политика, и, уверяю вас, наша полуразрушенная экономика. Дали бы нам чуть задышать, мы сделали бы такой рывок во всем, на что другим народам понадобились десятилетия. У нас для этого есть все: и природа, и климат, и, что самое ценное, а правильной будет сказать, бесценное – это наши люди: мужественные, терпеливые, трудолюбивые.

Я слушал его и думал: зачем он нам все это говорит. Мы все-таки обладали определенным объемом информации, нового для нас в этих рассуждениях Ардзинба вроде нет.

Вдруг, словно прочел мои мысли, он замолчал. Затем, улыбнувшись, заметил:

– Понимаю, что, говоря о наших проблемах, Америки вам не открываю, вы все это, разумеется, знаете. Но разве плохо, если так же мы могли побеседовать, причем на регулярной основе, с нашими людьми. И не только в Сухуме, но и в районах, в селах и деревнях. Поговорить с ними откровенно, обменяться проблемами, дать совет, что-то дельное взять от них, помочь им в чем-либо. Уверен, что вы согласны с такой постановкой вопроса. Но кто будет этим заниматься, думаете я один справлюсь на всю республику? – смотря в упор на меня, задает вопрос президент.

Я молчу, поняв значение пропагандистской речи Владислава. Он явно подводит необходимую базу, чтобы получить мое согласие. Это я уже проходил. «Ни за что не соглашусь, – решаю про себя. Пусть молодые работники-референты, замы, завывы, коих немало в его Администрации, попробуют почем фунт лиха, потянув сполна эту лямку. С меня хватит: десять лет в обкоме партии, столько же времени – редактор газеты. Это ведь все – идеология. Сколько еще мне вариться в этом?» – внутренне возмущаясь, настраиваюсь на отказ от предложения, которое, чувствую, вот-вот, сделает президент. Я то хорошо знаю его настойчивость, логику, обходительность в отношении тех, на кого он, как говорится, глаз положил.

Видимо, что в душе творится, то и на лице отражается. Не знаю, как у других, у меня такое случается – не всегда удается скрыть внутренние чувства.

– Конечно, дело это непростое, организацию идеологической работы не каждому можно доверить, – заметив мое состояние, снова заговорил Ардзинба. – У нас в плане создание отдела при Администрации, будут и штаты и актив. Но пока нет другого, очень важного – опыта деятельности в этой сфере. Отдельные наработки не в счет. Нам необходимо выработать, как я полагаю, комплексную программу, то есть определенную систему и механизм этой деятельности. И она, эта деятельность, не должна страдать прежними недостатками – шаблоном и рутинной. Из-за этого тоже, уверяю вас, огромное государство рухнуло, – почему-то поглядев на меня, заключает Ардзинба. – Неправда ли? – обращается ко мне Владислав, и, улыбнувшись, с подковыркой, замечает: – Как специалиста в этой сфере хочу спросить – как ты смотришь на это дело?

– На какое, которое рухнуло или на то, что выстраивать надобно? – отвечаю вопросом на вопрос, глядя на реакцию Ардзинба.

Он, промолчав, встал из-за стола. Достав из пачки сигарету, закурил. Нам, махнув рукой, мол, сидите, сам пристроился у окна, глядя на набережную. Прошли минуты две – три. Потушив сигарету, он присел к журнальному столику и, глядя мне в глаза, ровным, с нотками просьбы в голосе, сказал:

– Помогите мне в этом вопросе, старик, я долго думал, но другой кандидатуры не нашел.

Я молчал, размышляя как мягче выразить свой отказ, чтобы не обидеть Владислава. Он, догадываясь об этом, тихо заметил:

– Помнишь конец 80-ых, ты тогда согласился с моим предложением пойти зам.редактора в газету «Абхазия». Я думал, честное слово, что откажешься. Наверное, работа в обкоме престижнее была. Не так ли? – с улыбкой заметил он.

– Для кого-то важнее престиж, для меня более весомым оказалось слово «надо», – отреагировал я. Сегодня, слава Богу, есть кому поработать, тем более в Администрации президента. Это тоже престижно, – подначил я, зная, что Ардзинба любит острое слово. – Что касается меня, я уже и в редакции подустал, подумываю о том, что неплохо бы и отдохнуть. Вы, Владислав Григорьевич, как на это смотрите? – обратился уже я с предложением к нему.

Он удивленно посмотрел на меня, явно было видно, что такого оборота не ожидал.

– Ты послушай, Валерий, о чем он говорит, на отдых захотел, в свои – то годы, а нам тогда как быть, в старики прикажешь записываться, что ли, – возбужденно отреагировал на мои слова Ардзинба. – А работать кто будет, кто доведет начатое до конца, если все уйдем на полпути. Вы, я вижу, ребята забыли поговорку о том, что «коней на переправе не меняют». Так будьте добры, – почему-то рассуждая во множественном числе, он, в тоже время смотрел на меня, как, видимо, на возмутителя «спокойствия», – доделать то, что начато, – снова повторился он. А там, посмотрим, быть может, и все вместе уйдем, – уже спокойно договорил Ардзинба.

Я, хорошо зная характер президента, чувствовал, что он до последнего будет настаивать на своем. Когда-то раз, я все же смог отказаться в подобной ситуации от его предложения занять весьма важный, но очень уж экзотический для меня пост председателя Службы Безопасности Абхазии. И в ходе долгого, напряженного к тому же разговора, я, подобрав аргументы, убедил его, что эта работа не моя. Что, из-за незнания ее специфики, просто завалю дело. И он, в конце-концов, согласился со мной.

А теперь же понимаю, что попадаю в ситуацию, как «кур во щи». Сам же виноват. Не раз, прямо-таки настырно, увещевал его, что без идеологии нельзя, что она присуща каждому государству без изъятия, будь оно социалистическое или капиталистическое. Приводил примеры того, как американцы пестуют свою идеологию, так называемые демократические ценности, проталкивая их всюду, где миром, а где и силком. Сомневающихся в них могут и отбомбить запросто.

Ардзинба, посмеиваясь на все это, отвечал: «Да, вижу, отменную закалку прошел в советское время. Вот что я скажу тебе – мы не американцы. У нас своя идеология, идея, вернее. Вокруг нее надо строить все то, о чем ты только что так горячо говорил. Это, старик, наше, народом выстраданные: кровью добытые независимость и свобода. Да, мы победили, но этим еще не все завершено. Надо выстоять и в мирное время. А оппонентов у нас, сам знаешь, хоть отбавляй. И потому наша задача – закрепить достигнутое, продвинуться вперед в своем разви-

тии – в экономике, в духовной сфере, в материальном благосостоянии наших людей. Кстати, от их, наших граждан, стойкости, работоспособности, веры в то, что мы выдержим нынешние тяжелые реалии, зависит судьба народа и государства. Это и есть формула нашей идеологии, вокруг нее надо строить работу. Газеты, радио, телевидение обязаны помогать в том. Это и их задача, в первую очередь». Так он говорил тогда по поводу идеологии.

– Ну как, старик, о чем думаешь, – прервав мои размышления, напоминает о своем предложении Ардзинба.

– Так газета же, – говорю я, – как раз находится на передовой этой самой идеологии.

– Вот-вот, совершенно правильно мыслишь, будешь состыковывать все в единое целое и не только силами своей редакции, но и с помощью всех средств массовой информации республики. И не только. Надо и Администрации районов подключать, и другие учреждения, близкие к идеологической сфере. Их у нас немало, – сообщает мне все это Владислав так, как-будто я уже дал согласие.

– А кто будет в газете вместо меня? – спрашиваю, понимая, что отпираться нет смысла, поскольку сам, получается, напросился, как гласит известный каламбур: «за что боролся, на то и напоролся».

– Как кто? – Ты и будешь, там у тебя два заместителя, сильный коллектив, налаженная работа, – отвечает Владислав на мой вопрос. – Какие там могут быть проблемы. Помочь вам надо с технологией, а то облик «Республики» не на уровне, а вот за содержание – хвалю, считаю, что фору дадите всем другим газетам.

– И как мне совмещать одно с другим, получается одно утро и две работы – весьма сложная для меня ситуация, – пытаюсь сыронизировать.

– Ничего подобного, – быстро отреагировал Ардзинба. Мы не формалисты. Я знаю, для редактора планерка – святое дело. Но она же, согласись, может быть краткой и, тем не менее, содержательной. А к десяти, милости просим, в Администрацию. И необязательно здесь засиживаться. Для этого есть аппарат, кстати, не только сотрудники отдела по информации и связям с общественностью будут под твоим началом, но и мои помощники, аналитический центр. Я об этом дам

указание. Все это необходимо организовать и задействовать. Тесные контакты у тебя должны быть, полагаю, с Кабинетом Министров, там свой аппарат, который необходимо эффективно использовать. В Администрациях районов нужно создать соответствующие структуры. Но об этом уже сам подумай и набросай предложения, а мы вместе посмотрим, – сразу, как говорится, с места в карьер, задействовал меня Владислав Григорьевич.

Тогда на том и порешив, я, худо-бедно, проработал в Администрации Президента долгих четыре года – почти до прихода новой власти.

СНЯТ ЗА НЕПОДГОТОВКУ...

На исходе 2002 года произошло событие, которое, прямо скажем, здорово взволновало чиновников и политическую элиту, взбудоражив и общество в целом. Именно в эту пору был неожиданно снят с должности всесильный Генри Мамедович, один из политических долгожителей, близкий президенту Владиславу Ардзинба человек. Люди дивились как самому этому факту, так и мотивировке, по которой он был снят с занимаемой должности.

Больше всех переживал, думается, сам Генри Мамедович. А как не переживать, если поутру, проснувшись, узнаешь, что ты уже не высокий начальник. Да и обидно, что освобожден с такой странной формулировкой.

Замечу также, что во времена Владислава Ардзинба крупных чиновников снимали нередко. Не составляли исключения и тяжеловесы от политики, правда, местной, в рамках небольшой абхазской республики. И ничего, жизнь продолжалась.

Посему, наверное, и этот случай выглядел бы не столь драматично, или, вернее, не так трагикомично, если бы не одно «но». Вот это самое «но», словно заноза, свербило сознание Генри Мамедовича, оно же будоражило, вызывая досужие разговоры, весь столичный политбомонд, докатываясь, словно морской прилив, до городов, сел и местечек Абхазии.

Всему «виной» стал указ президента, в котором, черным по белому, было записано, что освобожден, дескать, Генри Мамедович в связи с неподготовкой нашей маленькой субтропической страны «к зимнему отопительному сезону».

Это надо быть Владиславом Ардзинба, чтобы вбросить в общество столь занимательный ребус для всестороннего и глубокого, а вместе с тем и широкого обсуждения как чиновным людям, так и рядовыми гражданами, весьма продвинутыми в политических и иных вопросах.

Будучи по службе в близких отношениях с Владиславом Григорьевичем (занимал две должности в ту пору: главного редактора газеты «Республика Абхазия» и заведующего отделом Администрации президента), я, тем не менее, терялся в догадках: что все же произошло между ними? Ведь Генри Мамедовича президент считал близким родственником и потому надежным попутчиком в своем окружении. И все же политическим наследником, как предполагали многие, он никогда не являлся. Владислав в узком кругу отмечал, что тот особыми волевыми качествами никогда не отличался.

Генри Мамедовича даже в окружении Владислава Григорьевича воспринимали с опаской. Его не любили. Впрочем, политика, делавшего карьеру за счет близости к главе государству, не за что было любить. На виду же этого не демонстрировали. Боялись: всегда имел доступ к президенту, к семье. И, что особенно немаловажно, пользовался у него доверием.

Он, Генри Мамедович, безусловно, понимал, какое производит впечатление на окружающих его людей. И вполне был доволен этим обстоятельством. Подхалимов, скрепя сердцем терпел. Гордых и независимых, особенно тех, с кем часто контактировал Владислав Григорьевич, почти ненавидел, и старался, по мере возможности насолить им. Видимо, таким способом, он мыслил монополизировать свое влияние на главу Абхазии, отодвинуть на второй план тех, кого ценил и уважал Владислав Григорьевич.

Как я уже отмечал, кроме редакторской деятельности, президент поручил мне руководить в республике вопросами идеологии. В одно время, мне и вице-президенту Валерию Аршба, Владислав дал указание создать общественно-политическое движение, позднее преобразованное в политическую партию. Мы, разумеется, активно взялись за это дело. Составили списки руководящего совета организации, включив туда уважаемых в республике людей. И проводили соответствующую работу, подготавливаясь к республиканской конференции.

Незаметно для нас, на каком-то этапе, в работу включился Генри Мамедович, не без ведома Владислава, разумеется. Он рекомендовал ему двоих руководителей движения – заметных в обществе личностей. Они, конечно, люди были занятые. Кто же тогда будет вести текущую работу? – задумались мы. Здесь, безусловно, нужен был человек, знакомый с аппаратной и кадровой работой, иначе это дело могло застопориться. И в голову мне пришла идея: почему бы не предложить заняться партстроительством Нугзару Агрба, в ту пору нигде не работавшему. И обязательно на платной основе. Но как его провести? Генри Мамедович, надолго устроившись в кабинете вице-президента, зорко следил за нашими с Валерием телодвижениями. Он, я знал, вполне способен был провалить нашу кандидатуру. И об этом я поделился с Аршба. Он сказал, что займет разговором Генри Мамедовича, а мне, тем временем, следует отправиться к президенту. Итак, пока вице-президент развлекал «гостя» беседой, я прошел к Владиславу и доложил об успехах в порученном им деле. При этом, ненавязчиво так сказал:

– Руководители движения – люди достойные, слов нет. Но нужен человек, который был бы мотором организации или, если хотите, «рабочей лошадкой». И необходимо это сделать на платной основе. Тогда будет хороший эффект.

Владислав Григорьевич внимательно слушал и, я видел, сразу воспринял мою идею.

– А что, Генри Мамедович никого не предложил? – спросил он, как я заметил, чисто риторически. – А у тебя есть кандидатура? – тут же обращается ко мне.

– Есть один человек, и, думаю, вполне подходящий. Был в свое время номенклатурным комсомольским работником, заведующим организационным отделом Ткуарчалского горкома партии...

– Партработник, говоришь, – поморщившись, перебивает меня Владислав. – Сколько же их было в Абхазии. Кругом, куда ни ткнишь – везде они. – Затем, спохватившись, (вспомнил, видимо, что и я родом оттуда), заметил:

– Но и нормальные вполне люди там были. Так как зовут твоего кандидата?

– Нугзар Агрба. – Кстати, еще до развала партии вышел из КПСС, и, что редкий случай, сделал это демонстративно, в знак протеста против национальной политики Грузинского ЦК. Это был смелый жест в то время. Воевал.

Вижу, Ардзинба моя характеристика понравилась:

– Я его не знаю, но по твоим словам вполне достойный человек. Согласен, возьмем к себе, – одобрил он нашу кандидатуру.

Через день-два в кабинете Аршба вновь появляется Генри Мамедович. Я уже думаю о том, как сообщить ему о новом человеке в руководстве движения. Кстати, мы тогда с Владиславом Григорьевичем обговорили, что Агрба будет на штатной основе исполнительным секретарем организации.

– Там, в руководстве движения какой-то новый человек появился, – опередив меня, то ли вопросительно, то ли утвердительно, заметил Генри Мамедович.

На это, конечно, мне надо было реагировать, причем гибко. Проведая он о нашей роли в этом деле нашел бы к чему придаться: надо отдать ему должное, крючкотвор был отменный.

– Я только недавно узнал об этом, – отвечаю. – Владислав Григорьевич сказал мне, что подыскал опытного работника, способного организовать текущую деятельность движения. Но вот фамилию не припомню, то ли Авидзба или может Агрба...

Он, было видно, приняв на веру мои слова, вальяжно развалившись в кресле, сказал:

– Это неважно, Владислав знает кого брать, так что, ребята, пора за работу.

Как я уже говорил выше, Генри Мамедович не привечал тех, кому Ардзинба, по его мнению, уделял слишком много внимания, хотя бы и по работе. Одним из таких оказался я. По газете, за исключением одного раза, о чем я расскажу в свое время, мы с ним не сталкивались. А вот по работе в Администрации, я весьма опрометчиво прокололся, можно сказать, нажил неприятеля.

...Владислав, поручая мне руководить идеологической и информационной деятельностью, напутствовал так: «Имей в виду, выходишь только на меня, никаких начальников больше у тебя нет. В планируе-

мые мероприятия включая руководителей всех рангов, вплоть до премьера и президента. Если уж, по какой-то важнейшей, неотложной проблеме, президент, спикер и премьер не смогут выполнить это поручение, опять-таки с моего ведома освободишь этих лиц по уважительной причине».

Так категорично он обязывал меня строить работу. Речь шла о регулярных встречах с населением ответственных работников, видных деятелей культуры и искусства, представителей общественно – политических движений и партий. В Администрации президента организовывались группы, которыми руководили высокопоставленные чиновники. Члены группы встречались с населением, разговаривали «по душам», откровенно, но без пустопорожних обещаний. В итоге отмечались все жалобы, просьбы и предложения, прозвучавшие на встречах и передавались в отдел информации и связям с общественностью Администрации президента. После обобщения материалов, все это отправлялось для ознакомления главе Абхазии.

Вот в таких условиях я создавал группы и назначал руководителей, намечал маршруты поездок. Однажды, подумав, что это было бы логично, без всяких задних мыслей, направил Генри Мамедовича в район, в его родное и славное абхазское село. Но ни тут –то было. Сразу, после этого, ко мне обратился вице-президент:

– По-дружески прошу, поменяй ему маршрут. Сам Генри Мамедович, зная о наших отношениях, просит об этом.

– Это почему же? – удивляюсь странной просьбе. – Там население, как я знаю, интересуется тем, что делается по обузданию криминала, в районе немало тяжких преступлений, дерзких ограблений и разбоев. Много там не раскрытых дел. Ведь ему, как говорится, и карты в руки. Если не хочет ехать к землякам и держать ответ, выход один: может идти к Ардзинба и отпрашиваться у него.

Ясное дело, Генри Мамедович с такой просьбой к президенту не пошел. Знал, что тот его вряд ли поймет. А вот отчитает обязательно.

И снова, как в прошлый раз, он пошел к вице-президенту с аналогичной просьбой. На меня же, непосредственно не вышел: то ли считал подобное унижением собственного достоинства, а может опасался получить окончательный отказ.

Такая настырность даже меня прошибла. Я подумал, что все же не стоит доводить ситуацию до абсурда. Спрашиваю Валерия Аршба:

– Куда он хочет поехать, где ему будет безопаснее?

– Отправь его в Гулрипшский район, сам напросился туда, – говорит вице-президент.

Я тогда не придавал этому случаю особого значения, но, как показали дальнейшие события, Генри Мамедович позже припомнил мне об этом.

Менялись времена, вместе с ними и начальники. И вот, в один момент, оставив Вячеслава Цугба, в его кресло усадили Генри Мамедовича. Владислав Григорьевич в то время вынужден был из-за болезни чаще покидать Сухум и выезжать на лечение или отдых. Заменял его в таких случаях вице-президент В.Аршба, выполняя обязанности главы государства. А на хозяйстве, говоря простым языком, сидел, Генри Мамедович. В то время бюджет был скудным, не всегда вовремя выделялись финансовые средства. И если, не дай Бог, кто-либо не пришелся ко двору Генри Мамедовича, то и вовсе мог остаться ни с чем. А потом, в глазах главы Абхазии, он характеризовал бы такого бездеятельным и неспособным руководителем. Полагаю, то же самое хотел проделать со мной.

... В конце лета, по-моему, 2002года на исходе оказалась газетная бумага. Бюджет, обычно, ежеквартально отпускал деньги на ее закупку. Бывало, что иногда минфин затягивал выдачу финансовых средств. Тогда, по моей просьбе, подключался Ардзинба и деньги, как правило, находились. Но на этот раз все приняло иной оборот. Денег опять для редакции в наличии не оказалось. Владислав Григорьевич же в это время был на отдыхе в Пицунде. Очень не хотелось мне, но пришлось идти к Генри Мамедовичу. Одного его звонка было достаточно, чтобы редакции выдали эти небольшие средства.

Пришел на прием после обеда, часа в четыре. Секретарь, доложив о моем визите, вежливо попросила подождать. Заметив, при этом, что у Генри Мамедовича иностранные гости.

Кстати, он обретался в кабинете, в котором я провел почти год до войны. В то время, первый и третий этажи этого здания принадлежали редакции газеты «Республика Абхазия». После войны сюда водворили,

по причине сгоревшего Дома правительства, Кабинет министров. Нам также выделили сносные помещения. И вот, теперь, сидя в приемной, подле своего бывшего кабинета, размышлял. Никто не знает, что будет завтра. Недаром говорят, что человек предполагает, а Бог располагает. Также и я предполагаю, что редакции помогут, а располагает возможностями, хоть и не Бог, но все же высокий начальник Генри Мамедович...

В это время открылась дверь кабинета и оттуда вышла группа иностранцев и, разговаривая на английском, удалилась в коридор. В кабинет прошла секретарь, чтобы, как я понимал, доложить о моей персоне. Ее не было несколько минут. Затем дверь вновь отворилась, и давно, видимо, знавшая меня женщина, стесняясь и потому глядя в потолок, произнесла:

– Сегодня Генри Мамедович больше никого не может принять.

Прошло несколько секунд, секретарь все еще взирала в потолок, а я уже понял: у меня с ним ничего не получится. Мы – антиподы. И он мне мстит за это, и еще за тот, несомненно, случай, когда он униженно просил вице-президента походатайствовать за него, чтобы его не посылали в район, в родное село.

Я встал с места и говорю:

– Уважаемая, опустите глаза, я здесь один в приемной, кому вы говорите, если не мне, что ваш начальник никого принять не может. – И затем, заметив, что охранники Генри Мамедовича заерзали на своих местах, громко и зло бросил: – Не нужен мне ваш этот... обойдусь без него, строит из себя еще... – Не договорив, хлопнул входной дверью так, что штукатурка посыпалась. Словом, ушел я тогда, как говорится, несолоно хлебавший.

Но эмоциями, известное дело, сыт не будешь. Да и редакция без бумаги, что старая абхазская мельница без воды – вряд ли выдаст продукцию. И потому, на редакционном совете решили: надо ехать к Владиславу в Пицунду. Мы в редакции прекрасно понимали, что весовые категории Генри Мамедовича и главного редактора, конечно, различались. Особенно с учетом близости первого к семье. Но за нами также был весомый фактор – Ардзинба создавал газету «Республика Абхазия» и всегда лично помогал редакции в решении тех или иных проблем.

Перед поездкой один из моих заместителей сказал: «Вернешься, возможно, на коне, но не исключено, что и на щите». Впрочем, я никогда не цеплялся за должность, их у меня к тому времени были даже две. Я понимал ситуацию, но и характер Владислава знал. Он различал отлично, где личное, а где дело государственное. И взяв с собой служебную записку на имя Ардзинба, в которой изложил наше положение с бумагой и мои коллизии с Генри Мамедовичем, отправился в путь.

В Пицунде, на проходной дачи, узнаю, что врачи установили Владиславу Григорьевичу строгий режим, о приеме посетителей не могло быть и речи. Я понял, что попадаю в патовую ситуацию. Как быть? Если уехать ни с чем, значит, газета перестанет выходить. Прямо на радость Генри Мамедовичу.

Охранников дачи я не знал. Но все же попросил связать меня по телефону с личной охраной президента. Кто-то, уже не помню по имени, подошел к телефону. Я, назвавшись, сказал, что возвращаюсь обратно в Сухум, поскольку, как мне сказали, Владислав Григорьевич никого не принимает. И попросил передать, что приезжал по важному делу. Мне предложили подождать пару часов, сообщив, что Владислав Григорьевич только что заснул.

Я отъехал, попил кофе и вернулся, на всякий случай, на час раньше назначенного. Дежурный, увидев мою машину, торопливо подошел и сказал, что Ардзинба ждет меня уже более получаса.

Встретил меня Владислав очень доброжелательно, мы обнялись. Вначале разговаривали во дворе, затем он пригласил в коттедж, на второй этаж. Я ему изложил наше плачевное положение с бумагой. Вручил и служебную записку, где живо описал прием, оказанный мне Генри Мамедовичем. Я следил за выражением его лица, когда он читал записку. Следил не любопытства ради, там содержалась далеко не лестная оценка его чиновного родственника, к которой по-разному мог отнестись Владислав Григорьевич. Но он дочитал до конца и не один мускул не дрогнул на его лице. Лишь в конце, внимательно посмотрев на меня, Владислав произнес:

– Не понимаю, почему он не принял тебя. Не в себе был, что ли? Дело-то государственное, не по своим же личным вопросам ты при-

шел... – Затем сделав паузу, заметил: – Ты там пишешь, что Генри Мамедович аполитичный, что ты конкретно имел в виду ?

Я пояснил, что на протяжении долгих лет президент никогда не считал зазорным принять участие в решении проблем государственной газеты. Даже выговаривал не раз редактору, что редко обращаюсь за помощью. Часами обговаривали многие темы, на основе которых затем появлялись газетные публикации. Материальная база, средства на компьютерное оборудование – все это результат равнодушного отношения первого лица. А здесь, в моем случае, – первая попытка, окончившаяся безрезультатно у порога Генри Мамедовича. А ведь газета – это политика. – Так резюмировал я свой монолог.

Мы тогда беседовали долго. И не только на газетную тему. Помню, Владислав сетовал, что растаскивается санаторно-курортное хозяйство.

– Не могу же, говорил он, – везде поставить охрану. Там есть вроде директора. Но у меня создается впечатление, что разбазаривается имущество не без их содействия. Если начальник на своем месте – там порядок, дисциплина. Есть такой директор, ты, наверно, знаешь – Хагуш Рудик Митович. Нам бы таких хозяйственников человек пять-десять. Уверен, положение в этой отрасли обстояло бы намного лучше.

Прощаясь, он мне сказал:

– Езжай спокойно, редакция получит средства на бумагу, можешь не сомневаться. – С тем я и уехал.

Прошло два дня. Утром, часов в десять, мне позвонил вице-премьер Владимир Зантария:

– Виталий Зиевич, я получил твое письмо с резолюцией Владислава Григорьевича. И, честно говоря, не знаю, что делать. Там написано: тов. Зантария, прошу организовать встречу главного редактора и Генри Мамедовича. Получается, что он и ты как бы находитесь в разных государствах, а я, выходит, выступаю в роли посредника.

– Делай что хочешь, – отвечаю, – но встречаться с ним не собираюсь. Передай ему, чтобы деньги на счет редакции были перечислены в течении двух-трех дней. И скажи ему, что я хорошо знаю дорогу на дачу. Могу повторить поездку. И это добром не кончится и для него и, возможно, для меня. Но я, в отличие от него, не держусь за свое место.

После этого минул всего лишь день. Когда наступил следующий, бухгалтерия редакции радостно сообщила, что министерство финансов перевело требуемую сумму на банковский счет газеты. Никакого удовлетворения, я, как помню, не испытал. Было лишь ощущение досады, что зря потрачено много времени на чиновные дразги.

...Генри Мамедович, после освобождения с должности, уехал в Москву. У него там была квартира, по соседству, как говорят, с неизвестным Гиви Ломинадзе. Изредка, пока президентом был Ардзинба, наезжал в Абхазию.

Владиславу Григорьевичу, в связи с болезнью, уже тяжело было подолгу задерживаться на рабочем месте. И, по мере необходимости, он приглашал ответственных работников к себе домой. Как –то и я оказался у него. Было заметно, что он трудно выговаривал слова, некоторые из них вообще выпадали из фразы. Но я его, как ни странно, понимал хорошо. В том разговоре речь зашла о людях, когда-то бывших близкими Владиславу, а затем, по разным причинам, отдалившимся от него. Словом, о так называемом окружении президента.

– Да, разные находились люди рядом со мной, – сказал тогда Владислав Григорьевич. – В том числе и те, которым я безгранично доверял, считал своими друзьями и товарищами. И родственники были. Всегда им верил, помогал и опекал. – Тут, вспомнив случай с Генри Мамедовичем, Владислав продолжил. – Я поменял немало высоких чиновников. Никто вроде не обижался на это, работали на других должностях. А вот, что касается Генри Мамедовича, многие, помню, восприняли формулировку моего указа об его освобождении, мягко говоря, с юмором. Но она, это формулировка, была приведена неспроста. Провинился он сильно передо мной. Будучи в Москве, побывал в Администрации президента России, и приватно там пожаловался на главу Абхазии: застопорилось, дескать, сближение Абхазии и России. И я-де этому помеха. А вот если к власти придет Генри Мамедович, тогда он ускорит все то, что ныне тормозится. Мне позвонили из Москвы и сказали об этом. И вскоре появился тот самый мой указ с известной формулировкой. Думаю, это справедливо, – вопросительно посмотрев на меня, закруглил он свой разговор.

КАЗУС БЕЛЛИ ИЛИ ПОСЛЕДНЕЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

В Абхазии – март 2005 года. У руля управления государством новая власть. От «старой» команды наверху обретается один – оди-нешенек вице-президент. Рауль Хаджимба, по весьма уникальному договору, вроде «соправитель» президента Сергея Багапш. Они догово-рились поделить власть по формуле: 60 на 40 процентов. Так на язы-ке договорных отношений определялся объем властных полномочий обоих правителей. Но, как говорится, гладко было на бумаге: тандем в перспективе не состоялся. Это и понятно: они же не малолетние бра-тья Петр и Иван при царевне Софье, чья власть на Руси скреплялась кровнородственными отношениями. Да и та не состоялась. В нашем случае вскоре злые языки стали поговаривать, что упомянутая форму-ла означала не что иное, как винно-водочную дозу, соответствующую физиологическим возможностям каждого из них. Пока в верхах шути-ли таким образом, в низах проходила тотальная зачистка «ардзинбав-ских» кадров среднего и низшего звена, поскольку высшие чиновники давно, еще при Владиславе Григорьевиче, дав стрекача, переметнулись к «новым» старым правителям.

В такой ситуации, мне, как главному редактору государственной газеты, до последнего поддерживавшего Первого Президента, каза-лось нет смысла продолжать свою работу. Я сообщил Владиславу, что, в связи с давлением новых властей, решил подать в отставку. Есте-ственно, сделав при этом соответствующее заявление. Но Владислав Григорьевич предложил не спешить с уходом. С этим, мол, всегда успе-ешь. Пусть власть, коль имеет подобное желание, сама примет решение и все свершит на законных основаниях.

Я всегда считался с мнением Владислава. И на этот раз, вникнув в смысл его совета, понял, что он прав: редактора ни освободить, ни уволить невозможно без согласия на то парламента. И это прекрасно знал Владислав Григорьевич – основатель газеты «Республика Абхазия» и ее первый учредитель, коим он, согласно учредительным документам, кстати, остается до сего дня.

И тогда, в начале марта, я, под воздействием слов Ардзинба, определился так: пусть вершится все, по воле провидения. Я хоть и не фаталист, но и облегчать задачу новой власти, по всему, раздумал. И началась с тех пор «эпопея» борьбы новой власти с гл.редактором «Республики Абхазия». Это была «война» не столько с редактором, сколько с наследием Владислава. Шла она долго, аж до 2011года. Но давайте, все же по, порядку.

Через дней десять после принятия вышеотмеченного решения в редакцию зашел Астамур Тания – помощник Владислава Григорьевича с предложением опубликовать интервью Первого Президента. Мы напечатали материал в газете за 12-13 марта. В интервью Ардзинба делился с читателями своим видением ориентиров внутренней и внешней политики, которых, на его взгляд, должна придерживаться Абхазия. Рассказал он и о том, как и на что тратились финансовые средства из госбюджета и приватизационного фонда во время его правления.

Затем он высказал мнение по поводу минувших событий, связанных с выборами. Этим-то и был вызван шквал негодований новой власти. Гнев высоких чиновников обрушился в основном на главного редактора, опубликовавшего, по их выражению, «без спросу» интервью Первого Президента.

Приведу объемную цитату из интервью Ардзинба, так как без нее не будет понятна суть коллизий, имевших место позднее. Итак, он отмечал: «В последнее время я узнал истинную сущность многих людей, которые откровенно предали меня (читай – вся «новая» команда за небольшим исключением, т.н. его бывшее окружение – **авт.**), но я историк и подобных примеров знаю много. Я был удивлен, что ни большинство представителей власти, ни наши доморощенные демократы никак не протестовали против захвата телевышки, телевидения, государственных зданий, погромов и грабежей, учиненных в правительственных

учреждениях, в том числе и в кабинете президента страны. Более того, в захвате госучреждений участвовали сотрудники правоохранительных структур. В ходе этих событий были похищены десятки стволов огнестрельного оружия, компьютеры, телевизоры, украдены принадлежавшие лично мне иконы, аппарат спутниковой связи». Прокомментировал Ардзинба и ситуацию, связанную с обстрелом автомобиля премьер-министра Абхазии А.Анкваб, сказав, что «вряд ли это событие стоит использовать в качестве предлога для проведения репрессий и изъятия оружия, а такие призывы уже раздаются».

Эти рассуждения и выводы Ардзинба также подлили масла в огонь негодования его оппонентов и вчерашних «соратников».

Гневная риторика власть имущих

Шквал негодования, вызванный, вне всякого сомнения, рассуждениями и размышлениями Первого Президента, пал, повторюсь, на главного редактора. Словно по пословице «видит око, да зуб неймет». Понятно им, что Владислав – высоко, в анналах истории, а редактор – рядом, под рукой. Таким образом, скандал начал разрастаться. Сигнал из Кабинета – Министров срочно был принят Парламентом. Утром следующего после публикации интервью дня, как мне потом приватно поведали, состоялся разговор руководства Парламента на эту тему. В кабинете Нарсоу Нарзановича разразились гневными филиппиками против интервью Ардзинба и главного редактора, давшего добро на публикацию, видные абхазские парламентарии.

В роли древнегреческого оратора Демосфена метал громы и молнии местечковый «любимец» народа Рубен Рубенович. Критические же стрелы его метили не в греческого царя Филиппа Македонского, а в выдающегося государственного деятеля, в лидера нации. А, заодно, – в скромную персону главного редактора: «Не наш человек, как смеет публиковать Ардзинба, никто его не исправит, гнать его надо» – таковым, примерно, был лексикон бывшего партфункционера, а ныне игравшего, но довольно неуклюже, роль записного демократа. Его поддержал, упомянутый Нарсоу Нарзанович, известный больше по эпистолярной переписке с Ардзинба, в коей Владислав Григорьевич уличал послед-

него в незнании, в частности, основ парламентаризма и ценностей демократии в целом. В «охоте на ведьм» также приняли участие и другие номенклатурные депутаты, рангом помельче.

«Мотором», генерирующим, образно говоря, все эти действия был, однако, Кабинет Министров. Импульсы оттуда доходили и до Администрации президента. Там и там бушевала буря негодования: «Надо убрать строптивного редактора! Он до сих пор в команде Ардзинба! Мешает нам работать...» Так возмущались все высокопоставленные чиновники. Один очень высокопоставленный из них даже сообразил пожаловаться на редактора... представителю российских спецслужб. В ту пору позицию президента Сергея Багапш история утаила, и потому я не могу уверенно ответить – читал ли он вообще упомянутое интервью.

К тому же, в тот период всюю рекламировались пресловутые проекты по экономическому сотрудничеству с Грузией. По версии политиков с «новым» мышлением, подобная позиция должна была привести в перспективе к потеплению отношения и к укреплению мер доверия между грузинами и абхазами. Новая власть стремилась к этому искренне и охотно, сама готовилась залезть в сети, расставленные оппонентами Абхазии как в Тбилиси, так и на Западе. Об этом как раз в интервью предупреждал Владислав Ардзинба, за что на него горе-политики и ополчились.

Ясное дело, власти, замыслив навести «мосты» взаимопонимания с грузинами, решили избавиться от «негибкого» редактора «с дремучим» мышлением, неспособным, разумеется, воспринять новаторские веяния в грузино-абхазских взаимоотношениях. Была еще одна причина для «зачищения» информационного поля. «Аналитиками» власти готовилась почва для вхождения новых лидеров, как они планировали, в пост Владиславовскую эпоху, полагая при этом, что границы эпохи определяются простой сменой власти. Смехотворный, конечно, подход к истории, но таковы были реалии и действующие лица. В том я сам убедился на личном примере, но об этом позже.

Казус Белли или последнее предупреждение

Пока сановные чиновники возмущенно обсуждали «дерзость» редактора, опубликовавшего интервью «побежденного» ими Первого Президента, случилось довольно странное происшествие. Ровно через десять дней, после той злополучной публикации, 22 марта, мною были обнаружены ослабленными все крепления четырех колес служебной автомашины редакции. А случилось это так. Утром подошел к машине, стоявшей за воротами дома, минут на десять раньше обычного. Водителя еще не было. Закурив, стал размышлять, чем убить время, не возвращаться же обратно. Открыл багажник, нашел гаечный ключ и решил, просто так, но, видимо, «просто так» ничего не бывает, проверить гайки на креплениях колес. К слову, за последние годы, не помнил, чтобы когда-нибудь проделывал такое. Проверил одну гайку, смотрю – свободно закручивается. Ну, думаю, забыли подкрутить. Наверное бывает такое. Пошел дальше: проверяю вторую, третью, четвертую – все гайки ослабленными оказались. Осмотрел, встревоженный, все колеса – тоже самое. Подошел в тот момент водитель Виталий Джопуа. Выслушав меня, он, донельзя удивленный этим происшествием, заметил, что колеса новые, на них стоят «секретки» и не просто их, все четыре колеса, ослабить. Это не похоже ни «на шутку» и ни на попытку воровства. Странное дело, так квалифицировал он этот случай.

На работе о «странном случае» рассказал своим заместителям. Я все же склонялся к тому, что воришек кто-то напугал и они, не завершив свое дело, в спешке сбежали. Но тут Юрий Кураскуа заметил, что «просто так ничего не бывает». Я, громко рассмеявшись, сказал, что сам, недавно мысленно произнес слово в слово то же самое. В конце – концов, решили дать заметку в газете о происшествии с редакционной машиной.

На следующий день ситуация получила иное развитие. Редакцию посетил представитель Первого Президента и настойчиво, от имени и по поручению Владислава Григорьевича, рекомендовал обратиться по поводу происшествия с официальным письмом в Администрацию президента, Парламент и Кабинет Министров.

Мы так и сделали. В двух «центрах власти» на мои послания внимания не обратили. А глава Кабинета Министров А. Анкваб среаги-

ровал: поручил МВД начать расследование обстоятельств дела. Меня пригласили в отдел уголовного розыска, чтобы опросить по поводу происшествия.

Отвечая на вопросы следователей, я высказал мнение, что, на мой взгляд, это попытка кражи, что было не редкостью в то время. Но мои собеседники сразу отклонили эту версию, заметив, что так не грабят, почерк, мол, не тот. Больше похоже на месть – заключили в итоге профессионалы уголовного розыска.

– Вы здорово нам помогли бы, если припомнили кого-нибудь из ваших недоброжелателей. Может по работе или по бытовым делам, – заметил один из них.

Я отвечал, что врагов явных не имею, но обиженных, полагаю, не мало. Иначе не может быть у любого работника газеты, тем более редактора. И затем, чтобы им было легче ориентироваться, очертил временные рамки, в пределах которых, в свое время, был опубликован ряд статей, способных вызвать крайнее недовольство одного высокопоставленного лица. На том мы тогда и разошлись. Кстати, больше и не встречались.

Я, конечно, не ожидал особых «открытий» в этом деле. Мне было важно уяснить, что думает по этому поводу Владислав Григорьевич.

– По всему тебя пытаются запугать определенные силы, чтобы ты сам ушел с работы, – однозначноотреагировал он. – Ты мне как-то сообщил, что хочешь подать в отставку. Об этом знал, видимо, не только я.

– Да, говорил, Сергею Васильевичу, что готов сложить обязанности гл.редактора, но он не согласился. Сказал, чтобы работал дальше, хотя, как он заметил, жалоб на меня очень много.

– Этого вполне достаточно, чтобы в курсе оказались и некоторые другие, – заметил Владислав Григорьевич. – Вот и решили подтолкнуть тебя. Теперь, после твоих официальных обращений, я думаю, аналогичных происшествий больше не последует. Правильно сделал, что в милиции очертил круг своих подозрений. Тот, кого это касается, теперь поостережется действовать прямолинейно, надо ждать другого: разных интриг и подковерных дрызг. Ты же знаешь, с кем имеешь дело. Решай сам – как быть. Я бы тебе советовал не спешить с уходом, надо держаться.

«Дело редакторов»

И я решил «держаться» как советовал мне Владислав Григорьевич. Он оказался прав и в том, что предсказывал мне в дальнейшем «интриги и подковерные дразги» властей. Они не заставили себя долго ждать.

«Новые» задумали покончить с относительной независимостью главной государственной газеты путем освобождения гл.редактора не Парламентом, согласно закона, а исполнительной властью.

Посему случаю «аналитики» верхов – Анкваб, Лакербая, Озган, Ашуба придумали столь нелепейшую схему, что сами себя загнали в тупик. По их мысли, две ветви власти в лице их высоких органов – Кабинета Министров и Парламента – создают некий симбиоз по управлению двумя главными газетами страны. Но при этом, забегая вперед, замечу, что реализация «проекта» проводилась столь топорно, что провалилась с треском. Главная цель – избавиться от редакторов не была выполнена. Кстати, главный редактор газеты «Апсны» Б.Тужба, на мой взгляд, страдал безвинно, как говорится, за компанию.

Я уже назвал действующих лиц «по делу». Вершилось оно, как отмечено выше, Кабинетом Министров и Парламентом. Кроме вышеназванных кураторов, также были задействованы исполнители помельче рангом. Были среди них и некоторые порядочные депутаты, имен которых потому и не называю.

Кстати, когда я в очередной раз беседовал с ними на предмет судьбы газеты «Республика Абхазия» произошел курьезный случай. Отворилась дверь кабинета (дело было в Парламенте, в комитете по культуре) и вошел один из парламентских функционеров по фамилии Синичкин. И с места в карьер высказал в неподходящий момент не-сусветную глупость. Я его спросил: не Рубен Рубенович ли его прислал на помощь депутатам? Он осекся, но затем обиженно заметил, что в таком тоне, мол, не будет обсуждать проблему и уйдет. Я довольно жестко заметил, что в его услугах никто не нуждается. И что он не только может, но и должен непременно удалиться. Что тотчас и было сделано. И, я думаю, с большой охотой.

Как только за ним закрылась дверь, депутаты враз заявили: что им так же неохота этим заниматься. Но вот Рубен Рубенович сильно настаивает. «Что делать, Зиевич?» – вопрошали они.

Дальше была долгая канитель с обсуждением проекта Устава и Договора редакции в Парламенте. Дни шли за днями. И вот в один момент, неожиданно и негаданно, обсуждение было прервано сессией Парламента, в повестке дня которой значился вопрос: «О газетах «Апсны» и «Республика Абхазия». Редакторы были в неведении, нас даже не поставили в известность, что подготовлен (разумеется, в кулуарах), проект постановления по государственным газетам. Организаторам «дела», видимо, надоела законотворческая деятельность и они решились на «блиц-криг». По ходу сессии, ознакомившись с проектом решения по газетам, я не выдержал и громко рассмеялся – настолько проект был безграмотен и нереален со всех точек зрения. Я, естественно, готовился выступить, и был уверен, что многие депутаты не поддержат проект. Но его так и не рассмотрели на сессии в тот день. Нарсоу Нарзанович снял его с повестки дня, почувствовав и мою готовность выступить и негативное отношение депутатов к проекту. Вопрос этот еще не раз возникал на заседаниях сессии. В конце-концов, потеряв терпение, раз явился и сам премьер. Видимо решил лично убедиться, отчего буксует согласованный в узком кругу тайный сценарий «дела редакторов». Так иногда наблюдала за инсценированными процессами прошлого приснопамятная личность, будь она неладна.

И что это за проект такой, думает, наверное, читатель, который не был реализован даже усилиями самых высоких чинов страны. Он, этот план, изначально был провальным, поскольку ущемлял права, а значит и самолюбие депутатов. Посудите сами: Парламент, который, исходя из действующего Договора и Устава газет самостоятельно решал вопрос назначения и освобождения редакторов, по сговору выше отмеченных персон, добровольно уступал «пальму первенства» в руководстве государственными газетами исполнительной власти. Вот такая антидемократичная казуистика: упростили процедуру снятия редакторов для премьера. На манер увольнения директоров заводов и фабрик. Насколько все это было шито «белыми нитками», делалось глупо, тупо и на злобной основе, что это «дело» временно застопорилось на уровне Парламента.

Главное – стравить «злодеев»

Приложил к этому, признаюсь, руку и я. Зная слабые места наших бонз, их особенную страсть к своим постам и креслам, решил слегка потрепать нервы Нарсоу Нарзановичу. Всегда не любил деятелей от комсомола: почему-то считал, что оттуда выходили на руководящую работу, как правило, чересчур ретивые карьеристы.

Как-то, после очередного безрезультатного разговора в недрах Парламента, я не пошел, как это делал раньше, оттуда на работу. В голове крутилась та самая каверзная идея, и, мысленно соображая схему разговора, поднимаюсь к Нарсоу Нарзановичу. Увидев меня, он, понятно, удивился. Ждал, скорее всего, моих переговорщиков. Будучи уверен, что я зашел поговорить о делах редакции, он повел речь в духе все той же нечестной закулисной возни. И я решил окончательно, что он заслуживает участия в моем розыгрыше. Остановив его сентенции, равнодушным тоном заметил, что вопрос государственной газеты и ее руководителя решается все же не здесь, а на уровне главы государства. Меня же привело сюда иное, сказал я. Пришел как к старому знакомому по обкому, и, что весьма печально, с плохими вестями, добавляю к сказанному.

Лицо собеседника тотчас приняло настороженное выражение. Десять лет работы в обкоме партии научат всякому, в том числе и знанию психологии людей. Что касается моих партийных коллег – один из которых смотрел на меня, мучительно размышляя, о чем поведает нежданный гость – их-то я знал досконально.

Сославшись на некие связи в верхах и на досужие разговоры, я, теперь уже, не кружа вокруг до около, прямоком выдал: возмущены, дескать, земляки Рубена Рубеновича их малым представительством на руководящих постах. И наверху, мол, озабочены этим, и усиленно размышляют: кого из начальников разменять или переместить в замы, а последних, наоборот, посадить на места начальников. Вот такое, дескать, кадровое решение зреет в головах наверху, и, что очень печально, в поле зрения высокопоставленных «товарищей» попал даже Нарсоу Нарзанович. Поскольку, как он сам догадывается, у него очень уж влиятельный заместитель, который, в силу своих региональных заслуг

и особенных личностных качеств, в замах быть не привык. И карта может лечь именно таким образом, что, возможно, произведут обмен местами: Рубен Рубеновича пересадят в кресло Нарсоу Нарзановича, а последний опустится на ступень ниже, заняв место своего зама.

Я даже слегка оторопел, когда заметил, что попал в самую болезненную точку, которая хорошо знакома боксерам. Особенно тем, кто попадал в нокдаун. Мой собеседник, к его чести, как говорят профессионалы, выдержал удар. Но был, опять-таки по терминологии боксеров, сильно потрясен. Я смотрел на него и думал: один из исполнителей «дела редакторов», вне всякого сомнения, выбит из игры. И посему быть передышке в грязном процессе удавления главной газеты страны.

Так и случилось. Очнувшись от представленного на миг кошмара – отрешения от властного поста, Нарсоу возбужденно, совершенно не в русле нашей беседы, и, видимо, в знак благодарности, произнес:

– Вопрос газет закрыт, наши молодые депутаты допустили оплошность, а сам текст проекта постановления Парламента – досадное недоразумение. – И уже почти гневно, закруглился: – Все, Парламент свои газеты не уступит никому и никогда!

Эти последние слова позабавили меня, и в то же время, про себя подумал: «Да разве когда-нибудь карьеристы держали слово».

На дворе, помнится, стояла весна 2005 года.

«Создатели» новой эпохи

Когда человек по случаю обретает власть, на которую, по большому счету, не рассчитывал, он становится непомерно амбициозен, даже если умственно и духовно ограничен. Таких в новой власти оказалось подавляющее большинство. Чистых «прагматиков», начисто лишенных национального романтизма и элементарного патриотизма. Недаром говорят, что революцию творят романтики, плодами ее пользуются «прагматики». Есть у них и иное имя. Разве мы не свидетели того сегодня: расцветает и богатеет правящая прослойка абхазского общества и, все больше отставая от нее, беднеет подавляющая часть населения страны.

Ведь не затем же делали «революцию» Владислав Ардзинба и его искренние сподвижники, создавали новую эпоху, мечтали о качествен-

ной жизни для всего абхазского общества. Вот здесь как раз расходятся пути-дороги подвижников революционной эпохи и тех, кто выстраивает новые отношения на манер худшего опыта России 90-х годов. Так называемую эпоху «новых абхазов».

Но тем не менее, устроившись сегодня на «прагматический» манер, создав условия для доступа к распределению благ (денег) узкого круга лиц, новая элита, с самого начала прихода к власти, попыталась также войти в «свою» новую эпоху, если не с основного, то хотя бы с черного хода.

Для начала «теоретики» новой власти, за неимением собственных заслуг, решили потеснить... В. Г. Ардзинба. По их «понятиям» он и его деяния слишком много места заняли в современной истории Абхазии. И попытались они ее, эту историю, ограничить рамками простой хронологии: от сих, мол, и до сих.

...Была такая «всесильная» фигура при президенте в ранге экономического советника. Внешне миролюбивая, медлительная в движениях, словоохотливая в разговоре, личность. Человек как человек, не гений и не глупец вроде. Но вот настал триумфальный период, и он занял место рядом с властью имущим одноклассником и другом. И тогда он, по праву, как ему казалось, решил порулить. И не только маленькой страной. Чего уж там мелочиться – и эпохой тоже. И подумалось ему: почему, дескать, в ней безраздельно должен быть только один национальный лидер? А как же тогда мы – победители? Не в войне с грузинами, конечно. Это дело рискованное, грязное, в таких случаях пусть народ упирается со своим лидером. А мы – элита его. Помогали в ту пору борющемуся народу из Москвы, Краснодар, Сочи, да мало ли мест приличных. Хотя бы из Московского ресторана «Генацвале». Это для конспирации особенно удобно. И все же сегодня – мы победители. На выборах отличились здорово умом. Применили, прямо скажем, передовые технологии. И все путем. Вот только бабушка одна погибла «нечаянно». Правда, не простая, вечная революционерка, пассионарии от рождения.

И все же это не мешает нам быть в эпохе. И никто не смеет нам в этом перечить. Да вот только редактор чего-то ерепенится, интервью Первого Президента не по делу публикует, и не боится нас. И пишет беспрестанно, к месту и не к месту, «Первый Президент», хотя это уже

пройденный этап. Надо плотнее взяться за него, смотришь, и гонор весь сойдет, не таких обламывали у Ходорковского. Так, примерно, мыслил закадычный наперсник главы страны, размышляя в своем кабинете, на втором этаже здания Администрации президента.

Кстати, в Москве он, говорили, обретался у Ходорковского в банковской системе «Менотеп», занимался также бизнесом, имел бензоколонки. Но когда посадили миллиардера и начались проверки сотрудников, подался от греха подальше, на родину. Но не с пустыми руками. И не только с деньгами. Некие российские политехнологи, в том числе провластные, снабдили его рецептами взятия власти. Так страна обрела «автора» бессмертного бренда под названием «Единая Абхазия». Название это, применительно к Абхазии, звучит так же, как, замечу, расхожая присказка: «В огороде бузина, а в Киеве – дядько». И объясню почему. Для той страны, откуда подхвачен сей логотип партии – он весьма актуален. Российское государство – федеративное образование. Мы все помним 90-ые годы прошлого века, когда эта федерация оказалась в трудном положении. Многие автономии, причем вполне состоятельные в социально-экономическом плане, заявили о суверенитете от центральной власти. А Чечня стала на некоторое время и независимой. Затем, с приходом новой власти в России, появилась возможность разумного разрешения этой ситуации. Один из идеологических элементов такого подхода – создание партии «Единая Россия». А чем подобная аналогия продиктована в Абхазии? Ответу: простым бездумным подражательством. В национально-государственном устройстве у нас нет проблем и тенденции, схожих с теми, что имеются в любой федерации. Если те, кто привез этот «бренд», лелеяли мысли о «единстве» абхазского общества, то, полагая, они реализовали свои задумки по известному принципу: «Хотели как лучше, а получилось – как всегда». То есть от бывшего единства ничего не осталось, машина дальнейшего расслоения и разрушения общественного согласия властными силами была успешно запущена и набирала обороты. И на этом фоне началась обкатка темы вхождения в эпоху «новых властителей».

Попытки эти испытывались, прямо скажем, не раз на персоне главного редактора газеты «Республика Абхазия». А почему бы и нет,

рассуждали новые аналитики. Был идеологом у Ардзинба, если его обломать – это стало бы весьма эффектным и поучительным примером для других. И делалось это так.

Приглашается главный редактор к «всесильному» советнику в кабинет. Начинает он разговор о газете, дает ей, как правило, нелестную оценку, причем настолько примитивную, насколько и безапелляционную. Терпит редактор, отделяется общими репликами. Ибо предупрежден руководящим товарищем из Администрации Президента: не срываться, не идти на конфликт... Затем, от газетной темы, сей «знарок» экономической науки и практики переходит к своей заветной цели.

– Скажи, пожалуйста, сколько времени будешь писать «Первый Президент». Мы что... в Америке живем? – вроде иронизирует он.

– Не понял, – отвечаю, вначале ошарашенный услышанным, но затем гнев начинает закипать. Что предлагаешь, – говорю и, вспомнив наставление товарища «о трех инфарктах» собеседника, пытаюсь успокоить себя.

– Так что, до бесконечности будем называть: первый, второй, третий и т.д. президенты, – пренебрежительно бросает он. Пиши экс-президент и все будет в порядке, – как бы ставит начальственную точку советник.

– Послушай, – говорю ему, еле сдерживаясь. У нас есть закон о Первом Президенте. Писали и будем писать как надо. И не тебе это решать, – отвечаю ему довольно жестко.

– Ну что ж, тогда мы решим твой вопрос, – самоуверенным тоном изрекает советник и, вальяжно устроившись в кресле, пристально глядит на меня.

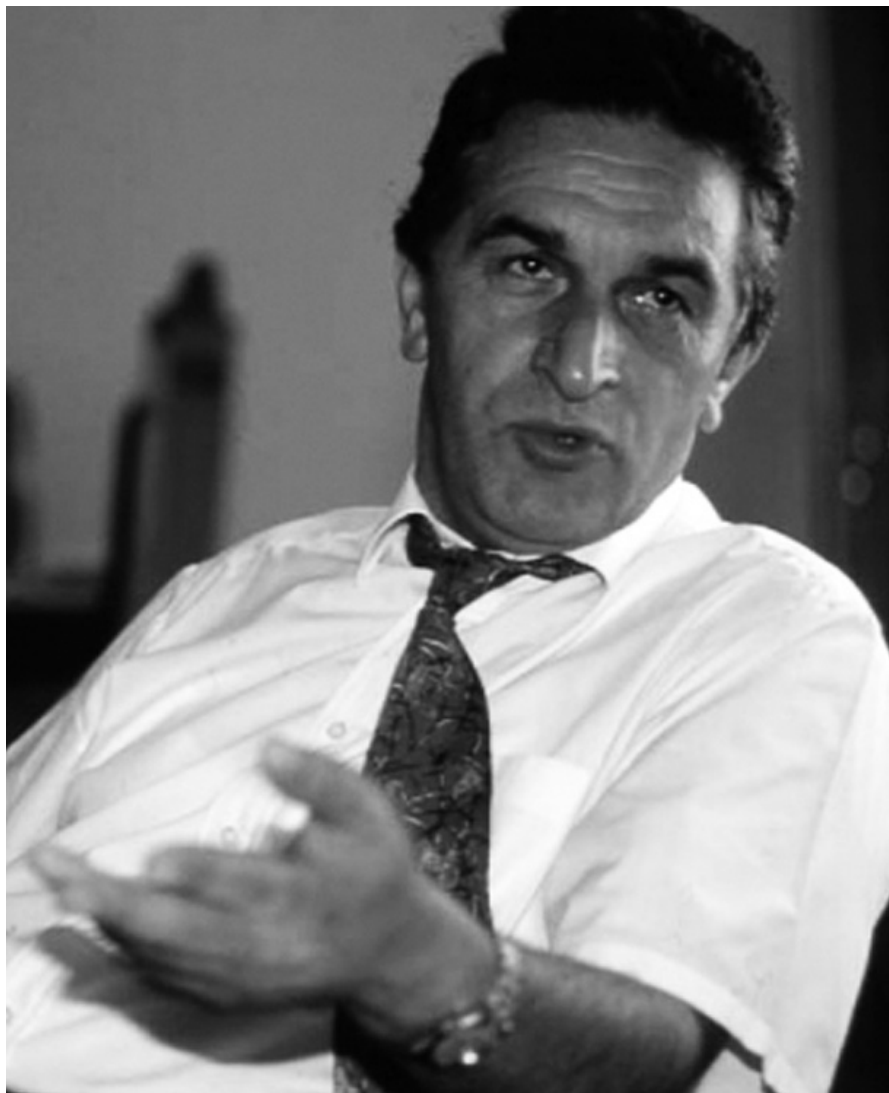
И вдруг меня осеняет: «Мы решим» – не значит ли это, что сия идея не одного советника, а, скорее всего, коллективная. По всей вероятности за ней стоит не только мой собеседник, но и кое-кто весомей его. Проговорился болтун: «мы решим».

– Ничего ты не решишь, и в эти игры со мной лучше не играть, – уже зло отвечаю ему. – И еще хотел добавить кое-что в придачу, но он, почувствовав что-то недоброе, прервал меня словами: – чай, кофе? Здесь я не сдержался, и, вставая из-за стола, заметил, что подобные на-

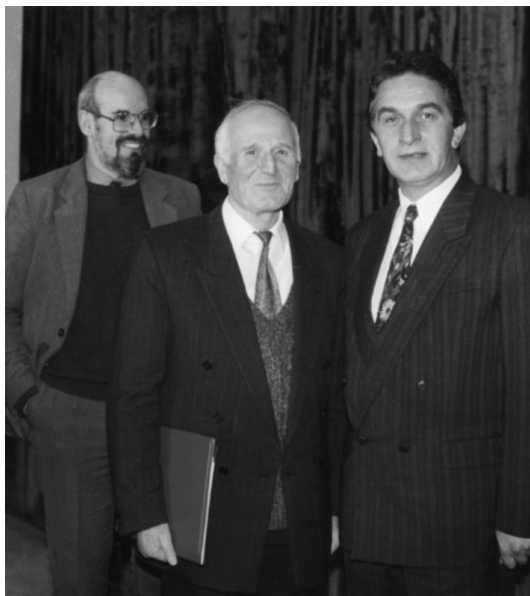
питки здоровому мужчине не предлагают. В это время в кабинет вошла министр экономики Кристина Озган, и, воспользовавшись заминкой советника, я, не попрощавшись, быстро удалился.

ПОСТФАКТУМ Всех этих, поименованных мною персонажей и других им подобных персон, я часто вижу «скорбящими» по соответствующим датам у могилы Первого Президента. Лица их в тот момент строго сосредоточены, головы склонены чуть на бок, чтобы очи, все-таки смотрели в сторону от места последнего упокоения их грозного оппонента. Я, определенно, догадываюсь, что творится в этот момент в их душах. Верующие в Бога, с опаской думают: «А как придется держать ответ перед Всевышним за свое греховное двуличие?» Атеисты же уверенно полагают: «Благо, что нет иного мира, загробного. А на нет, как водится, и суда нет. Божьего, разумеется».

Это тоже, заметим, жизненная позиция.

Владислав после Победы

*В. Ардзинба,
С. Джинджолия,
Ю. Воронов*

На приеме Б. Н. Ельцина. сентябрь 1994 г.

Их покалечила война. Чем, все-таки, им помочь?

Победители: главнокомандующий и полководцы

Тбилиси. 14 августа 1997г. Роковой визит Владислава

Борис Березовский, Владислав Ардзинба, Борис Пастухов

Владислав Ардзинба и личные представители Генерального секретаря ООН: Ливиу Бота, Хайди Телявини, Главный военный наблюдатель Баджва

*Народный поет Абхазии Баграт
Шинкуба благословляет вновь избранного
Президента*

*Владислав Ардзинба и секретарь Совета
Безопасности Абхазии Алмасбей Кчач на
показательных учениях военной техники*

**ГЛАВА 4.
НИКОЛАЙ АБИН.
ОЧЕРКИ О
ВЛАДИСЛАВЕ**

МОМЕНТ ИСТИНЫ

Шел август девяносто девятого года. Мы встретились случайно у братьев Читанава, в фитоцентре «Мушни». Последний раз я видел Батала Ахба на спортивном празднике в Ачандаре в девяносто шестом. С тех пор он сильно изменился; виски припорошила ранняя седина, а в глубине голубых глаз, напоминающих горные озера, затаилась невысказанная боль и тоска. На моем лице отразилось недоумение. Он тяжело вздохнул и с грустью, не по годам мудро, сказал:

– Возраст измеряется не годами, а пережитым.

Возникла неловкая пауза. Батал ушел в себя и затем, стыдясь своей слабости, тихо произнес:

– Ты знаешь, так трудно, как сейчас, мне не было даже на войне.

Я молчал и не знал, что сказать, опасаясь неосторожным словом ранить его.

– За что!? Почему она продолжает мучить меня? – продолжил он этот, скорее с самим собой разговор: Чего ей еще надо?! Недавно ты забрала мать. Слег и не встает отец. А когда приходит ночь, она оживает во мне. Под сердцем возникает что-то омерзительное и мучительными кошмарами преследует до утра. Спасаясь от этого наваждения, я иду сюда к солнцу, морю и людям, которые не поражены отвратительной проказой войны. Но проходит день, наступает вечер, и она снова забирает к себе.

– Когда это произошло?! – терзался в поисках ответа Батал. – Наверно, той промозглой осенью девяносто второго года. В ту ночь я и трое моих одноклассников перешли роковой рубеж – рубеж, подвластный одному Господу. В тот проклятый год вчерашние друзья и родственники превратились в смертельных врагов, сосед пошел на сосе-

да, а когда прогремели выстрелы, то уже невозможно было найти ни правого, ни виноватого. Потом на нас напала эта нечисть!

И тогда мы решились, – вспоминал он, – выйти на страшную охоту – охоту на людей, чтобы добыть оружие. Инал и Юра были совсем пацаны; им бы в школе Пифагора с Ломоносовым зубрить, но у войны свой отсчет и свой выбор. В кромешной темноте мы спустились в ущелье, перешли ручей и начали взбираться по склону. Под ногами предательски потрескивали сучья, и с грохотом осыпались камни. По узкой тропе, местами размытой дождями и оползнями, мы вышли на передний край обороны.

Впереди лежало минное поле. За ним, в сотне метров начинались вражеские позиции. Проход, проделанный в заграждении нашими минами, в темноте ночи утратил знакомые очертания. Но тут показалась луна и осветила окрестности своим неверным светом. Мы нашли выход на нейтралку и остановились, не решаясь ступить на землю – в любое мгновение могла отозваться затаившаяся в ней смерть.

Сердце замирало, когда нога опускалась на песчаный буторок, и он разъезжался в сторону. Так, метр за метром, отсиживаясь в воронках и вслушиваясь в затаившуюся тишину, мы продвигались вперед. Я не выпускал из руки пистолета, а ребята ножи. На «нейтралке» тот хозяин, кто действует первым.

Пока пробирались, взмокли как мыши. Наконец впереди прорезался бруствер окопа. Грузины, напуганные огнем наших снайперов, вели себя тихо и строго соблюдали светомаскировку. По тлеющим огонькам сигарет и приглушенным голосам часовых можно было догадаться о расположении постов. Не сговариваясь, взяли вправо, чтобы под прикрытием кустарника выйти на них. Оставалось уже немного, и тут передо мной затрещали кусты. Засранец! Он подтянул штаны и стал застегивать. Всего один короткий бросок, и с ним было бы покончено, но я не мог оторваться от земли; тело, словно приросло к ней. Тоже творилось с ребятами.

Нет, то был не страх! Он остался на минном поле. Перед нами находился не злобный враг, а обыкновенный человек. Все, что он делал, было до того буднично, что ощущение войны и его враждебности утрачивало смысл. Убить его оказалось выше моих сил. Не смогли сделать

этого и ребята. Мы сползли в воронку и подавленно молчали. Никто не решался первым заговорить. Слабость и стыд владели нами.

Порывы ветра шелестели листьями кустарника и слабым посвистом отзывались в разрушенных отопительных трубах. Где-то в глубине позиции гвардейцев монотонно гудела дизельная станция. Со стороны окопа долетали обрывки разговора, затем слышалась возня, и кто-то из часовых заржал. Вспышка необузданной ярости подбросила нас вверх. Мы выбрались из воронки и, обдирая локти о камни, поползли к окопу.

Они возникли неожиданно. Их было двое. Старые АКМ небрежно болтались за спинами. Слабый свет зажигалки выхватил из темноты заросшие лица. На месте глаз зияли темные провалы. Крепкие зубы обнажились в белозубой улыбке. Они беззаботно смеялись и не подозревали, что рядом затаилась их смерть.

Мы застыли перед последним броском. Броском, после которого ни я, ни ребята уже не смогли возвратиться к самим себе. Там, на бруствере вражеского окопа я стал другими. Сердце бешено молотило и готово было вот-вот выскочить из груди. Рукоять штык-ножа раскаленным куском металла жгла руку. Потом, когда с ними было покончено, еще неделю багровые рубцы не сходили с ладони.

Наши глаза встретились! Он был моим ровесником. Я до сих пор помню его дрожащие губы, слабый пушок над ними и нелепо повисший на них окурок. От страха он оцепенел. Сколько длилось это бесконечное мгновение, не знаю. В моем сердце была абсолютная пустота, руки стали чужими, сработал инстинкт, и я бросился вперед. За мной ринулись ребята. Ножи и руки кололи и терзали обмякшие тела. Чужая и своя кровь хлестала по нашим лицам, ломались ногти, а мы не могли остановиться.

Пулеметная очередь отрезвила нас. Содрогнувшись от содеянного, мы выскочили из окопа и бросились обратно; неслись, не замечая свиста пуль. Не помню, как проскочили минное поле, как оказались у своих. Нас рвало и выворачивало наизнанку. Впервые выпитая кружка спирта и новая одежда не могли унять дрожь, сотрясавшей наши тела. Незримые пятна чужой крови жгли кожу и терзали душу. Мы не могли смотреть друг на друга, слишком велико было потрясение.

Убить, человека, пусть даже врага – каждое слово с трудом давалось Баталу, – это что-то убить в себе. Не верь тому, кто говорит: война все спишет. Брехня! От самого себя не убежишь. После той вылазки были еще бои, много боев, я снова убивал и меня больше не мучили кошмары, а нож не жег руку. Говорят, человек ко всему привыкает, в том числе и к такой омерзительной работе как война. Но разве от этого легче? Я отнимал чужие жизни и что-то терял в себе, Терял... – не закончив мысли, Батал смолк, достал из пачки новую сигарету нервно помял в пальцах, но так и не закурил. Его слова, тяжелые, как камни снова обрушились на меня:

– Самый тяжелый, самый трудный бой был в марте 93 года. Каждый день с высот над Гумистой мы наблюдали, как эти нелюди разрушали наши города и села, мучили и истязали наших матерей и сестер. За завесой наглой дезинформации они пытались скрыть правду. Но ни минные поля, ни свирепствовавшая полиция сатрапа Ахалая, опутавшая каждый дом паутиной страха и доносительства, не могли заглушить голоса правды.

Разведчики, узники, чудом вырвавшиеся из застенков Ахалая, рассказывали о зверствах, творимых гвардейцами и полицейскими. Эти чудовища не останавливались ни перед чем! В них не сохранилось ничего человеческого! Варвары! Зверье! Они вымещали злобу на безвинных стариках, женщинах и детях. Под Келасуром загнали людей в трубы на газораспределительной станции и замуровали. Среда бела дня застрелили в квартире сухумскую художницу Равилю Мухаметгалиеву и таких ...

Батал осекся; от нервного спазма у него перехватило дыхание. Ветер трепал его, тронутые ранней сединой густые волосы, смахнул с пепельницы давно потухшую сигарету, а он этого не замечал. Я молчал, потрясенный услышанным. Прошла минута-другая, Батал, словно освобождаясь от ужасов прошлого, с ожесточением произнес:

– Терпеть такое было выше человеческих сил. Наши сердца переполняла люта я ненависть к палачам, и командиры уже не могли удержать нас от справедливой мести. 16 марта, мы, не думая о смерти, пошли в бой, чтобы расквитаться с этой мразью. В предрассветном полумраке цепи разведчиков поднялись в отчаянную атаку. То был первый и самый трагический штурм Сухума.

Накануне выпал снег, на моей памяти такого еще не было. Ноги тонули в сугробах. Ледяная мартовская вода обжигала тело, острые камни рвали одежду и до крови ранили руки, но никто не проронил ни слова, ни подал стола. В стремительном броске мы форсировали Гумисту и залегли в прибрежных скалах. Саперы ушли вперед проделывать проходы в минных полях. Пулеметчики и минометчики занимали позиции, чтобы первым залпом накрыть огневые точки противника. Родная ночь хранила нас, но предательский свет ракеты выдал разведчиков.

Тишину вспороли пулеметные и автоматные очереди, заухали тяжелые минометы, и надрывный вой смерти обрушился на нас с небес. Земля содрогнулась, и стена артиллерийского огня отрезала передовую группу от основных сил. Пулеметные очереди прижимали к земле и не давали поднять головы, оставался единственный выход – вперед на врага. В стремительном броске мы ворвались в окопы.

Батал снова прервал рассказ. Груз тяжелых воспоминаний мрачной тенью лег на его открытое лицо, а когда он снова заговорил, то каждое слово давалось с трудом:

– Рукопашная – это самое суровое испытание войны! В ней нет выбора – или ты, или он. В такие мгновения, когда смерть смотрит в лицо, в тебе умирает человек. Изнутри, нет, не из сердца, а откуда-то из неведомых глубин души, вырываются самые темные силы, и ты превращаешься в дьявола. Ты живешь только одним – растерзать подобное тебе существо.

Грянули разрывы гранат, и через мгновение, заглушая их и шум боя, над цепью окопов зазвучал яростный рев и мат. Лучи восходящего солнца багровыми всполохами засверкали на кончиках штыков и булатной стали ножей и кинжалов. Мы сошлись в рукопашной! Клубки окровавленных тел извивались по земле, терзали и кромсали друг друга в слепой ярости. Стоны раненых и мольба умирающих неслись из-под ног; на них никто не обращал внимания. Мы рвались наверх к злобно твоякующему пулемету. Смерть вырывала одного бойца за другим. Атака захлебнулась. Пришедший в себя враг обрушил на нас шквал огня. В воздухе зависли вертушки. Свинцовый дождь пролился новыми смертями по нашим обескровленным цепям.

Эта мясорубка продолжалась до глубокой ночи, и только под ее покровом немногие сумели возвратиться назад. Потом небо над Сухумом еще долго полыхало от «трассеров» и ракет. Сволочи! Они праздновали победу, а мы пережили настоящий шок. Наши потери, казались, невозполнимы, души были опустошены, а сердца переполняли горе. С провалом наступления, в которое было вложено все, таяла надежда на победу. Последнее, что у нас оставалось – вера. И ее символом стал наш президент!

Да, да! Президент! – с вызовом воскликнул Батал. – А сегодняшние кривые ухмылки и злословие пусть останутся на совести тех, кто во время войны отсиживался за Псоу. Сейчас, когда он болен, легко вешать на него всех собак, а тогда, в те невыносимо тяжкие дни, именно, Владислав Григорьевич сумел нас объединить, и мы смогли выстоять и победить!

Мне нечего лебезить и заискивать. Я был простым бойцом и остаюсь рядовым гражданином! Я единственный в семье и по указу президента не подлежал призыву. Можно было остаться в Харькове и закончить институт, а потом в Украине «сесть» на «теплое» местечко. Декан, когда отдавал документы так и сказал:

«Батал – это не твое дело. Те, кто эту кашу заварил, пусть сами и расхлебывают».

Отец тоже писал, звонил и просил не приезжать. Его можно понять, он долго ждал ребенка целых пятьдесят три года. А когда я увидел свет, отец от счастья был на седьмом небе. Он гордился тем, что род Ахба будет продолжен.

Губы Батала дрогнули и, нервно теребя сигарету, он тихо произнес:

– А что мне было делать?! Чт-о? Оставаться в стороне и смотреть, как враг терзает мою землю, убивает родных и друзей?! Но кому тогда нужен род Ахба, если у него не будет родины?! Кому? – здесь голос Батала окреп, в нем звучала гордость за свой народ и президента Владислава Ардзинба:

– Слава богу, так думало большинство. Нам было невыносимо тяжело, и Владислав сумел найти слова, которые возродили надежду в наших израненных сердцах. Он смог выразить то, что было в душе

каждого из нас и слить любовь к Родине и ненависть к врагу в такой невиданный сплав, который оказался не под силу ни танкам, ни самолетам, ни бешеным деньгам, которые на нашей крови отмывали мерзавцы из Тбилиси и Москвы.

Я и сейчас помню каждый жест и каждую фразу той Великой речи президента. Они и сегодня, спустя шесть лет живут во мне и дают надежду на то, что когда-нибудь и у нас все будет нормально. Слова Владислава заслуживают того, чтобы их повторять снова и снова:

«У народа, потерявшего землю отцов – нет будущего. И пока жив ее последний гражданин никто и ничто не сможет покорить ее. Я останусь со своим народом и разделю его судьбу, какой бы трудной и трагической она не была. Но я верю – победа будет за нами! На нашей стороне правда и справедливость! С нами наши братья с Кавказа! С нами русский народ! С нами дух наших великих предков, сумевших во все века отстоять от врагов и сохранить нашу любимую Абхазию!»

Эти слова президента облетели всю республику. Люди воспрянули духом и повторяли как молитву:

«Владислав с нами до конца! Он верит в победу!»

Батал перевел дыхание и продолжил:

– Он был с нами не только словом, но и всем сердцем, душой и делом! Его вера и стойкость, несмотря на тяжелейшее положение на фронтах, были непоколебимы. У меня и других бойцов не возникало и тени сомнения в том, что Владислав Григорьевич может дрогнуть, отступить, а тем более сдаться. Поверь, это не просто красивые слова, он доказал это на деле!

Шли тяжелейшие бои за Цугуровку, Шрому и Ахбюк, ставшие кульминацией войны. Ахбюк по несколько раз переходил из рук в руки, как мы, так и гвардейцы хорошо понимали: высота ключ к Сухуму. В очередной раз нам удалось овладеть ею, но не успели, как следует, закрепиться, как они подтянули резервы, и пошли в контратаку. Грузины вояки так себе, а тут озверели и, не считаясь с потерями, перли на нас. С воздуха их постоянно прикрывала авиация, артиллерия без перерыва била по нашим позициям и не давала поднять головы.

Мы упорно цеплялись за каждый бугорок, за каждую ложбинку, но их тяжелые батальонные минометы выкашивали наши ряды. Все кто

еще мог держать оружие в руках, даже тяжелораненные ушли на передовую; это ненадолго остановило врага, но не спасло положения. Из города к гвардейцам подошли свежие силы, и они возобновили атаки. Мы отступали, сдавая одну позицию за другой. К полудню положение стало критическим, казалось, еще одно их усилие – и фронт будет прорван.

В те роковые часы Абхазия замерла в напряжении. Вести из-под Ахбюка приходили одна горестнее другой. Люди готовились к самому худшему, и тогда президент объявил всеобщую мобилизацию. В Гудaute собрались старики и мальчишки из восьмых и девярых классов, остальные уже воевали. Матери прощались с сыновьями, старики сурово молчали и примерялись к оружию. Владислав Григорьевич отказался принять такие жертвы, собрал всех, кто еще оставался в штабе, их оказалось немного, и отправился на фронт.

Его появление на передовой для бойцов и командиров явилось полной неожиданностью. Он не кричал и не командовал. Он просто занял место в строю и делал то, что делает рядовой на любой войне. Одно только это вернуло нам уверенность и заставило забыть о смерти. Можно привести самые возвышенные слова, но и они не передадут то состояние духа, что овладело нами.

Наступил момент истины! Цепи ополченцев поднялись из окопов и ринулись в атаку. Рядом с нами шел Владислав Григорьевич. В те минуты мы стали одним целым, и, казалось, ничто не могло остановить наш порыв. Но гвардейцы вцепились намертво в позиции, а когда узнали, что Владислав среди нас, принялись яростно контратаковать. В какой-то момент мы дрогнули и попятиться назад.

Перед нами затрещали кусты и на поляну, на Владислава Григорьевича выскочил растрепанный боец; за его спиной мялись еще двое. Паника на войне – самое страшное, и ее остановить можно только пулей. Они узнали президента и обречено уронили головы. Минуту, может больше, длилась пауза. Владислав Григорьевич смотрел на новенький гранатомет в руках бойца, на потухшее лицо, и в его взгляде не было ненависти, а плескалась такая досада и боль, что нам всем стало невыносимо стыдно за свою слабость.

– Ну, какое тебе еще надо оружие, чтобы отстоять свою землю?! – с горечью воскликнул он

Эти простые слова были для нас сильнее самого пламенного призыва. Мы снова поднялись в атаку и, несмотря на ожесточенное сопротивление гвардейцев, отбили позиции. Потом были бесконечно долгие и невыносимо трудные дни и ночи на пути к победе. Но именно там, под Ахбюком мы окончательно поверили, что рано или поздно она придет к нам, потому что ради нее каждый из нас, начиная от президента и, заканчивая простым бойцом, готовы были отдать жизни.

РАЗГОВОР ПО ДУШАМ

Очередной рабочий день в Администрации Президента Республики Абхазия Владислава Ардзинба начался с хорошей новости. Из Москвы приехал министр иностранных дел Сократ Джинджолия. В своем докладе он сообщил о положительных подвижках в позиции российского руководства по вопросу смягчения режима блокады. В ходе сложных переговоров в МИДе и Федеральной пограничной службе Сократ сумел договориться с российскими пограничниками о дискретном допуске турецких судов с продовольствием и горючим в порт Сухума. Эта была полумера, но она позволяла частично ослабить удушшую петлю блокады, от которой уже третий год жестоко страдал его – Владислава Ардзинба народ.

После ухода Сократа президент не удержался и позвонил в Москву старым друзьям по работе в Верховном Совете. Они были немногословны, но намекнули: «процесс пошел: грузинские конфиденты на Охотном ряду и Смоленской площади начали сдавать свои позиции».

Уверенный тон друзей дал президенту надежду на то что, в Кремле, наконец, нашлись трезвые головы, осознавшие очевидный для него факт: не Грузия, а Абхазия является истинным союзником России в начатой США битве за Кавказ. Именно Абхазия, как полагал Владислав Ардзинба, со временем станет тем самым маленьким, но надежным локомотивом, который, рано или поздно, вытащит Грузию из-под «машиниста Шеварднадзе», мчащего на всех парах ее, а вместе с ней Закавказье в объятия американцев и НАТО.

Закончив разговор с Москвой, Владислав Григорьевич в приподнятом настроении взялся за текущие дела; его не испортили даже кричащие проблемы, связанные с катастрофическим дефицитом го-

рючего. Пошли вторые сутки, как на заправках закончился бензин, ситуация настолько обострилась, что затронула армию. Как докладывал министра обороны Султан Сосналиев, по этой причине были отложены сборы с резервистами, а в баки танков и патрульных катеров пришлось залить последние резервы горючего.

Блокада на границах Абхазии в очередной раз жестоко напомнила о себе, но президент не терял уверенности и надеялся, что испытанные друзья Аттила Авидзба и Урал Атыршба сумеют отправить из Турции танкер с горючим. В правительстве тоже, сложа руки не сидели и не ждали у моря погоды, а с помощью «толкачей» в российской таможне всеми правдами и неправдами пытались пропихнуть через границу на Псоу бензин и солянку.

Приближалось время обеда, Владислав Ардзинба сложил документы в папку, когда раздался звонок по ВЧ–связи. Из Тбилиси на него вышел сам Шеварднадзе. «Белый Лис», как всегда, начал издалека, и чем дольше продолжался разговор, тем все более неуютно чувствовал себя президент. Последние конфиденциальные договоренности, достигнутые Сократом на встречах в российском МИДе, не составляли для Шеварднадзе секрета. Более того, в Тбилиси знали в деталях об «особых условиях» пропуска турецких судов в порт Сухума. Напрашивался вывод – произошла банальная утечка информации! Где дали течь, Владиславу Григорьевичу не пришлось ломать голову. Это был не первый случай, когда грузинская «пятая колонна», окопавшаяся в сталинской высотке на Смоленской площади, подставляла его и друзей Абхазии в российском руководстве.

Шеварднадзе с убийственной иронией продолжал гвоздить ядовитыми вопросами. Владиславу Ардзинба нечего другого не оставалось, как только в бессильной ярости скрипеть зубами. «Белый Лис» в очередной раз не упустил возможности продемонстрировать, кто в российском МИДе настоящий хозяин. Этой словесной пытке, казалось, не будет конца; у Владислава Ардзинба иссякло терпение, и он брезгливо швырнул трубку ВЧ–связи на аппарат.

Враги России и Абхазии, опять нанесли коварный удар по его планам. Гнев и возмущение душили президента. Проклиная в душе продажных и беспринципных чиновников, окопавшихся на Смоленской

площади, он в сердцах сломал карандаш. И тут снова зазвонил телефон. На этот раз по внутренней связи; с докладом вышел руководитель Службы государственной безопасности. То ли из-за помех на линии, то ли от волнения временами его голос прерывался. И было от чего. По оперативным каналам в СГБ поступила «убойная информация», и касалась она не много не мало, а нового командующего российскими миротворческими силами в зоне абхазо-грузинского конфликта.

По данным абхазских контрразведчиков, он возвратился из поездки в Тбилиси не с пустыми руками, а с личным подарком от «Белого Лиса». Да еще с каким – новенькой иномаркой, стоимости которой вполне хватало, чтобы до конца жизни прокормить командующего, а вместе с ним весь штаб, включая вечно ненасытных тыловиков, в московском ресторане «Арагви».

Это сообщение стало последней каплей, переполнившей чашу терпения президента. Спокойно взирать на такое откровенное мздоимство он уже не мог; до продажных московских чиновников ему было не дотянуться, но командующий российскими миротворцами находился под рукой. Сгорая от праведного гнева, Владислав Ардзинба распорядился пригласить его на прием.

От комплекса правительственных зданий до объединенного штаба российской миротворческих сил, располагавшегося на территории военного санатория Московского военного округа, было не более пяти минут езды. Командующий оказался на месте и не заставил себя ждать; вскоре его чеканный шаг зазвучал в коридоре президентского крыла.

Поблескивая надраенными до зеркального блеска ботинками и белозубой улыбкой на загоревшем лице, он появился на пороге приемной. В новой, еще непривычной для глаз форме, которая пришла на смену старой советской, он скорее походил на натовского, чем российского генерала. Мундир, усыпанный карманами и оловянной мишурой, сверкал, словно рождественская елка, а огромная, с высоко задранной тульей фуражка напоминала летное поле гудаутской авиабазы.

Небрежно поздоровавшись с министром; тот невольно вытянулся в струнку, и, не удостоив внимания двух телохранителей, скромно стоявших у окна, генерал бросил нетерпеливый взгляд на начальника секретариата Раису Погорелую. Она приветливо поздоровалась и

пригласила занять место на диване. Командующий нетерпеливо мотнул головой, да так, что едва не сшиб фуражкой-аэродромом вешалку, остановился посередине приемной и раздраженно буркнул:

– Доложите! У меня нет времени!

– Одну минуту, – засуетилась под грозным генеральским взглядом Раиса Николаевна и подняла трубку телефона.

Командующий недовольно скрипнул ботинками, ледяным взглядом окатил неловко замаявшегося министра, и остановился на телохранителях. Их расслабленные позы пробудили в его армейской душе праведный гнев, но он так и не успел построить во фронт и подровнять под линейку этих полувоенных штафинок. Вовремя вмешалась Раиса Николаевна и пригласила:

– Товарищ генерал, пожалуйста, заходите! Владислав Григорьевич вас ждет!

Генерал не забыл заглянуть в зеркало, видимо остался доволен своим бравым видом, решительно ухватился за ручку двери и уверенно шагнул в кабинет. Через секунду о нем напоминали лишь резкий запах тройного одеколона и кожи новеньких ботинок.

В приемной вновь воцарились мир и спокойствие. Телохранители – Ибо и Джон вернулись к разговору о прошедших соревнованиях по рукопашному бою. Министр снова почувствовал себя гражданским человеком, присел на краешек дивана и зашуршал бумагами. Раиса Николаевна принялась сортировать документы на доклад; их внушительная стопка занимала половину стола. Благостную тишину нарушали лишь шелест страниц и жужжание старенького вентилятора.

Прошла минута-другая, и из кабинета президента слышались, приглушенные дверью возбужденные голоса. Они быстро перешли в такую яростную перепалку, что Раиса Николаевна вынуждена была стыдливо закрыть уши. Министр с головой зарылся в бумаги, а от былой вальяжности телохранителей не осталось и следа. Ибо и Джон бросали тревожные взгляды то на безжизненно молчащий телефон прямой связи с президентом, то на дубовую дверь кабинета, вздувшуюся как негодная консервная банка от бушевавших за ней страстей, и нерешительно топтались на месте.

Внезапно крики оборвались. За дверью происходила загадочная возня, потом слышались глухие удары. Раиса Николаевна побледнела и вскочила со стула. Министр остолбенел и растерянно захлопал глазами. Ибо с Джоном колебались не больше секунды и, не дожидаясь команды, ринулись спасать президента. Они ворвались в кабинет и застыли на пороге с открытыми ртами.

Им под ноги катилась фуражка-аэродром генерала. Ее хозяин ушел в глухую оборону. Его голова по самые уши утонула в спинке мягкого кресла, а спина и все то, что было ниже, превратилось в барабан, на котором рассвирепевший президент отбивал так милый сердцу настоящего военного марш «Прощание славянки» и сопровождал зловещими выкриками:

– Сегодня машину, а завтра родину!

– Нашел себе друга?! Эту продажную сволочь Шеварднадзе!

В ответ доносилось лишь сопение. Генерал был сломлен и перестал оказывать сопротивление. Первым из телохранителей дар речи обрел Ибо.

– Владислав Григорьевич?! Владислав Григорьевич, нам...

– Чт-о?! – бросив на него такой взгляд, что бедняга едва не провалился под пол, президент рыкнул: – Вон! Вас кто сюда звал? – и уже вдогонку проворчал: – Ну, что за люди? Поговорить, не дадут!

Обескураженные Ибо с Джоном, как пробки из бутылки, вылетели из кабинета в приемную. Министра в ней уже не было. Его словно ветром сдуло. Раиса Николаевна, будто рыба, выброшенная на берег, открытым ртом хватала воздух и двумя руками удерживала дверь в коридор, опасаясь, что там услышат далеко не дипломатическую лексику президента.

Шум в кабинете президента быстро стих, но генерал так не появился в приемной. Ибо с Джоном обменялись недоуменными взглядами, и, не решаясь заглянуть в кабинет, напряженно прислушивались к тому, что в нем происходило. Скрип дверцы шкафа и последовавший затем характерный звон стеклянных бокалов заставили их с облегчением вздохнуть. Яркий и убедительный армейский лексикон президента, видимо до глубины души потряс боевого генерала и, назревавший

было «военно-дипломатический конфликт», закончился вполне мирно разговором по-русски.

Прошло около получаса, и из кабинета вышли президент и генерал. Их глаза подозрительно блеснули, а щеки горели ярким румянцем. Взаимное крепкое рукопожатие лишней раз свидетельствовало о том, что все неясности были улажены и остались позади. Под вой сирены машины ГАИ генерал отправился к себе в штаб.

Владислав Григорьевич, хитровато улыбнувшись каким-то своим мыслям, мимоходом бросив многозначительный взгляд на неловко переминавшихся телохранителей, смущенно прятавшую глаза Раису Николаевну, и возвратился в кабинете. Она поняла все без слов и, склонившись над списком посетителей президента, принялась звонить, отменяя назначенные встречи. Владислав Григорьевич прошел к окну и остановился. Его взгляд был устремлен в морскую даль. Очередной бой за Абхазию он снова выиграл.

ОДИН ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ ПРИЕМ

Такого изнурительно-жаркого августа в Абхазии давно уже не было. В полдень от палящего солнца на улицах Сухума начинал плавиться асфальт, металлические крыши домов раскалялись как сковородки, а от обжигающе – горячего воздуха перехватывало дыхание. Здесь же, на государственной даче Президента Республики Абхазия жара мало ощущалась. Детище Николая Смецкого – знаменитый дендро – парк надежно защищал ее от жгучих солнечных лучей,

Пошла вторая неделя, как президент – Владислав Ардзинба переехал сюда из городской квартиры. В последнее время его все чаще донимали острые головные боли, временами переходящие в изматывающую не только тело, а и душу слабость. Перемена места сказалась к лучшему, он почувствовал себя гораздо бодрее и с прежней энергией принялся за дела.

Одно из них и, весьма важное, предстояло решать в ближайший час. Посол США в Грузии находился на пути к госдаче. С чем он мог пожаловать, президент мог только догадываться. После провала в Тбилиси «миссии Примакова», пытавшегося вдохнуть новое дыхание в абхазо – грузинские переговоры, американцы тут же активизировались. В том, что коварный «Белый Лис» – Шеварднадзе непременно воспользуется визитом посла и постарается разыграть очередную комбинацию на американском и российском политическом поле, сомнений у Владислава Ардзинба не возникало.

При одном только воспоминании о роковой поездке в августе 1997 года в Тбилиси ему стало не по себе. За годы своей бурной политической деятельности в более унижительном положении он еще не находился. Шеварднадзе переиграл его и Примакова по всем статьям.

Выманив в Тбилиси на «переговоры», «Белый Лис» попытался предстать в роли «великого и милосердного», а президента Абхазии выставить «упрямым и кровожадным вождем «сепаратистов».

В памяти Владислава Ардзинба всплыли ее мельчайшие детали. То было время, когда казалось, что, вот-вот в переговорах с Тбилиси произойдет прорыв и ему, наконец, удастся вырвать Абхазию из тисков жесточайшей блокады. Во многом эту надежду питал приход на должность министра иностранных дел России, хорошо знакомого по совместной работе в Верховном Совете СССР Евгения Примакова. В отличие от предшественника – Андрея Козырева, смотревшего в рот американцам и бывшему своему шефу Шеварднадзе – новый министр занимал позицию, отвечавшую национальным интересам России на Кавказе.

14 августа на борту министра иностранных дел России они отправились в Тбилиси. Столица Грузии встретила их безоблачным небом, шикарной ковровой дорожкой и возбужденной толпой корреспондентов, осадивших трап самолета. Первым на него сошел Примаков, и сразу попал под «обстрел» журналистов.

«Я привез вам Ардзинба!» – первые фразы, слетевшие с губ министра иностранных дел России, прозвучали для президента Абхазии ужаснее пощечины.

Его – руководителя страны, победившей в тяжелейшей войне, представили этой галдящей и ухмыляющейся толпе как какого – то непокорного вассала, доставленного к трону восточного сатрапа. От возмущения во Владиславе Григорьевиче все вскипело. Примакову стоило немалых усилий, чтобы уговорить его спуститься с трапа и отправиться на встречу с Шеварднадзе. Тот встретил их слащавой улыбкой, но ни она, ни стол, ломившийся от выпивки и закуски, не могли ввести в заблуждение. В горло президента Владислава Ардзинба не лез кусок, который старательно подсовывал хозяин стола, а душу мутило от одной только мысли, что он так легко попался на «крючок», ловко подведенный коварным «Белым Лисом».

Болезненные воспоминания отозвалось острой пульсирующей болью в затылке Владислава Григорьевича. В глазах зарябили черные точки и мучительная слабость, которая после поездки в Тбилиси все

чаще напоминала о себе, снова разлилась по телу. Уже не первый месяц врачи пытались «докопаться» до причины недуга, но пока их усилия были тщетны.

И снова в памяти президента всплыл разговор со Станиславом Лакоба, произошедший накануне той поездки в Тбилиси. Давний соратник по национально – освободительной борьбе, с которым был «съеден ни один пуд соли», категорически возражал против нее. Его аргументы вызывали разве что улыбку. Богатое воображение историка могло подсказать не только банальную версию с отравлением, а и более изощренные способы и средства, наверняка имевшиеся в арсенале грузинских спецслужб. Тогда он отмахнулся от этих доводов, но Станислав упрямо твердил свое, и возвращался к истории загадочной смерти Председателя ЦИК Абхазии Нестора Лакоба, произошедшей в Тбилиси в декабре тридцать шестого.

Владислав Ардзинба зябко повел плечами, словно освобождаясь от груза прошлых воспоминаний, и вышел на балкон. В эти минуты кортеж посла США в Грузии подъехал к госдаче. Створки ворот распахнулись, и бронированный джип, с трудом вписываясь в крутые повороты дороги, проехал наверх и остановился на смотровой площадке. С нее открывалась, захватывающая дух панорама сухумской бухты. Но ему было не до красот Абхазии, нетерпеливым взглядом он пробежался вокруг и, не заметив суестьегося Владислава Ардзинба, нахмурился.

Посла встречал лишь помощник президента. Они поднялись на крыльцо, на котором застыли два телохранителя, больше походившие на абреков. Под их холодными, прощупывающими взглядами он почувствовал себя неуютно, торопливо проскользнул в дверь и оказался в просторном коридоре. Гордец Ардзинба даже здесь не посчитал нужным встретить представителя самой могущественной державы. Посол бросил ледяной взгляд на помощника президента; тот в вежливом поклоне склонил голову и распахнул дверь в кабинет.

С каменным лицом посол переступил через порог и оказался в просторной квадратной комнате. После яркого дневного света глаза долго привыкали к царившему в ней полумраку.

В кабинете находился один человек. Он занимал место за столом, его лицо скрывалось в тени, и только по характерному медальному профилю американец догадался, что перед ним Владислав Ардзинба. Как ему показалось, лидер абхазов тяжело поднялся из кресла. На этот раз ЦРУ не ошиблось в оценке состоянии здоровья президента Абхазии. Судя по всему, он, действительно, был болен, медленно ступая, сделал навстречу несколько шагов и остановился.

Обменявшись рукопожатиями, президент и посол прощупали друг друга испытывающими взглядами. Искушенные в политике, они умели скрывать свои мысли, и потому эта «перестрелка» мало, что дала. Владислав Ардзинба нахмурил брови – внешний вид посла вызвал в нем раздражение. Кроссовки, линялые джинсы, мятая рубаша и небрежно повязанный галстук говорили о том, что он, видимо, перепутал техасское ранчо с государственной резиденцией. Президент холодно кивнул на кресло, а сам занял место за столом.

Посол расположился напротив и, закинув ногу на ногу, первым нанес болезненный для Владислава Ардзинба удар. Со скорбным выражением на лице он спросил:

– Как ваше здоровье, господин президент?

Тот сухо произнес:

– Это не имеет отношения к делу. Что вы намерены мне сообщить?

– Хорошо, одну минуту, – ответил американец и раскрыл папку.

Не заглядывая в нее, он заговорил напористо и энергично. Это был дежурный набор фраз, с которыми в последнее время к руководителю Абхазии обращались западные политики и дипломаты. Прошло несколько минут, и в голосе посла зазвучали непривычно жесткие нотки. Он, не смущаясь, говорил об ущербности односторонней ориентации руководства Абхазии на Москву, недвусмысленно намекал на то, что при нынешнем российском руководстве рассчитывать на смягчении экономической блокады на границе не стоит. Президент молчал. Это прибавило послу уверенности. Отбросив в сторону дипломатический этикет, он прямо предложил Владиславу Ардзинба искать выход из политического и экономического тупика не в Москве, а в Тбилиси и Вашингтоне, обещая взамен пролить на разоренную Абхазию «долларовый» дождь.

Президент угрюмо смотрел куда-то за спину посла, и эта кажущаяся пассивность, вселяла в того все большую уверенность. Увлеченный собственной речью, он уже не сомневался в неотразимости своих аргументов и принялся в такт словам постукивать указательным пальцем по крышке стола. Самоуверенность и нахрап сыграли с ним злую шутку. Мимо внимания посла прошли изменения, произошедшие с Владиславом Ардзинба. Губы президента сошлись в жесткую складку, а уголки бровей взметнулись вверх. Наливаясь гневом, он резко оборвал гремевшую камнепадом речь посла:

– Достаточно, господин посол! Мне все понятно!

Тот осекся.

Сдерживая душившее его негодование, Владислав Ардзинба с вызовом произнес:

– Вы что, хотите выкрутить нам руки? – и, не дождавшись ответа, решительно заявил: Не выйдет! Мы вам не банановая республика, а Абхазия! Она была две тысячи лет назад и еще столько же будет!

В глазах посла появился лед, но через мгновение растаял. Опытный дипломат он умел владеть своими чувствами, расплывшись в фальшивой улыбке, снисходительно заметил:

– Ну, зачем же так, господин президент! Вы историк и не хуже меня знаете – эмоции в политике плохой советчик.

– Советчик говорите? Хорошо, что в таком случае вы посоветуете?

– Давайте будем реалистами, – и американец снова перешел в атаку: За послевоенное время политическая, я уже не говорю о внутренней ситуации в Абхазии, значительно ухудшились. Ваши надежды на Россию не оправдались. Вряд ли на этом направлении вас ждет успех.

– Вы так думаете? – с иронией спросил президент.

Это не смутило посла, и он продолжал упорно гнуть свое:

– Не только думаю, а уверен! Вы стучитесь в ту дверь, которая закрыта! Это не мы, а Россия своей блокадой заставляет абхазский народ терпеть неслыханные лишения. В сложившейся ситуации ваша позиция вызывает у значительной его части не только недоумение, а отрицательное отношение. – Посол сделал многозначительную паузу, стрельнул испытывающим взглядом на помрачневшего Владислава

Ардзинба и, не услышав ответа, продолжил: Господин президент, настало время, когда стоит более внимательно посмотреть в другую сторону и там искать ключ к решению проблемы. Я не сомневаюсь, что у нас вы найдете понимание. Путь Абхазии в цивилизованный мир лежит через Запад.

– Вы хотите сказать, через Грузию?! – в голосе Владислав Ардзинба зазвучал металл, а в уголках глаз морщинки собрались в тугой узел.

– В общем, да! – подтвердил посол и поспешил добавить: Конечно, при самой широкой автономии для Абхазии и нашей неограниченной экономической помощи. На первом этапе она может составить около двадцати миллионов долларов. Эта цифра, как вы понимаете, не окончательная, но если ваш курс будет иметь другой вектор, то...

– Курс?! В цивилизованный мир?! – взорвался президент и обрушился на американца: А где был тот цивилизованный мир, когда фашисты из Тбилиси расстреливали безоружных стариков и детей?! Где он был, когда бомбили наши города и села?! Почему вы молчали, когда эти варвары жгли наши архивы, только чтобы стереть с лица земли даже само упоминание об абхазах?! Я вас спрашиваю?!

Кровь прихлынула к лицу посла. Он, как рыба, выброшенная на берег, хватал раскрытым ртом воздух, а когда пришел в себя, то в нем снова заговорил дипломат.

– Я понимаю вас, господин президент, это большая трагедия, но пришло новое время и потому надо смотреть дальше, вперед. Там...

– Вперед?! Куда снова в Грузию?! Вы хоть понимаете, о чем говорите?! Это равносильно тому, если бы русскому и американскому народам, свернувшим шею фашизму, опять предложили Гитлера с его концлагерями и гестапо! Вы что это хотите вернуть моему народу?!

– Господин президент! Господин президент! Я имел ввиду другое, – растерянно бормотал посол и нервно елозил в кресле.

– Друго-е?! – процедил Владислав Ардзинба и, не выбирая выражений, обрушился на посла: – Тоже мне благодетель нашелся! Если вы такой знаток Абхазии, то чего в броневику по Сухуму раскатываете. Выйдите на улицу и повторите все это людям, а я посмотрю, что с вами станет!

Американец захопал глазами, его лицо побагровело как перезревший помидор, а когда к нему вернулся дар речи, сорвался на визг:

– Жалкие пигмеи! Решили нас запугать?! Меня?! Америку?! Мы только пошевелим одним пальцем, и вы завтра приползете в Тбилиси на коленях! Мы вас...

– Чт-о?! – этот не то рык, не то рев расвирепевшего президента расплющил американца в кресле, заставил вздрогнуть помощника и напрячься телохранителей.

В следующее мгновение произошло то что, что вряд ли когда случалось в современной дипломатической практике. Папка с американскими предложениями взлетела над столом и с оглушительным треском хлопнулась перед носом ошалевшего посла. Его физиономию перекосило, щеки запылали как от пощечины. Он пытался что – то сказать, но следующий удар Владислава Ардзинба был посильнее аперкота знаменитого Мохаммеда Али.

– Пошел ты... со своими предложениями!!!

Посол хоть и слабо знал русский, но понял все без переводчика и расплылся как студень. Последнее «предложение» президента Владислава Ардзинба, херило навсегда не только его дипломатическую карьеру, а и имя. Отмыться от подобного позора можно было разве, что собственным хакари на глазах всего госдепа США.

Несколько секунд в кабинете царила гнетущая тишина, которую нарушало лишь прерывистое дыхание президента и посла. Они испепеляли друг друга пылающими взглядами. Сколько продолжалась эта молчаливая «перестрелка» не могли сказать ни помощник, ни телохранители, застывшие каменными изваяниями у стен. Первым остыл президент. Посол тоже быстро спустил пар, перспектива политического хакари его явно не устраивала, но как выпутаться из того положения, в которое он сам себя загнал, он не знал. Все зависело от Владислава Ардзинба.

Тот прокашлялся и с легкой иронией спросил:

– Господин посол, надеюсь, что после такого дипломатического разговора воевать не станем?

– Худой мир лучше, любой доброй ссоры, – американец поддерживал миролюбивый тон.

– Извините, я был слишком резок, – здесь президент сделал паузу, а затем продолжил: Прошу понять меня правильно, дело вовсе не в упрямом Ардзинба, а в моем народе. В прошлой войне и за свою долгую историю он перенес столько страданий, что заслуживает к себе большего уважения. У нас нет вашей военной армады, и потому мы защищаемся как можем. Мы с уважением относимся к американскому, русскому и, несмотря на все произошедшее, к грузинскому народу, но и к себе требуем того же, Мы никому не позволим разговаривать с собой с позиции силы и указывать, как нам жить дальше. Не загоняйте нас туда, откуда нет выхода. Дайте время, и оно все расставит по своим местам. Мы хотим мира, но мира, который бы нам не диктовали из Тбилиси, Вашингтона и даже Москвы. Надеюсь, вы меня понимаете?

– Да, господин президент! – впервые за время беседы в глазах американца появилось сочувствие. На это раз он говорил искренне:

– Владислав Григорьевич, я понимаю вас и ваше стремление помочь своему народу, но, к сожалению, – посол развел руками, – вы, а тем более я, не можем не считаться с жестокими реалиями политики, а она диктует свои правила игры. Я чиновник и должен строго следовать им, но вы президент и у вас есть право выбора. Прощаясь, хотел бы пожелать, будьте осмотрительны, смотрите, не ошибитесь.

– Не ошибемся! – был категоричен Владислав Ардзинба и, пожав послу руку, еще долго смотрел ему вслед.

Все это время телохранители боялись пошелохнуться; такого президента им давно не доводилось видеть, На их памяти подобное было под Ахбюком, когда он поднял в атаку ополченцев, дрогнувших перед бешеным натиском гвардейцами. С того времени прошли годы, а президент с прежним неистовством и напором продолжал воевать за нее – за Абхазию!

СНОВА ВМЕСТЕ

Несмотря на ранний час, в воздухе не ощущалось бодрящей утренней прохлады. Даже легкий морской бриз, потягивавший со стороны моря, был не в силах остудить жар, исходящий от иссушенной небывалой июньской засухой земли и прокаленной солнцем взлетной полосы военного аэродрома в Гудауте. В зыбком мареве трудяга военный транспортник «Антоша» скорее напоминал собой фантастический звездолет, чем самолет. Подчиняясь твердой руке пилота, он стремительно пронесся по бетонке и взмыл в воздух.

Прошло несколько минут, и Гудаута, широко и привольно раскинувшаяся по берегу моря, превратилась в хаотичное скопление каменных коробок. Самолет дал крен на крыло; справа, в иллюминаторах промелькнула мрачная громада гор, холодно блиставшая вечными ледниками, внизу тонкой жемчужной нитью вспенилась кромка морского прибоя, а в следующее мгновение по курсу показалась пицундская коса. На ней, подобно драгоценным камням в малахитовом обрамлении знаменитой тиссо-самшитовой рощи, возникли корпуса пансионатов, переливавшиеся на солнце многоцветьем огромных стеклянных витражей. Вскоре Пицунда скрылась из вида.

Самолет набрал высоту, и оживленная волна прокатилась по салону. На его борту находились президент Владислав Ардзинба, премьер Сергей Багапш, министр иностранных дел Сергей Шамба, глава старейшин Абхазии Павел Адзинба, депутат Вячеслав Цугба, главный редактор газеты «Республика Абхазия» Виталий Чамагуа, глава Сухумского района Лев Авидзба и другие. Это был первый зарубежный визит абхазской делегации в таком представительном составе. И не просто визит, а визит в Турцию, где предстояла встреча с потомками махаджиров.

До Стамбула оставалось меньше часа лета, и все – от президента до немногочисленной охраны – Гембера Ардзинба и Ибрагима Авидзба задавались одними и теми же вопросом: кого они встретят на турецкой земле?

«Братьев по духу и крови?»

«Праздных зевак, пришедших посмотреть из любопытства?»

«Или может быть холодное равнодушие?»

Предстоящая встреча должна была дать ответы на этот и многие другие вопросы. А пока абхазской делегации приходилось бороться с ужасной болтанкой. Самолет попал в зону турбулентности и его, словно щепку на морской волне бросало из стороны в сторону. Выход из ситуации нашли быстро; практичный руководитель одной из здравниц Пицунды Рудик Хагуш поднялся на борт не с пустыми руками. Обжигаящая горло чача вскоре привела абхазскую делегацию в равновесие с капризной природой. Качка прекратилась, и до самого Стамбула уже никто не замечал неудобств. После приземления самолет подкатил к пассажирскому терминалу и делегаты, сгорая от нетерпения и любопытства, прильнули к иллюминаторам.

На взлетном поле царил нервная суэта. Несколько человек раскатывали по бетонке красную ковровую дорожку к боковому выходу из самолета. Наземные техники безуспешно пытались пристроить к нему трап, но крепления не подходили. Кто-то из делегатов не удержался и пошутил,

– К нашему абхазскому самолету не так просто подобраться!

Веселый смех прокатился по салону, и снова все внимание было приковано к тому, что происходило на летном поле. На нем появилась группа людей и уверенно направилась к самолету. Чуть впереди шел представительный мужчина.

– Ирфан Аргун! – узнал его Сергей Шамба.

– Гюндуз Геч!

– Джемал Эти!

– А вон и наш Вова Авидзба!

– Смотрите, здесь даже Зураб Лакербая – заговорили наперебой члены абхазской делегации, и потянулись к выходу.

В это время из пилотской кабины вышел командир и, неловко помявшись, доложил:

– Владислав Григорьевич, с выходом проблема – их трап к нашему борту не подходит.

Президент на мгновение задумался и заявил:

– Но прыгать, как козы мы не станем! Несolidно! Так ведь командир?

– Владислав Григорьевич, я не дипломат, а военный, – уклончиво ответил тот.

– Самолет для десантников?

– Да!

– А у нас тоже десант только мирный и братский, поэтому выйдем как десантники! Ты меня понял командир? – распорядился Владислав Ардзинба.

– Есть, товарищ президент! – оживился летчик и исчез в кабине.

Через мгновение корпус самолета вздрогнул; массивная крышка грузового люка поползла вниз и, громыхнув о бетонку, легла на взлетное поле. Встречающие оторопело смотрели на происходящее. Первым сообразил в чем дело Владимир Авидзба и что-то крикнул рабочим. Те, ухватившись за ковровую дорожку, потащили ее к грузовому выходу. Владислав Ардзинба, Сергей Багапш, Сергей Шамба, а с ними остальные члены абхазской делегации успешно «десантировались» на турецкую землю и тут же попали в крепкие объятия встречающих. Не задерживаясь в зале для VIP-персон, они двинулись вперед и на выходе из аэровокзала были оглушены пронзительными гудками автомобильных клаксонов и свистом полицейских свистков. Привокзальная площадь и все подъезды к ней оказались забиты людьми и машинами. Невообразимый шум, стоявший в воздухе, заглушал рев двигателе взлетающих и заходящих на посадку самолетов.

– Ну, попали! – воскликнул кто-то из абхазской делегации.

– Может это нас встречают? – прозвучало чье-то робкое предположение.

– Вряд ли, наверно забастовка! – не согласился с ним.

– Скорее всего, это с Аджаланом связано, – проявил завидную информированность Виталий Чамагуа.

– Точно! Вчера его захватили в Эфиопии и сегодня должны привести в Турцию, – поддержал кто-то главного редактора газеты «Республика Абхазия».

– Совершенно верно! – подтвердил Ирфан Аргун. – Долго за ним охотились. Теперь курдским боевикам туго придется, – а затем, широко улыбнувшись, продолжил: – Но к нему это никакого отношения не имеет.

То, что это так, Владислав Ардзинба и его соратники убедились сами. Когда они вышли на привокзальную площадь, рослые парни – махаджиры из охраны расступились, и делегаты оказались перед огромной толпой. В следующее мгновение она взорвалась оглушительными криками:

«Абхазия! Абхазия!»

«Владислав! Владислав!»

«Мы братья! Мы братья!»

«Мы снова вместе! Мы вместе!»

Перед абхазской делегацией раскинулось бескрайнее людское море. Над ним трепетали сотни национальных флагов Абхазии и покачивались портреты, с которых где сурово, где приветливо смотрел президент Владислав Ардзинба. Сам он, Сергей Багапш и Сергей Шамба с трудом сдерживали готовые вот-вот навернуться на глаза слезы радости и восторга. Произошло то, о чем многие годы мечтали их предки. Разделенный народ, спустя 130 лет воссоединился, и приветствовал своего президента.

В этот исторический момент Владислав Ардзинба и его соратники, чувствовали себя такими же счастливыми, как и 30 сентября 1993 года. В тот день последний оккупант покинул землю Абхазии и она, наконец, стала свободной! И только на лице личного представителя Шеварднадзе – Зураб Лакербая, который в последние годы делал все, что было в его силах, чтобы сблизить позиции грузинской и абхазской сторон, сохранялось суровое выражение.

– Что с тобой Зураб? – поинтересовался Виталий Чамагуа.

– Вас встречают как победителей! – отметил тот.

– И что?

– А грузинскую делегацию не пришла встречать ни одна собака! – подчеркнул он.

Дальше поговорить им не удалось, натиск толпы усилился, и абхазской делегации, чтобы не быть задушенной в объятиях, пришлось искать спасения в машинах. Кавалькада из десятка мерседесов под нескончаемые приветствия и овации с трудом пробилась на выезд и в сопровождении полицейского эскорта направилась в Стамбул. Вслед за ней, сотрясая воздух выстрелами и ревом клаксонов, устремилась автомобильная армада. Обычно неумолимая и суровая к нарушителям турецкая полиция на тот раз была благосклонной.

– Все как у нас! – пошутил Владислав Ардзинба.

– Как будто из дома не уезжали, – согласился с ним Сергей Шамба.

В этом оба были совершенно правы. Потом в течение всего того времени, что абхазская делегация находилась в Турции – будь то фешенебельный отель «Хилтон» или обыкновенный сельский дом, беседы с министрами или простыми крестьянами, их везде встречали с необыкновенным радушием и теплотой. К своему изумлению здесь в Турции они заново открывали ту патриархальную и самобытную Абхазию, рассказы о которой слышали от своих дедов и прадедов. Это было настоящим чудом – вдали от исторической родины они – махаджиры сумели в мелочах сохранить уклад жизни мудрых предков. Революции и войны оказались бессильны перед великим духом нации. Сердце Абхазии продолжало биться в горах Болу и Сакарая. Порой Владислав Ардзинба, Сергей Багапш, Сергей Шамба и их соратники терялись и не могли понять, где они находятся – в Эшерах, Джгерде или Дюздже и Энегеле.

Визит абхазской делегации в Турции не остался незамеченным. Ни один выпуск вечерних новостей не обходился без сообщений о ней. Газеты пестрели портретами Владислава Ардзинба. С ревностным вниманием за визитом наблюдала грузинская сторона, и при случае не упускала возможности подпустить яда. Не обошлась без этого и заключительная пресс-конференция, проводившаяся абхазской делегацией в отеле «Джамахир».

Задолго до начала его вместительный зал не смог вместить всех желающих. Свободных мест не осталось даже в проходах. В глаза бросалось большое количество грузинских журналистов. Впервые после войны у них появилась возможность напрямую «атаковать» президента Абхазии, и они воспользовались этим сполна.

Не успели руководители абхазской делегации занять места за столом, как на них обрушился град вопросов. Грузинские журналисты били в самое больное место – по проблеме беженцев и, особо не стесняясь в выражениях, хлестали наотмашь. В адрес Владислава Ардзинба и руководства Абхазии звучали обвинения в геноциде, нарушениях прав человека и во всех остальных смертных грехах.

Владислав, подождав, когда гневный запал угаснет, пододвинул к себе микрофон и заговорил спокойным тоном.

– Да проблема беженцев существует! Это серьезная проблема и ее надо решать, но взвешенно и поэтапно. Наши предложения хорошо известны: тем, кто запятнал себя военными преступлениями, нет места на нашей земле! Я повторяю на нашей земле!

– На какой вашей земле?! – прозвучал негодующий возглас.

Молодая грузинская журналистка, пылая гневом, заявила:

– Да как вы можете так говорить?! Это наша общая земля! Мы один братский народ, а вы такими заявлениями его только разделяете!

Ее слова потонули в гуле одобрительных голосов грузинских журналистов. Лицо Владислава Ардзинба исказила гневная гримаса, но он сдержался. О том, какие им владели чувства, могли догадаться лишь те, кто его хорошо знал. Уголки бровей Владислава Григорьевича несколько раз взлетели и опустились, прошла секунда, за ней другая, суровая складка на лице разгладилась и, когда шум в зале стих, он продолжил.

На этот раз президент заговорил на абхазском языке. Сергей Багапш и Сергей Шамба недоуменно переглянулись. Еще большее удивление его речь вызвала у грузинских и немногочисленных русских журналистов. Они начали шушукаться, а Владислав Ардзинба, как ни в чем ни бывало, продолжал говорить. Грузинская журналистка растерянным взглядом пробежалась по залу, Смышленные догадались, в чем дело, и уже не скрывали насмешливых улыбок. Она же, с трудом сдерживая себя, процедила:

– Господин Ардзинба, но я так и не услышала ответа на мой вопрос.

– Разве? – с наигранным изумлением произнес президент и, обратившись к Сергею Багапш, переспросил: – Я, кажется, достаточно понятно все сказал?

– Да! – подтвердили тот, и улыбнулся.

Это еще больше задело журналистку. Она обожгла их ненавидящим взглядом и потребовала:

– Вы можете сказать это по-русски?!

– А чем вас не устраивает ответ на абхазском? – язвил Владислав Григорьевич, – в ответ прозвучало невнятное бормотание – и продолжил: Так что же это у нас с вами получается? Если мы друг друга не понимаем то, о каком одном народе вы говорите? Может о турках-месхетинцах, которых товарищи Сталин и Берия сослали в Среднюю Азию, а сегодня другой, правда, уже бывший товарищ Шеварднадзе не пускает их на родные земли. Молчите! Так вот, я вам скажу: нам такое родство и даром не надо!

В зале еще долго звучал смех, а посрамленная журналистка поспешила затеряться за спинами коллег. Пресс-конференция продолжилась. Бородатый журналист с характерным акцентом повторил прежний вопрос,

– Господин президент, и все-таки хотелось бы узнать ваше мнение по проблеме беженцев – это первое. И второе – чем объясняется столь жесткий подход абхазской стороны к процедуре их возвращения?

Ответ не заставил себя ждать. Он был быстрым и хлестким.

– Если вы имеете ввиду так называемых беженцев, которые, не дожидаясь нашего прихода, вместе с мародерами бежали за Ингур, то это лучше спросить у них самих, почему они не желают пройти вполне оправданной в таких случаях проверки. Если на них нет вины, то ради бога пусть возвращаются.

– Господин президент, тем самым вы хотите сказать: несколько сот тысяч не могут вернуться к себе в Абхазию, из-за того, что совершили преступления? – прозвучал вопрос из задних рядов.

– Нет – это сказали вы! – мгновенно парировал Владислав Ардзинба. – А что касается их числа, то это далеко не так.

– Ну, почему же? Цифры, а их подтверждает и комиссия ООН, говорят сами за себя!

– Какие?! Те, что приводят представители Грузии? Так это откровенная ложь! – в голосе президента зазвучали гневные нотки, – Спекулируя на них, они умышленно вводят в заблуждение мировое со-

общество. Триста тысяч беженцев – это блеф! Не мне вам говорить: в советские времена тбилисские чиновники были общепризнанными мастерами приписки. Как говориться старая школа.

– Но если вы не верите их данным, то назовите свои?

– Хорошо! Обратимся к независимому источнику – последней всесоюзной переписи. Согласно ей, в Абхазии насчитывалось около двухсот сорока тысяч грузин, но никак не триста. Сегодня в Гальском районе их проживает более пятидесяти тысяч и на остальной территории еще десять. Поэтому, мне остается сказать только одно – счетоводам из Тбилиси нечего искать соринку в чужом глазу, а лучше разобраться с «бревном» в собственном – миллионе своих граждан, которые вынуждены бежать в Россию.

За этим последовали и другие острые вопросы, но постепенно Владиславу Ардзинба удалось погасить накаленную атмосферу в зале. Телохранители – Гембер и Ибрагим, все это время сидевшие словно на раскаленной сковородке, опасаясь провокаций, наконец могли расслабиться. Закончилась пресс-конференция под аплодисменты.

После нее абхазская делегация возвратилась в отель «Хилтон». В зале ресторана гостеприимные хозяева организовали заключительный банкет. Здесь, в самом сердце Стамбула, казалось собрался весь многонациональный Кавказ. Абхазы, убыхи, кабардинцы, черкесы, адыгейцы, шапсуги съехались со всех концов Турции, чтобы увидеть и услышать посланцев с далекой родины.

Пылкие речи сменялись песнями и танцами. Зажигательная абхазская мелодия заставила приплясывать за столом даже седовласого Павла Адзинба. Не устоял перед ней президент и вышел в круг. Юная Юшим, подобно легкокрылой горлице закружила перед ним. А он, гордо приподняв голову и расправив плечи, легко и непринужденно двигался по залу. Его танец с Юшим вызвал дружные аплодисменты. Вечер продолжался.

За все время своего существования стены ресторана отеля «Хилтон» вряд ли когда слышали такое богатое многоголосье. Абхазскую песню сменяла адыгская. И было неважно, что пели они на разных языках. В них пела сама душа. Она пела о трепетной любви к ней – родной земле, память о которой не могли стереть ни время, ни расстояния.

ОН В НАШИХ СЕРДЦАХ И ПАМЯТИ

В августе 2008 года тбилиским «ястребам» был дан поучительный урок. Заветная мечта президента Саакашвили – затмить славу Давида Строителя и «собирателя земель грузинских», так и не сбылась. Он и, стоящие за его спиной кукловоды, оказались у разбитого корыта. Судя по всему, оправдываются пророчества злых тбилиских языков, прозвавших его «Миша Армагеддон». Столь мрачное будущее вряд ли грозит Грузии и ее народу. Но то, что время «саакашистов» безвозвратно уходит, не вызывает сомнения. И той Грузии, которая в XX веке, благодаря усилиям Сталина, вызрела в благодатной утробе советской империи, уже никогда не будет.

26 августа 2008 года Абхазия стала признанным государством. Спустя два века, новая Россия возвратила исторический долг Абхазии – ее свободу. В тот день, без всякого преувеличения, столица республики купалась в море радости и счастья. В Сухуме, Гаграх, Ткуарчале, в самых отдаленных горных селах абхазы, русские, армяне, греки, независимо от национальности и языка, поднимали тосты за свободу, за Россию, за ее президента Дмитрия Медведева, за Владимира Путина и, конечно, за «нашего Владислава»!

К сожалению, первый президент Абхазии не смог разделить великую радость и великую победу со своим народом за одним праздничным столом. Тяжелейший недуг, а с ним Владислав Григорьевич боролся все последние годы, приковал его к постели. Это была та страшная цена, которую ему пришлось заплатить, чтобы привести Абхазию к выстраданной победе. То, о чем так мечтал Владислав Григорьевич Ардзинба, сбылось! Его родина стала свободной и независимой! На карте она занимает крохотное место, но это нисколько не умоляет величия первого президента Абхазии. Он был великим при жизни и таким останется после смерти.

Кому-то, вероятно, это покажется игрой воображения, но даже уход Владислава Григорьевича из земной жизни был наполнен множеством знаковых символов.

За неделю до его смерти жители Абхазии обратили внимание на то, что в течение трех ночей диск луны окружал святающийся нимб. Умер он 4 марта 2010 года. В этот день, 4 марта 1949 года, родился Сергей Багапш, принявший у него эстафету тяжелой президентской власти.

Все последующие сутки, вплоть до дня прощания с Владиславом Григорьевичем, на море бушевал свирепый шторм, а на побережье и в горах, непрерывно лил дождь. 9 марта, незадолго до того, как граждане Абхазии пришли к зданию госфилармонии, чтобы отдать дань уважения своему великому президенту, будто по повелению свыше, шторм резко пошел на убыль. К 10 часам дождь прекратился, и с юга повеял нежным теплом своенравный «батумец» Он, словно пытался согреть заледеневшие от безмерного горя сердца абхазов, русских, армян, греков и всех тех, за кого так страстно, так бескомпромиссно до последней минуты своей жизни сражался Владислав Григорьевич.

Даже в дни величайших торжеств: освобождения Абхазия от грузинских захватчиков, признания ее независимости Россией, Сухум не видел на своих улицах столько людей. Трудно подобрать слова, чтобы выразить то искреннее горе, что владело ими в те минуты. Они прощались не просто с президентом, они прощались с тем, кто дал им свободу и надежду на счастливое будущее.

Свой земной путь первый и воистину великий президент Владислав Ардзинба закончил на берегах непокорной реки Гумисты. В августе 1992 года она стала линией фронта. За тринадцать месяцев войны войскам Госсовета Грузии так и не удалось сдвинуть ее ни на метр. Как и подобает командиру, Владислав Григорьевич занял место в боевом строю рядом с теми, кого в суровые дни испытаний вел на смерть ради жизни в будущей независимой Абхазии. И, когда отгремел прощальный салют, тысячи глаз поднялись к небу. Они и бесстрастные объективы кинокамер запечатлели на небе журавлиную стаю. Она направлялась на север, туда, куда все эти неимоверно трудные, наполненные лишениями и страданиями годы, обращал свой взор Владислав Григорьевич – к России.

Вечером в горах, в верховьях Гумисты снова сгустились тучи, и разразилась гроза. Гигантские молнии ослепительными вспышками рвали и терзали сумерки. Чудовищные раскаты грома, казалось, вот-вот обрушат небо на землю. Старожилы тех мест не могли припомнить столь ранней и столь неистой грозы. Она спустилась по реке, прогремела над могилой Владислава Григорьевича и ушла в бесконечную морскую даль. Титан духа, титан воли присоединился к собратьям, чтобы стать священной легендой для будущих поколений граждан свободной Абхазии.

Об авторе

Лузан Николай Николаевич (литературный псевдоним Абин). Лауреат 1-ой и 2-ой премий ФСБ России в области литературы и искусства (2009 и 2006 гг.). Лауреат премии имени Грибоедова (2008 г.). Лауреат Всероссийского конкурса журналистских и писательских произведений – «Мы горды Отечеством своим» (2004 г.).

Автор политического детектива: «Титан в плену багровых карликов», «Бандократия», «Несостоявшаяся командировка», «Операция «Восточный ветер», «Загадка для Гиммлера», «Прыжок самурая», «Махаджиры, возвращение домой», «Операция «Бумеранг», «Загадка Смерш», «Призрак Перл-Харбора. Тайная война», «Смерш Сталину», а также документальных очерков: «Грузия, утраченная иллюзия», «Диверсанты», «Лубянка. Подвиги и трагедии», «Смерш без легенд и вымыслов».

Член авторского коллектива историко – документальных сборников: «Смерш», «Огненная дуга», «Лубянка», «Военная контрразведка. История, события, люди», «Мое сердце в горах», «Храм души».

СОДЕРЖАНИЕ

Правда факта – это правда о Владиславе	3
О роли личности в истории	7
Глава 1. Накануне агрессии	15
<i>Такое было время</i>	16
<i>За ними нужен глаз</i>	20
<i>Красивое слово «Республика»</i>	31
<i>Это у них не пройдет... ..</i>	38
<i>Из всех машин-соберешь одну</i>	46
<i>Я тебя о том и не просил... ..</i>	51
<i>Флакон валерьяны</i>	55
<i>Он еще пожалеет об этом... ..</i>	62
Глава 2. Война. Испытание судьбы	88
<i>Вторжение</i>	89
<i>Застрелиться никогда не поздно</i>	109
<i>Салам алейкум, мой брат, Джохар!</i>	114
<i>Меня вызывают на аэродром. Могу не вернуться... ..</i>	117
<i>Отступление для нас смерти подобно</i>	122
<i>К переговорам не подпускать</i>	127
<i>Армянской общине здорово повезло</i>	134
<i>Чекистом стать обязан</i>	139
<i>О чем не успел сказать Жюли Шартава</i>	146

Глава 3. Блокада: самое страшное – позади. Самое трудное – впереди....156

<i>Свой же город грабите, негодяи...</i>	157
<i>Ты, генерал, лишишься погон, обещаю...</i>	162
<i>И у меня болит душа...</i>	174
<i>У тебя совесть есть, почему не зайдешь...</i>	180
<i>Партию создать можно, но что скажет народ...</i>	184
<i>Езжай в свой Тбилиси, если ничего не хочешь подписывать...</i>	192
<i>Да, это я – Борис Пастухов...</i>	199
<i>Ехать в Тбилиси надо, хотя есть сомнения...</i>	210
<i>Хочу быть вашим обозревателем...</i>	216
<i>Будете умалчивать правду – послужите криминалу...</i>	221
<i>Прозвищем «бешеный» наградил меня Госдеп...</i>	226
<i>И правильно сделал...</i>	236
<i>Америки вам не открываю...</i>	242
<i>Снят за неподготовку...</i>	249
<i>Казус Белли или последнее предупреждение...</i>	259

Глава 4. Николай Абин. Очерки о Владиславе.....279

<i>Момент истины...</i>	280
<i>Разговор по душам...</i>	289
<i>Один дипломатический прием...</i>	295
<i>Снова вместе.....</i>	303
<i>Он в наших сердцах и памяти.....</i>	311

Виталий Зиевич Чамагуа

**ЭПОХА ВЛАДИСЛАВА.
ХРОНИКИ**

Авторская редакция

Техническое редактирование,
набор и компьютерная верстка
Еланы Чамагуа

Художник *Батал Джогуа*

Формат 60х84/16. Тираж 500. Физ. печ. лист 19,75.

Усл. печ. лист 18,4. Заказ № 52.

РУП «Дом печати», Сухум, ул. Эшба, 168